II 8005

19
21-4.

1950.

В.

НII 8005

ПОСЛѢДНЯЯ

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. В. НИКОЛЬСКАГО

1938 № 23552

Лен. Гос. Университет
Научн. библиотека
им. М. Горького

Проверено
2007

1600.

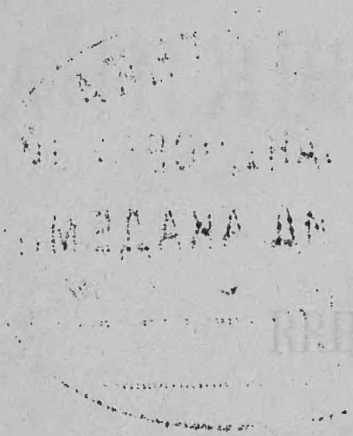
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

25 ДЕК 19[illegible]7

ПОСЛѢДНЯЯ

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

В. В. НИКОЛЬСКІЙ.



ПОСЛѢДНЯЯ

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В.-ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА 6109 2
№

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. В. НИКОЛЬСКАГО

БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В.-ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШК. ПОЛ. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

Дозволено цензурою 10 іюля 1900 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Юбилейныя пушкинскія празднества ознаменовались удивительнымъ обогащеніемъ пушкинской литературы. Качественная сторона дѣла, правда, не такъ внушительна, какъ количественная; но и тутъ справедливая критика имѣетъ право со вниманіемъ и похвалой остановиться на нѣсколькихъ значительныхъ явленіяхъ. Такъ изъ документальныхъ данныхъ, впервые обнародованныхъ въ истекшемъ году, въ особенности должно быть отмѣчено изданіе подлиннаго военно-судебнаго дѣла о дуэли Пушкина, разысканнаго П. М. фонъ-Кауфманомъ. Существенно новаго, бывшаго въ печати, дѣло содержитъ не особенно много; но то новое, что въ немъ находится (новое письмо Пушкина, показанія Данзаса и князя Вяземскаго), проливаетъ обильный свѣтъ на событія и съ драгоцѣнною достовѣрностью разрѣшаетъ нѣкоторыя давнишнія сомнѣнія біографовъ. Не вдаваясь во всѣ подробности, мы и намѣрены въ дальнѣйшемъ изложить ходъ событій, вызвавшихъ дуэль, и дать разборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особенности. Помимо «дѣла» мы пользуемся еще и весьма любопытнымъ, хотя не во всемъ достовѣрнымъ, документомъ,—отрывкомъ изъ устныхъ воспоминаній генералъ-майора князя Александра Васильевича Трубецкого, состоявшаго въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. «Князь Трубецкой», какъ говоритъ издатель этихъ воспоминаній, «не былъ «пріятельски», знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и еще болѣе по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу. Въ 1836 году лѣтомъ, когда Кавалергардскій полкъ стоялъ въ крестьянскихъ избахъ Новой Деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, вѣрнѣй — о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами. Это обстоятельство и дало возможность князю Трубецкому узнать объ истинныхъ,

быть можетъ, причинахъ роковой дуэли 27-го января 1837 года». Самъ издатель приводитъ вполнѣ основательныя причины не довѣрять въ цѣломъ разсказу «почтеннаго семидесяти-четырехлѣтняго старца», такъ какъ по существу, прибавимъ отъ себя, этотъ разсказъ представляется лишь очевидной и глупѣйшею клеветою на Пушкина, да и встрѣчаетъ во многомъ несомнѣнныя, документальныя опроверженія; но все же частности въ немъ, невзирая на сплетническій тонъ цѣлаго, не только вполнѣ правдоподобны, но и очень цѣнны, особенно, что касается Дантеса. «Такъ какъ лишь въ печатномъ видѣ разсказъ можетъ получить разъясненія или опроверженіе», говоритъ издатель, «то и явилась необходимость выпустить его въ свѣтъ. Нежеланіе же распространять его въ массѣ побудило печатать его лишь въ 10 экземплярахъ». Приносимъ нашу живѣйшую благодарность редактору «Историческаго Вѣстника», давшему возможность имѣть подъ руками одинъ изъ этихъ оттисковъ при составленіи настоящей статьи. Оговоримся здѣсь же, что приводя въ дальнѣйшемъ полностью текстъ этихъ воспоминаній, мы опускали мѣстами по нѣсколько словъ, отмѣчая пропуски многоточіями, а нѣкоторыя выраженія замѣнили смягченными синонимами, напечатанными у насъ разрядкою. Въ остальномъ мы опираемся на общеизвѣстные печатные источники (хотя кое-что появляется и здѣсь на русскомъ языкѣ едва ли не въ первый разъ), дѣлая на нихъ, по мѣрѣ надобности, точныя библіографическія ссылки. Не подвергая всей традиціонной исторіи погубившихъ Пушкина обстоятельствъ и условій новой критикѣ и пересмотру, въ которыхъ она такъ нуждается, мы ограничиваемся единственно вопросомъ о дуэли и лицахъ, непосредственно къ ней прикосновенныхъ, т. е. по преимуществу психологическою стороною дѣла.

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.

Тютчевъ.

I.

Тщательный пересмотръ матеріала необходимо заставляетъ признать, что убійца Пушкина и его пріемный отецъ были совсѣмъ не такъ глубоко и совсѣмъ не въ томъ смыслѣ виновны въ смерти поэта, какъ думаютъ. Главный виновникъ, тогдашній голландскій посланникъ въ Петербургѣ, камергеръ, баронъ Гекеренъ де-Бевервaардъ (I. T. B. A. Heeckeren de Beverwaard) [1]), пользовался нѣсколько исключительнымъ для представителя его миніатюрнаго отечества и для человѣка тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, какими онъ себя заявилъ, положеніемъ въ виду родственной связи царствующихъ домовъ двухъ государствъ: королева нидерландская Анна Павловна была родною сестрой императора Николая I. Вслѣдствіе этого обстоятельства Гекеренъ игралъ нѣкоторую роль въ большомъ свѣтѣ, гдѣ радушно былъ принятъ, невзирая на то, что не могъ привлекать къ себѣ ничьихъ симпатій и хотя вообще, какъ говоритъ анонимный авторъ статьи «Пушкинъ и Дантесъ» въ извѣстной книгѣ «Aus der Petersburger Gesellschaft», «ни для кого не было сомнѣній насчетъ испытываемаго имъ недостатка въ уваженіи» [2]). Біографическихъ свѣдѣній о немъ намъ не удалось найти ни въ одной иностранной справочной книгѣ, что̀, между прочимъ, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ его жизни и дѣятельности чего либо выдающагося, а у него самого какихъ либо замѣтныхъ способностей и дарованій Извѣстно только, что послѣ службы голландскимъ посланникомъ въ Россіи, прервавшейся со смерти Пушкина, онъ былъ съ 1-го іюня 1842 г. чрезвычайнымъ голландскимъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австровенгерскомъ дворѣ [3]), гдѣ впрочемъ, по сло-

[1]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90, прим. 2.

[2]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 183. Слова «ein Mann, dessen Achtungsbedürftigkeit sonst zweifellos festgestanden hatte» г. Павлищевъ, «Кончина А. С. Пушкина», Спб. 1899, стр. 21, переводитъ: «уваженіе къ нему было прочно» (!).

[3]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90, прим. 2.

вамъ А. О. Россета, былъ принятъ сухо (будто бы за исторію съ дуэлью), а русскій посолъ Медемъ не хотѣлъ быть на дипломатическомъ обѣдѣ у Меттерниха, куда былъ приглашенъ Гекеренъ [1]). Не знаю, на чемъ основано очень похожее на ошибку сообщеніе, будто онъ былъ «министромъ» при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ, попавшее въ нашу печать [2]), если только этого извѣстія не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за время 1837—1842 гг. или послѣ 1842 г. и не позже 1849 г. онъ былъ голландскимъ полномочнымъ министромъ при французскомъ королевскомъ дворѣ. При отсутствіи дарованій и при весьма непривлекательномъ характерѣ онъ могъ, очевидно, выдвинуться на родинѣ только вслѣдствіе мѣстной знатности происхожденія; къ тому же онъ обладалъ большимъ состояніемъ [3]). Въ письмѣ г-жи Дурново, рожденной княжны Волконской, къ А. О. Смирновой (трудно судить, насколько это письмо достовѣрно) говорится, что король нидерландскій былъ неизвѣстно, почему «очень расположенъ къ старику Гекерену,—можетъ быть, оттого, что послѣдній былъ хорошимъ голландцемъ, когда король Людвигъ царствовалъ вмѣсто Оранской линіи» [4]). Дуэль Дантеса съ Пушкинымъ во всякомъ случаѣ оказалась роковымъ для Гекерена событіемъ. Судя по всему, императоръ Николай Павловичъ раздѣлялъ убѣжденіе Пушкина и Смирновыхъ [5]), что истиннымъ виновникомъ въ составленіи и разсылкѣ анонимнаго пасквиля, которому до сихъ поръ (и совершенно неосновательно, какъ будетъ ниже показано) приписывали огромное, рѣшающее въ дѣлѣ дуэли значеніе, былъ Гекеренъ: по крайней мѣрѣ, послѣдній вынужденъ былъ оставить свое мѣсто въ Россіи. По словамъ Смирновой, «государь послалъ курьера въ Лагэ (? не въ Гаагу ли—La Haye?) и потребовалъ, чтобы Гекерена отозвали, написавъ даже королевѣ и отказавъ ему въ обычной прощальной аудіенціи» [6]), хотя и пожаловалъ табакерку [7]). По словамъ Смирнова, семь восьмыхъ общества прервали съ нимъ тотчасъ знакомство; «передъ отъѣздомъ онъ публиковалъ о продажѣ всей своей движимости и его домъ превратился въ магазинъ, среди

---

[1]) «Разсказы А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 248.

[2]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», Спб. 1899, 4 изд., стр. 137.

[3]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб., 1863, стр. 7. Ср. впрочемъ на слѣдующей страницѣ слова Смирнова, что мѣсто въ Петербургѣ было важно Гекерену по жалованью.

[4]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90.

[5]) «Одно не подлежитъ сомнѣнію это—то, что Гекеренъ былъ ихъ (пасквилей) сочинитель»—«Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 235; ср. Записки А. О. Смирновой, часть II. Спб. 1897. Стр. 22 и 25.

[6]) Записки А. О. Смирновой. Часть II, Спб. 1897. Стр. 5.

[7]) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 237. Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897, стр. 5 и 93. Кн. Вяземскій въ письмѣ къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 255.

котораго онъ сидѣлъ, продавая самъ вещи и записывая продажу: многіе воспользовались симъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему оскорбленія; напримѣръ, онъ сидѣлъ на стулѣ, на которомъ выставлена была цѣна, — одинъ офицеръ, подойдя къ нему, заплатилъ ему за стулъ и взялъ его изъ-подъ него. Выгнанный изъ Россіи, гдѣ свыкся, лишенный мѣста, важнаго для него по жалованью, презираемый даже въ своемъ отечествѣ (?), онъ нашелся принужденнымъ скитаться по свѣту» [1]). Онъ былъ живъ еще въ 1880 году [2]) и умеръ 93 лѣтъ отъ роду [3]). Его внѣшность, обращеніе и нравственныя свойства были до крайности непріятны. По словамъ Смирновой, онъ «отличался цинизмомъ посѣдѣлыхъ развратниковъ прежнихъ временъ. Онъ постоянно злословилъ и сплетничалъ. Товарищи по дипломатическому корпусу не любили его» [4]). «Я всегда избѣгала встрѣчи этого стараго барона, злословящаго, распространяющаго сплетни и скандалы» [5]). «Это — старый негодяй, человѣкъ безъ принциповъ, безъ чести, типъ стараго повѣсы XVIII вѣка, который наслаждается всякимъ скандаломъ, насмѣхается надо всѣмъ и вмѣшивается во всѣ интриги» [6]). Менѣе рѣзокъ, но по существу тождественъ съ этими тзывами приговоръ Н. М. Смирнова: «Онъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли» [7]). «Старый Гекеренъ», говоритъ князь П. П. Вяземскій, «былъ человѣкъ хитрый, расчетливый еще болѣе, чѣмъ развратный» [8]), хотя и «замѣчательно безнравственный», по словамъ Дантеса [9]), «Несторъ развратной молодежи» [10]). Съ этими отзывами вполнѣ сходятся и мнѣнія всѣхъ другихъ современниковъ, лично знавшихъ Гекерена, поскольку можно эти отзывы считать уцѣлѣвшими въ болѣе или менѣе сомнительной передачѣ третьихъ лицъ [11]) Наконецъ, характерно отвращеніе къ Гекерену всей семьи Дантеса,

---

[1]) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 237

[2]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», Спб. 1899, 4 изд., стр. 137.

[3]) «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[4]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 6.

[5]) Тамъ же, стр. 11.

[6]) Тамъ же, стр. 24.

[7]) «Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 234.

[8]) «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива», «Русскій Архивъ» 1884 г., II, 436.

[9]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб. 1863 Стр. 8.

[10]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 183.

[11]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 22—29. Тутъ переданы отзывы Л. С. Пушкина, Ф. Ф. Вигеля и С. А. Соболевскаго.

*

о чемъ открыто заявилъ недавно сынъ послѣдняго: «Мы его терпѣть не могли», сказалъ онъ. «А онъ меня до того ненавидѣлъ, что даже лишилъ наслѣдства» [1]). Наконецъ, самое поведеніе Гекерена въ дѣлѣ дуэли, о которомъ намъ придется ниже говорить весьма подробно, вполнѣ соотвѣтствуетъ общей къ нему антипатіи. Выводъ изо всего сказаннаго тотъ, что онъ былъ дѣйствительно развратный, циничный, наглый и злой интриганъ, который даже лицемѣріемъ не прикрывалъ своей полной безпринципности, ограниченной только несомнѣнною трусливостью. Это — типичный выродокъ, гнилой послѣдній отпрыскъ вымирающаго знатнаго рода, «низенькій старикъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся» [2]).

Любопытною противоположностью является ему его пріемный сынъ, баронъ Жоржъ Дантесъ (d'Anthès) [3]). Въ немъ замѣтны, правда, и гнусныя черты, такъ рѣзко обрисовывающія образъ усыновителя но онѣ округлены и смягчены въ немъ какою-то жизнерадостностью, наивностью зла, привычкою нравиться и (вообще выравнивающими крайности характера) легко дающимися успѣхами. По его собственнымъ разсказамъ, его предки принадлежали къ знатной ирландской фамиліи [4]). Во всякомъ случаѣ Дантесы издавна переселились во Францію, такъ какъ, по свидѣтельству сына Дантеса, дѣдъ и отецъ убійцы Пушкина были французскими депутатами (?) [5]). Ихъ семья—по свѣдѣніямъ изъ того же источника—была въ родствѣ съ графами Гацфельдами въ Германіи и съ Мусиными-Пушкиными въ Россіи. Послѣднее, какъ увидимъ ниже, крайне сомнительно. Гораздо ближе къ истинѣ слова анонимнаго автора нѣмецкаго очерка «Пушкинъ и Дантесъ»: «кѣмъ собственно былъ этотъ господинъ и что̀ побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и былъ совершенно неизвѣстенъ завсегдатаямъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ» [6]). Самъ Дантесъ передъ военнымъ судомъ, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, показалъ, что онъ «уроженецъ изъ Кольморъ-Альзасъ» и имѣетъ

---

[1]) «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[2]) «Изъ разсказовъ А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 246.

[3]) Французская орѳографія именъ Гекерена и Дантеса установлена въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89 и 90 прим., а русская транскрипція—В. В. Никольскимъ, «Идеалы Пушкина», 4 изд., Спб. 1899, стр. 127.

[4]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5. Ср. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

[5]) «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[6]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 180.

«за родителями» недвижимое имущество въ «Альзасѣ» [1]). Это показаніе какъ будто свидѣтельствуетъ, что его родители были живы еще въ 1837 году. Кн. Трубецкой, въ свою очередь, говоритъ, что Дантесъ былъ «племянникомъ голландскаго посланника Гекерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ». Наконецъ, Пушкинъ, очевидно, ничего не знавшій объ этомъ, раздѣлялъ общее, повидимому, мнѣніе, которое, притомъ, судя по намекамъ, не прочь былъ поддерживать и самъ Гекеренъ, какъ на то косвенно указываетъ и цитированное выше письмо г-жи Дурново [2]),—что Дантесъ былъ незаконнымъ сыномъ Гекерена [3]). Въ устахъ менѣе освѣдомленныхъ современниковъ онъ превратился даже въ «сына голландскаго короля» [4]). Самъ Дантесъ говорилъ, что его отецъ былъ пожалованъ въ бароны при Наполеонѣ [5]). Родившись въ 1811 году (въ 1836 году въ декабрѣ ему было 25 лѣтъ), молодой Дантесъ былъ отданъ въ аристократическое военно-учебное заведеніе Сенъ-Сиръ [6]). Во всякомъ случаѣ очевидно, что онъ ни самъ не питалъ, ни изъ дому не вынесъ бонапартистскихъ взглядовъ, такъ какъ (конечно, по окончаніи училища?) былъ пажемъ герцогини Беррійской, т.-е. проникъ ко двору Карла X (Людовикъ XVII умеръ въ 1824 году, то-есть когда Дантесу было не больше 13 лѣтъ). Этого обстоятельства, между прочимъ, вполнѣ достаточно, чтобы мы могли рѣшительно отрицать у Дантеса какія бы то ни было политическія убѣжденія. Какъ легитимистомъ, такъ и бонапартистомъ онъ могъ быть только въ салтыковскомъ смыслѣ послѣдняго слова («подъ бонапартистами я подразумѣваю тѣхъ, кто смѣшиваетъ выраженія отечество и ваше превосходительство, будучи, впрочемъ, склоненъ отдавать предпочтеніе послѣднему»). Между прочимъ, это же соображеніе объясняетъ намъ отчасти и его дальнѣйшую біографію. Будучи очень красивъ собой, онъ, быть можетъ, этой привлекательной внѣшности

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 42.

[2]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90. По словамъ г-жи Дурново, Нессельроде съ достовѣрностью утверждалъ, что Дантесъ дѣйствительно сынъ Гекерена: откуда бы онъ могъ почерпнуть свою увѣренность, если не со словъ или не изъ намековъ Гекерена или Дантеса? Догадка эта имѣетъ сильную опору въ ѣдкой насмѣшкѣ Пушкина «votre bâtard ou soit-disant tel» (VII, 416).

[3]) VII, 416. Мы цитируемъ Пушкина вездѣ по изданію Литературнаго Фонда отмѣчая римскою цифрою томъ, а страницу—арабскою.

[4]) Письмо Хомякова къ Н. М. Языкову, «Русскій Архивъ» 1885 г., III, 202: «Какой-то Дантесъ, побочный сынъ голландскаго короля».

[5]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, однако, будто онъ только тогда и получилъ дворянское достоинство, какъ думаетъ: анонимный авторъ «Aus der Petersburger Gesellschaft». Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881, S. 180.

[6]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 34 и 41.

былъ обязанъ тѣмъ, что попалъ ко двору и вошелъ во вкусъ придворной жизни, для которой не имѣлъ ни достаточныхъ средствъ, ни прочныхъ связей на родинѣ. Послѣднимъ и объясняется, вѣроятно, что при перемѣнѣ правленія во Франціи онъ не пошелъ впередъ, а, быть можетъ, былъ и вовсе затертъ при новомъ дворѣ: по крайней мѣрѣ, иначе ему не зачѣмъ было бы искать счастья на чужбинѣ. Правда, въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1833 г., т.-е. уже черезъ три года по воцареніи Людовика-Филиппа; однако, по словамъ его сына, онъ предварительно побывалъ въ Германіи, «гдѣ хотѣлъ поступить на нѣмецкую службу и гдѣ имѣлъ вліятельныхъ родныхъ въ лицѣ семьи Гацфельда. Но такъ какъ въ Германіи ему не хотѣли дать прямо офицерскаго чина, а предложили начать съ унтеръ-офицерскаго званія, то онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ имѣлъ русскихъ родныхъ, именно—Мусиныхъ-Пушкиныхъ, и гдѣ надѣялся при ихъ помощи поступить на русскую службу. Мусины-Пушкины, однако, отнеслись къ Дантесу очень холодно, какъ къ бѣдному родственнику, и ничего для него сдѣлать не хотѣли» [1]). Быть можетъ, его «легитимизмъ» и объясняется внезапнымъ перерывомъ счастливо начатой карьеры и злобою на новое правительство, не сумѣвшее оцѣнить его достоинствъ. Во всякомъ случаѣ, съ тою хвастливостью, которой онъ, по согласнымъ отзывамъ всѣхъ современниковъ, отличался, Дантесъ сталъ выдавать себя въ Россіи за шуана, т.-е. дѣлать видъ, будто легитимизмъ является его семейною традиціей [2]). Ужъ не началъ ли онъ выдавать и своего отца за наполеоновскаго барона лишь послѣ того, какъ выгодно поступилъ на службу къ Наполеону III? Прибавлю кстати, что болѣе чѣмъ невѣроятно, будто онъ, какъ сообщилъ его сынъ, «принужденъ былъ оставить родину по политическимъ причинамъ» [3]): всѣ данныя говорятъ, что политика тутъ была ни при чемъ.

Итакъ, не позже 1833 года въ Россію пріѣхалъ двадцати-двухлѣтній Дантесъ вмѣстѣ съ нѣкимъ маркизомъ де-Пина, также выдававшимъ себя за шуана, также опредѣлившимся въ Россіи на военную службу, по словамъ князя П. П. Вяземскаго—въ армейскій гренадерскій пѣхотный короля прусскаго полкъ, стоявшій въ Нарвѣ [4]), и также впослѣдствіи уволеннымъ или даже высланнымъ изъ Рос-

---

[1]) «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[2]) Не могъ же онъ выдавать себя лично за шуана (шуанами называли участниковъ возстаній въ пользу королевской власти въ эпоху революціи и при Наполеонѣ), когда послѣднее возстаніе шуановъ относится къ 1815 году, а ему въ 1833 г. не только на видъ, но и на самомъ дѣлѣ, было всего 22 года.

[3]) «Новое Время», 12 іюня 1899 г., № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[4]) «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива». «Русскій Архивъ» 1884 г., II, 437.

сіи: мнимый шуанъ оказался шулеромъ [1]), а по словамъ князя П. П. Вяземскаго попался въ кражѣ серебряныхъ ложекъ. Мы съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что Дантесъ пріѣхалъ въ 1833 году, а не въ 1834, какъ принято думать. На службу онъ былъ, правда, принятъ, по свидѣтельству формулярнаго списка, 8 февраля 1834 года; но уже 26 января объ этомъ говорили, какъ о предстоящемъ происшествіи: по крайней мѣрѣ, Пушкинъ подъ этимъ числомъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ» (V, 202). Между тѣмъ, и по приведенному выше разсказу сына Дантеса, и по всѣмъ другимъ источникамъ, извѣстно, что ему далеко не сразу удалось заполучить милость императора Николая I и что онъ довольно долго искалъ благопріятнаго случая у разныхъ покровителей. По разсказу Данзаса, Дантесъ пріѣхалъ, будто бы, въ Россію со «множествомъ» рекомендательныхъ писемъ [2]). Это свѣдѣніе, повидимому, нуждается въ оговоркахъ. По словамъ сына Дантеса выходитъ скорѣе, что за рекомендаціями-то Дантесъ и пріѣхалъ въ Россію, надѣясь на чье-то покровительство. Притомъ, если бы Дантесъ обладалъ такими обильными рекомендаціями, то-есть, очевидно, имѣлъ какія нибудь связи на родинѣ, едва ли ему стоило покидать отечество въ погонѣ за удачею. Наконецъ, имѣй онъ, подлинно, много рекомендацій къ вліятельнымъ лицамъ, ему едва ли понадобилось бы покровительство французской колоніи въ Петербургѣ и одного изъ ея членовъ—баталиста-художника Ладюрнера, мастерская котораго помѣщалась въ Эрмитажѣ и нерѣдко удостоивалась посѣщеній императора Николая [3]), или, по другимъ источникамъ, архитектора Молферрана (см. нѣсколько ниже). Между тѣмъ покровительство одного изъ нихъ не можетъ, повидимому, подлежать сомнѣнію.—Въ частности, указываютъ еще на жену тогдашняго австрійскаго посланника, графиню Фикельмонъ, внучку Голенищева-Кутузова (князя Смоленскаго), какъ на покровительницу Дантеса въ его первыхъ искательствахъ: опять указаніе, нуждающееся въ подтвержденіяхъ. То, что Дантесъ часто посѣщалъ домъ Фикельмоновъ позднѣе, ничего не доказываетъ: эти частыя посѣщенія столько же могутъ свидѣтельствовать о покровительствѣ Фикельмоновъ Дантесу, сколько и напротивъ—о безуспѣшныхъ заискиваніяхъ Дантеса у Фикельмоновъ. «Андрей Карамзинъ... сказалъ мнѣ», читаемъ мы въ запискахъ Смирновой, «что Дантесъ питалъ спасительный ужасъ ко мнѣ и къ

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 12. Вмѣсто Пина онъ названъ здѣсь Тена, но это, очевидно, опечатка.

[2]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5.

[3]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

графинѣ Фикельмонъ, такъ какъ она обошлась съ нимъ крайне пренебрежительно, когда онъ осмѣлился повторить въ ея присутствіи весьма рискованный анекдотъ... Поэтому онъ терпѣть не могъ меня и Долли Фикельмонъ»[1]). Гораздо вѣроятнѣе показаніе нѣмецкаго автора статьи «Пушкинъ и Дантесъ», что Дантесъ имѣлъ рекомендацію къ графинѣ Рибопьеръ (а не Фикельмонъ)[2]). — Далѣе, если бы показанія князя Трубецкого о родствѣ Дантеса съ Гекереномъ заслуживали довѣрія, то это родство могло бы быть полезно первому изъ нихъ: однако и тутъ мы знаемъ, что сближеніе Дантеса съ Гекереномъ произошло уже послѣ поступленія перваго въ полкъ[3]). — По всѣмъ этимъ соображеніямъ остается допустить, что Дантесъ подлинно не имѣлъ вначалѣ никакихъ покровителей, кромѣ нѣсколькихъ членовъ французской колоніи. Двери великосвѣтскихъ домовъ открылись передъ нимъ только послѣ принятія его императоромъ Николаемъ въ кавалергарды. Весь вопросъ, стало быть, состоитъ въ томъ, чѣмъ можно объяснить благоволеніе императора и какъ могъ вообще Дантесъ сдѣлаться государю извѣстнымъ.

По разсказу Данзаса, дѣло происходило такъ. Покровитель Дантеса, Ладюрнеръ, задумалъ «будто бы случайно» представить государю своего соотечественника. «Съ этою цѣлью на одномъ изъ холстовъ самимъ Ладюрнеромъ или Дантесомъ набросано было нѣсколько эскизовъ съ изображеніемъ грушеобразной головы короля Людовика-Филиппа, къ которому, какъ извѣстно, покойный государь питалъ непріязненныя чувства. Сдѣлавъ это, Дантесъ началъ посѣщать мастерскую художника изо дня въ день и преимущественно въ тѣ часы, въ которые туда могъ быть государь. Расчетъ оказался вѣренъ. Въ одинъ прекрасный день, заслышавъ его шаги, Ладюрнеръ спряталъ за ширмы дежурившаго въ мастерской Дантеса и встрѣтилъ августѣйшаго своего посѣтителя. Увидѣвъ изображеніе Людовика-Филиппа, государь спросилъ Ладюрнера: «Est-ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses là?» (Это ужъ не вы ли, чего добраго, забавляетесь этими штуками?) — «Non, Sire», отвѣчалъ Ладюрнеръ, «c'est un de mes compatriotes, légitimiste comme moi, m-r d'Anthès». (Нѣтъ, ваше величество, это одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, легитимистъ, какъ и я, г. Дантесъ). — «Ah, d'Anthès! Mais je le connais: l'Impératrice m'en a déjà parlé» (Ахъ, Дантесъ! Да я его знаю: императрица уже говорила мнѣ о немъ),—сказалъ государь и выразилъ желаніе видѣть Дантеса, а Ладюрнеръ тотчасъ же вывелъ его изъ-за ширмъ. Императоръ милостиво говорилъ съ нимъ и смѣльчакъ-французъ тутъ же

---

[1]) Записки А. О. Смирновой. II часть. Спб. 1897. Стр. 6.
[2]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 180.
[3]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 90.

просилъ государя о дозволеніи ему вступить въ русскую военную службу, на что̀ получилъ высочайшее соизволеніе. Государынѣ угодно было принять его прямо офицеромъ въ Кавалергардскій ея величества полкъ. Во вниманіе къ бѣдности Дантеса государь назначилъ ему отъ себя негласное ежегодное пособіе. Такимъ образомъ карьера Дантеса была упрочена» [1]). Съ тѣмъ же разсказомъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, встрѣчаемся мы и въ нѣмецкой статьѣ о Пушкинѣ и Дантесѣ. Покровителями его нѣмецкій авторъ вмѣсто графини Фикельмонъ и Ладюрнера называетъ графиню Рибопьеръ и Монферрана. «Какъ руководитель постройками Исакіевскаго собора, Монферранъ построилъ себѣ на принадлежащемъ къ нему участкѣ помѣщеніе, въ которомъ ежедневно проводилъ по нѣскольку часовъ. Императоръ, который живо интересовался постройкой и часто лично ее осматривалъ, имѣлъ обыкновеніе при такихъ осмотрахъ навѣщать Монферрана въ его рабочей комнатѣ и бесѣдовать съ нимъ. Знаменитый архитекторъ сумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ пользѣ своего молодого соотечественника и устроилъ такъ, что императоръ неожиданно встрѣтилъ во время одного изъ своихъ посѣщеній Дантеса и еще одного эмигранта. Государь обратилъ вниманіе на обоихъ изящныхъ молодыхъ иностранцевъ и спросилъ о ихъ имени и происхожденіи. Едва онъ узналъ, что они французскіе офицеры, оставившіе службу изъ ненависти къ революціи, какъ предложилъ имъ вступить въ который нибудь изъ его гвардейскихъ полковъ. Когда Дантесъ сослался на свою бѣдность, императоръ объявилъ, что окажетъ ему помощь: черезъ нѣсколько дней юный авантюристъ былъ уже корнетомъ въ Кавалергардскомъ полку, первомъ изъ нашихъ аристократическихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, и пенсіонеромъ царской шкатулки, откуда ему выдавалось ежемѣсячно 1.000 р. асс.» [2]). Нельзя сказать, чтобы и этотъ разсказъ не нуждался въ нѣкоторыхъ оговоркахъ и поясненіяхъ (напр. остается совершенно непонятнымъ участіе, принятое художниками въ Дантесѣ), но въ общемъ, кажется, въ цѣломъ можно довѣриться нашимъ источникамъ: при содѣйствіи художника-француза и каррикатуръ на короля Людовика-Филиппа Дантесъ былъ представленъ императору Николаю I.

Однако ни это покровительство, ни каррикатуры, ни, наконецъ, красивая внѣшность и вообще свѣтская привлекательность Дантеса никакъ не могутъ объяснить того особаго благоволенія, которое ему удалось пріобрѣсти. Остается думать, что онъ сумѣлъ разжалобить

---

[1]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 89—90; ср. Аммосова, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 6—7.

[2]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. SS. 180—181.

императора баснями о понесенныхъ имъ будто бы при Людовикѣ Филиппѣ гоненіяхъ за свою приверженность къ королю Карлу X баснями, которыя онъ распускалъ въ Россіи [1]) и поддерживалъ, какъ видно, и въ своей семьѣ, гдѣ, какъ уже сказано, до сихъ поръ повторяютъ, будто онъ покинулъ отечество «по политическимъ причинамъ» [2]). Извѣстно, какъ императоръ Николай сочувствовалъ королю Карлу X и вообще французскому легитимизму. Каррикатура, конечно, могла бы послужить прекраснымъ поводомъ къ разсказу о томъ, какъ Дантесъ «пострадалъ» и «всего лишился». Назначеніе же въ кавалергарды могло быть обусловлено тѣмъ, что, какъ воспитанникъ Сенъ-Сирской школы, онъ могъ быть въ Россіи приравненъ къ пажамъ, а какъ бывшій пажъ герцогини Беррійской (дѣйствительный или миѳическій) — быть зачисленъ въ полкъ императрицы. Эти соображенія получаютъ какъ бы подтвержденіе и въ разсказѣ князя Трубецкого, который будетъ приведенъ нѣсколько ниже. Здѣсь же остается добавить, что Дантесъ принятъ былъ на русскую службу офицеромъ все же съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей: именно, «по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года онъ былъ допущенъ къ офицерскому экзамену въ императорской военной академіи по программѣ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, при чемъ былъ освобожденъ отъ испытанія въ русской словесности, военномъ уставѣ и военномъ судопроизводствѣ. Экзаменъ, не особенно блестящій, былъ, однако, признанъ удовлетворительнымъ, и Дантесъ, высочайшимъ приказомъ отъ 13-го января [3]), опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ (приказъ по полку отъ 8-го февраля) корнетомъ [4]). Подъ графою «россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли» въ формулярномъ спискѣ показано: «по-россійски, по-французски, по-нѣмецки, географіи и математикѣ» [5]). Разсказываютъ, что на экзаменѣ изъ географіи онъ не могъ сказать, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ, и при этомъ воскликнулъ: «Et cependant j'y ai abreuvé mon cheval!» (И однакожъ я въ ней поилъ свою лошадь!) [6]). По его показаніямъ на судѣ, присяга была имъ учинена только на вѣрность службы (а не на подданство Россіи) [7]); согласно формулярному списку

---

[1]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина», Спб., 1899, стр. 32.

[2]) «Новое Время», 12 іюня 1899, № 8364, парижская корреспонденція И. Яковлева.

[3]) Не опечатка ли это вмѣсто «31-го»? Если экзаменъ былъ 27 января, а приказъ по полку 8 февраля, то, очевидно, высочайшій приказъ не могъ состояться раньше перваго (т. е. 13-го января) и позже второго (т. е. 13-го февраля).

[4]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб. 1899, стр. 128.

[5]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 35.

[6]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб. 1899, стр. 128

[7]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 42.

онъ «прибылъ на службу 14-го февраля 1834 года»[1]). Объ этомъ прибытіи слѣдующимъ образомъ разсказываетъ князь Трубецкой. «Въ 1834 году императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите, какъ пажа» (кавалергарды пополнялись по большей части камеръ-пажами)- и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку; онъ поста. рается заслужить вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ вашу дружбу». Это и былъ Дантесъ, племянникъ голландскаго посланника Гекерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ. Онъ былъ статенъ, красивъ; на видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣе насъ, пажей, и какъ французъ—остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ. И за нимъ водились шалости, но совершенно невинныя и свойственныя молодежи, кромѣ одной, о которой, впрочемъ, мы узнали гораздо позднѣе. Не знаю, какъ сказать: онъ ли жилъ съ Гекереномъ, или Гекеренъ жилъ съ нимъ? Въ то время въ высшемъ обществѣ было распространено это. Судя по тому, что Дантесъ постоянно ухаживалъ за дамами, надо полагать, что въ сношеніяхъ съ Гекереномъ онъ игралъ только пассивную роль. Онъ былъ очень красивъ и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный ими—требовательнѣй, если, хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ».

Такъ началась служба Дантеса. Князь Трубецкой находитъ его «образцовымъ офицеромъ»; Данзасъ говоритъ, что онъ «пользовался очень хорошею репутаціей и заслуживалъ ее вполнѣ, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ» [2]). Формулярный и кондуитный списки даютъ немного матеріаловъ. Изъ нихъ видно только, что изъ корнетовъ онъ 28 января 1836 года былъ произведенъ въ поручики, въ походахъ не бывалъ, за смотры, ученья и маневры удостоился въ числѣ прочихъ получать высочайшія благоволенія, въ отпускахъ не бывалъ, выговоровъ не получалъ, въ штрафахъ и арестахъ не бывалъ, къ повышенію чиномъ и награжденію знакомъ отличія безпорочной службы аттестовался достойнымъ, по выборамъ дворянства не служилъ, отчеты по службѣ представлялъ въ срокъ, жалобамъ не под-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 35.

[2]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 8.

вергался, въ слабомъ отправленіи обязанностей по службѣ не замѣченъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ, въ неприличномъ поведеніи изобличаемъ не былъ, по службѣ усерденъ, способностей ума хорошихъ, въ нравственности аттестовался хорошимъ, въ хозяйствѣ хорошъ [1]). Всѣ эти данныя, конечно, ничего не говорятъ. Въ запискахъ Смирновой изъ устъ Соболевскаго передается разсказъ Перовскаго, который, дожидаясь пріема у государя послѣ дуэли, будто бы слышалъ, какъ на слова Бенкендорфа, что Дантесъ былъ хорошимъ офицеромъ, императоръ вспыльчиво закричалъ: «Хорошій офицеръ! Танцоръ! Онъ часто былъ подъ арестомъ»... [2]) Но и это нахожденіе подъ арестомъ ничего не доказывало бы, если бы было правдой; а между тѣмъ изъ дѣла ясно видно, что Дантесъ вовсе подъ арестомъ не бывалъ и что, стало быть, разсказъ Перовскаго или Смирновой только выдумка или сплетня. Во всякомъ случаѣ Дантесъ имѣлъ репутацію превосходнаго стрѣлка [3]) и любилъ выставлять себя рубакой и служакой [4]); на самомъ же дѣлѣ, конечно, все его существованіе было посвящено салонной великосвѣтской жизни. И салонные успѣхи Дантеса не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тутъ всѣ показанія вполнѣ согласны между собою. Слова князя Трубецкаго мы уже привели; вотъ нѣсколько отзывовъ изъ записокъ Смирновой. «Дантесъ пріѣхалъ въ Россію искать счастія, подобно столькимъ другимъ иностранцамъ. Всѣ его достоинства ограничивались красивою наружностью, хотя въ кавалергардскомъ мундирѣ онъ представлялъ изъ себя красавца-мужчину довольно заурядnаго типа, и умѣньемъ хорошо танцовать, говорить рискованныя остроты, двусмысленные и плоскіе каламбуры, которыми изобилуютъ нѣкоторыя французскія пьесы, плѣнять дамъ штуками (шутками?) въ стилѣ Vaudeville и Palais Royal, а товарищей — казарменными анекдотами. Дантесъ былъ дурно воспитанъ, весьма предпріимчивъ и дерзокъ, когда его не держали на извѣстномъ разстояніи» [5]). «Я всегда... чувствовала антипатію къ Дантесу, находя его крайне пошлымъ» [6]). «Пушкинъ палъ отъ руки мнимо-цивилизованнаго выходца съ запада, авантюриста, пріѣхавшаго искать счастія въ Россіи, потому что не нашелъ для себя карьеры на родинѣ» [7]). «Онъ дѣйствовалъ, какъ проходи-

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 34—39.

[2]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 25.

[3]) Aus der Petersburger Gesellschaft. Neue Folge. 3-te Auflage. Lpz. 1881. S. 187. Этотъ отзывъ приписываетъ А. Н. Вульфу г. Павлищевъ, «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 69.

[4]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 13.

[5]) Тамъ же, стр. 6.

[6]) Тамъ же, стр. 11.

[7]) Тамъ же, стр. 12.

мецъ,—съ нахальствомъ хлыща, съ тщеславіемъ мелкой натуры съ дурнымъ воспитаніемъ; это меньше, чѣмъ ничего» [1]). Въ тѣхъ же запискахъ встрѣчаются и отзывы третьихъ лицъ, часто отрывочные, не всегда типичные, но и въ нихъ кое-что заслуживаетъ вниманія. «Мнѣ давно уже хотѣлось проучить Дантеса»,—писалъ Смирнову Соболевскій: — «онъ держался слишкомъ нахально. Государь выдавалъ ему пенсію изъ собственной шкатулки, а онъ, повидимому, воображалъ, что оказываетъ великую честь Россіи, нося русскій мундиръ. Этотъ военный плясунъ, этотъ офицеръ навощенныхъ паркетовъ (половъ?) въ мужскомъ обществѣ выдѣлялся казарменнымъ тономъ, изображалъ изъ себя рубаку, а съ женщинами былъ дерзокъ. Такого тона не потерпѣли бы въ русскомъ офицерѣ; но прекрасныя дамы находили его плѣнительнымъ, потому что онъ острилъ по французски и говорилъ рискованные каламбуры. Я не понимаю, что̀ могло нравиться въ немъ» [2]). По его же словамъ, Бенкендорфъ «посланъ былъ обожательницами Дантеса» къ государю для заступничества за убійцу. «Если бы его послали на Кавказъ, всѣ эти дамы совершили бы путешествіе въ Пятигорскъ и эти воды сдѣлались бы столь же fashionables, какъ Баденъ-Баденъ» [3]). Въ тѣхъ же запискахъ то упоминается, что Дантесъ былъ «любимцемъ дамъ», которымъ де послѣ дуэли «придется обойтись безъ его каламбуровъ и водевильныхъ отротъ» [4]), то приводятся слова княгини Мещерской (дочери Карамзина) о «неприличныхъ выходкахъ этого дурно воспитаннаго господина», или ея же характеристика Дантеса—«этого coureur d'alcoves, этого столь мало интереснаго соблазнителя» [5]), то съ ея же словъ передается, какъ послѣ смерти Пушкина «въ нѣкоторыхъ изящныхъ салонахъ.... хвалили рыцарство Дантеса, этого искателя приключеній, явившагося дѣлать карьеру въ Россію и воспользовавшагося великодушною добротою государя» [6]), то попадаются мнѣнія свѣтскихъ дѣвицъ, что Дантесъ, не въ примѣръ Пушкину, былъ вполнѣ достоинъ такой красивой и поэтичной женщины, какъ жена поэта, ибо былъ красивъ, изященъ, вполнѣ рыцарь [7]), то отзывъ г-жи Дурново: «вообще, Дантесъ былъ такъ невоспитанъ! Но онъ болталъ по-французски, а, кажется, этого достаточно, чтобы въ нѣкоторыхъ салонахъ прослыть элегантнымъ и

---

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 25.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 25.

[4]) Тамъ же, стр. 13.

[5]) Тамъ же, стр. 88.

[6]) Тамъ же, стр. 88. Гораздо типичнѣй ея же отзывъ въ сообщенномъ Я. К. Гроту письмѣ: «un vil séducteur et un aventurier à deux noms et à trois patries»—«гнусный соблазнитель и проходимецъ о двухъ именахъ и о трехъ отечествахъ». Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», 2 изд., Спб. 1899, стр. 260.

[7]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1899, стр. 89.

свѣтскимъ» [1]), то сужденіе П. И. Полетики: «его тщеславіе фата—ибо это безусловно фатъ—было польщено, когда его считали любимымъ. Это—привычка дурно воспитанныхъ волокитъ» [2]), то, наконецъ, выдержка изъ письма графини Нессельроде: «я никогда не принимала Дантеса. Меня находили односторонней, но у меня не было причинъ его принимать, чему я очень рада» [3]). Къ этимъ отзывамъ можно присоединить и то, что̀ г. Павлищевъ передаетъ отъ лица своей матери и Л. С. Пушкина, хотя отзывы этихъ лицъ, никогда не знавшихъ лично Дантеса, не могутъ, разумѣется, имѣть значенія. Изо всѣхъ приведенныхъ мнѣній, замѣтимъ, притомъ, высказанныхъ уже послѣ дуэли, т.-е. тогда, когда трудно было сохранять безпристрастіе въ оцѣнкѣ, все же достаточно ясно обрисовывается роль Дантеса въ обществѣ. Красивый, изящный, въ высшей степени свѣтскій (трудно повѣрить, чтобы сенъ-сирецъ былъ «невоспитаннымъ» или «дурно воспитаннымъ» офицеромъ; оба эти выраженія употребляются обыкновенно тогда, особенно женщинами, когда къ кому нибудь питаютъ антипатію, не умѣя, однако, ея мотивировать; такъ, вѣроятно, было и тутъ: смѣлость и шуточки общаго баловня Дантеса не нравились—и на сцену выступалъ упрекъ въ «невоспитанности»), веселый, находчивый и остроумный (сохранившіяся шутки Дантеса вовсе не грубы и не плоски, а одна—о трехбунчужномъ пашѣ—такъ и несомнѣнно смѣшна и остроумна), «бабій пересмѣшникъ», онъ вездѣ былъ принятъ, вездѣ нравился, вездѣ одерживалъ легкія и прочныя побѣды надъ сердцами, пожиная всевозможные салонные лавры. Его тщеславіе, хвастливость, дерзость и пронырливость сглаживались внѣшнею привлекательностью, а подъ покровомъ кавалергардскаго мундира и поддержки государя не носили на себѣ оттѣнка назойливости. Это былъ шумный и блестящій трутень, вносившій всюду большое оживленіе своимъ самодовольнымъ жужжаніемъ. Ни ума, ни образованія, ни благородства, ни даже порядочности для этого не требовалось: за картами онъ не передергивалъ, серебряныхъ ложекъ не воровалъ, а внутренняго достоинства и уваженія къ чужому достоинству съ него столь же мало спрашивали, какъ и знанія, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ. Отлично резюмируется его роль въ цитировавшемся уже біографическомъ очеркѣ «Русской Старины»: «Дантесъ, по отзывамъ лицъ, близко его знавшихъ, былъ красивый собою блондинъ, пользовался хорошею репутаціею, былъ скорѣй остроуменъ, нежели уменъ, а образованія поверхностнаго. Отличительною чертой его характера была истинно французская (вѣрнѣе сказать—гасконская) хвастливость успѣхами у прекраснаго пола. Хвастливымъ разсказамъ его тѣмъ

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90.
[2]) Тамъ же, стр. 91—92.
[3]) Тамъ же, стр. 94.

легче было вѣрить, что Дантесъ одаренъ былъ завиднымъ свойствомъ какъ-то особенно располагать въ свою пользу съ перваго взгляда. Однимъ словомъ, для великосвѣтскихъ гостиныхъ и будуаровъ этотъ господинъ былъ истинною находкою»[1]).

Чтобы перейти къ знакомству и столкновенію съ Пушкинымъ Гекерена и Дантеса, остается обрисовать взаимныя отношенія двухъ послѣднихъ. Мы уже привели поясненіе князя Трубецкого и отмѣтили противорѣчіе между его сообщеніемъ о родствѣ между Гекереномъ и Дантесомъ и извѣстнымъ фактомъ, что ихъ знакомство состоялось послѣ опредѣленія Дантеса въ полкъ. Равнымъ образомъ противъ этого родства говоритъ и то, что самъ Гекеренъ склоненъ былъ выдавать Дантеса за своего незаконнаго сына, — уловка, въ которой, будь они родственниками, не было бы ни надобности, ни смысла. Пенсія Дантесу отъ государя всего болѣе свидѣтельствуетъ, что онъ ни въ комъ другомъ вначалѣ не имѣлъ опоры. Словомъ, ни родства, ни предварительнаго (до вступленія Дантеса въ свѣтъ) знакомства между усыновителемъ и усыновленнымъ мы допустить не имѣемъ основаній. А принявъ во вниманіе характеръ и свойства Гекерена, трудно допустить, чтобы въ усыновленіи Дантеса онъ могъ руководиться только личнымъ расположеніемъ или даже естественнымъ родствомъ; услугъ особыхъ Дантесъ ему никакихъ не оказывалъ и не могъ оказать; приведенный же Н. М. Смирновымъ мотивъ, будто Гекеренъ сдѣлалъ это «изъ ненависти къ своему семейству»[2]), слишкомъ неправдоподобенъ, чтобы можно было ему повѣрить хоть на минуту. Приходится, такимъ образомъ, въ пресловутомъ усыновленіи видѣть лишь уплату по предварительной сдѣлкѣ, повидимому очень умѣло Дантесомъ заключенной, которая касалась указанныхъ княземъ Трубецкимъ отношеній. Окончательно оформлена она была черезъ два года по поступленіи Дантеса въ полкъ, такъ какъ принять фамилію барона Гекерена ему было разрѣшено 4-го (16-го) іюня 1836 года[3]). Но и кромѣ того Гекеренъ содѣйствовалъ карьерѣ своего пріемнаго сына, такъ какъ сохранились указанія, будто король Нидерландовъ рекомендовалъ послѣдняго императору Николаю изъ расположенія къ Гекерену[4]). По словамъ г-жи Дурново, изъ письма которой заимствовано это свѣдѣніе, какъ будто выходитъ, что король рекомендовалъ Дантеса еще до его поступленія въ полкъ

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 89.

[2]) «Памятныя записки Н. М. Смирнова» въ «Русскомъ Архивѣ», 1882 г. I, 234.

[3]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб., 1899 г., стр. 128 болѣе подробныя свѣдѣнія о перепискѣ по поводу усыновленія — Гастфрейндъ «Пушкинъ», Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1900. Стр. 62—64.

[4]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897 г. Стр. 90.

(«можно поблагодарить короля за этотъ подарокъ русской гвардіи»); но изъ сказаннаго выше достаточно ясно, что эта рекомендація должна относиться къ болѣе позднему времени. Во всякомъ случаѣ надо отдать должное умѣнью обоихъ, усыновителя и усыновленнаго, прятать концы въ воду: даже близкіе товарищи по полку вродѣ князя Трубецкого не догадывались объ истинной подкладкѣ дѣла, не говоря ужъ о другихъ. Самъ Пушкинъ, какъ видно изъ словъ «votre bâtard ou soit-disant tel» (VII, 416), если на что̀ и намекалъ, то только по своимъ собственнымъ подозрѣніямъ, не ссылаясь на слухи или чужой голосъ.

II.

Знакомство Пушкиныхъ съ Гекереномъ не было, повидимому, недавнимъ: бывая при дворѣ и въ свѣтѣ, они неизбѣжно должны были познакомиться и встрѣчаться; съ Дантесомъ же они, какъ кажется, познакомились съ осенняго сезона 1834 г.; относительно Н. Н. Пушкиной, по крайней мѣрѣ, это можно утверждать съ большою вѣроятностью. Какъ сказано выше, Дантесъ принятъ былъ въ полкъ между 8-мъ и 14-мъ февраля; между тѣмъ изъ письма Пушкина къ Нащокину (VII, 339) видно, что послѣ необычайно изобильной балами зимы (на масляницѣ танцовали по два раза въ день) Н. Н. Пушкина въ послѣднее воскресенье передъ масляницею—т. е. 4 марта, ибо пасха въ 1834 году приходилась на 22-е апрѣля—на придворномъ балу почувствовала себя дурно и, едва доѣхавъ домой, выкинула, а оправившись уѣхала въ деревню къ роднымъ, откуда вернулась не раньше послѣднихъ дней сентября (VII, 371). Стало быть, весною знакомство ея съ Дантесомъ могло состояться только между 14 февраля и 4 марта,—если, къ тому же, принять, что Дантесъ сразу же сталъ бывать во всѣхъ главныхъ домахъ большого свѣта. Однако у насъ есть и документальное свидѣтельство въ пользу того, что знакомство состоялось не раньше осени. Именно, въ первомъ изъ черновыхъ набросковъ пресловутаго письма къ Гекерену, Пушкинъ ссылается на то, что «двухлѣтнее постоянство» могло бы подѣйствовать на женское сердце [1]). Такъ какъ набросокъ писанъ осенью 1836 года, то о «двухлѣтнемъ постоянствѣ» могла быть рѣчь, очевидно, только считая его съ осени 1834 года.

Въ воспоминаніяхъ Данзаса сказано, что Гекеренъ и Дантесъ «часто» посѣщали и домъ Пушкина [2]). Кромѣ того, они встрѣчались и въ другихъ домахъ, — у Карамзиныхъ, Фикельмоновъ, князя

---

[1]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 516 и 518.

[2]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 5 и 8.

Вяземскаго, графа Строганова, Загряжской, графини Разумовской, князя Одоевскаго и другихъ. Съ Гекереномъ это было простое свѣтское знакомство, хотя и на почвѣ обоюдной антипатіи. Очень вѣроятно, что самъ Пушкинъ вооружилъ противъ себя Гекерена, не умѣя или даже не желая скрывать своего нерасположенія. Въ бумагахъ Пушкина Гекеренъ упоминается только разъ и притомъ совершенно случайно, такъ что ни о симпатіи, ни объ антипатіи это упоминаніе судить не дозволяетъ [1]). По разсказамъ Вигеля въ передачѣ г. Павлищева, онъ называлъ голландскаго посланника двуликимъ Янусомъ, говорилъ, что не выноситъ его тона, а у графини Фикельмонъ, услышавъ однажды сказанныя Гекереномъ слова: «вотъ и вашъ знаменитый поэтъ идетъ», не взялъ протянутой ему Гекереномъ руки и прибавилъ: «съ чѣмъ васъ, господинъ посланникъ, и поздравляю» [2]). Въ свою очередь и Данзасъ отмѣчаетъ, что «сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ Гекереномъ, котораго онъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ» [3]). Но, конечно, чувства Пушкина выражались чисто пассивно, въ пренебреженіи, свѣтской холодности, да развѣ иногда въ рѣзкостяхъ или насмѣшкахъ; напротивъ того, Гекеренъ старался всячески досадить Пушкину, уколоть его, насплетничать и оклеветать. Во всякомъ случаѣ у насъ имѣются всѣ данныя предполагать, что Гекеренъ пересталъ бывать у Пушкиныхъ въ послѣднее время передъ дуэлью. Быть можетъ, разсказъ Вигеля и сохранилъ намъ воспоминаніе о разрывѣ, вызванномъ какою нибудь излишнею рѣзкостью Пушкина.—Иначе относился онъ вначалѣ къ Дантесу, хотя и тутъ не могло быть рѣчи о какой нибудь близости. Данзасъ разсказываетъ, что въ первый разъ встрѣтилъ Дантеса и познакомился съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ Дюме, гдѣ Пушкинъ и будущій его убійца сидѣли рядомъ [4]). По его же словамъ, Пушкинъ любилъ вести съ Дантесомъ шутливые разговоры и смѣялся его остроумнымъ выходкамъ, хотя онѣ иной разъ были запечатлѣны особою колкостью въ отношеніи къ Пушкину. Такъ, однажды, когда Пушкинъ съ женой и обѣими свояченицами явился на одинъ балъ, то Дантесъ воскликнулъ, какъ бы намекая на длинные шлейфы дамъ: voilà le pacha à trois queues! (Вотъ трехбунчужный паша!) [5]). Графъ Соллогубъ разсказываетъ дру-

---

[1]) В. Е. Якушкинъ. О Пушкинѣ. Москва. 1899. Стр. 168. Гекеренъ здѣсь названъ по французскому произношенію Экернъ.

[2]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 53 сл.

[3]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 13.

[4]) Тамъ же, стр. 5.

[5]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 97.

гой анекдотъ, случившійся уже во время болѣе натянутыхъ отношеній. Именно, на балу у князя Вяземскаго, Пушкинъ какъ-то сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ выдавалъ себя, какъ уже сказано выше, за легитимиста и носилъ тогда на рукѣ портретъ Генриха V. — «Посмотрите на эти черты»,—воскликнулъ тотчасъ Дантесъ:—«похожи ли онѣ на г. Пушкина?» Размѣнъ невѣжливостей остался безъ послѣдствій [1]). Что̀ касается до жены Пушкина, то, судя по приведеннымъ выше словамъ о «двухлѣтнемъ постоянствѣ», Дантесъ съ перваго же знакомства оказался въ числѣ поклонниковъ этой красавицы. Повидимому, однако же, его ухаживанія не имѣли особенно назойливаго и смѣлаго характера до 1836 года. «Въ то время», разсказываетъ князь Трубецкой въ своихъ устныхъ воспоминаніяхъ, «Новая Деревня была моднымъ мѣстомъ. Мы стояли въ избахъ. Эскадронныя ученья производили на той землѣ, гдѣ теперь дачи и садики 1 и 2 линіи Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ. Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ. Онъ ухаживалъ за Наташею, какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, приносимыя Лизою (горничною Пушкиной), ничего не значили: въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ хорошо зналъ, что Дантесъ не пріударяетъ за его женой, онъ вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, ему Дантесъ былъ противенъ [2]) своею манерою, нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержнымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться, при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина, это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно почета оказываютъ. Мы, конечно, боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало предъ нимъ преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ, быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но, какъ набитая дура, не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе своему ухаживанію. Если бы Nathalie не была такъ непроходимо глупа, если бы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ, въ то время, по крайней мѣрѣ, ни-

[1]) Воспоминанія графа Соллогуба. Спб. 1887 г. Стр. 176.
[2]) Курсивъ подлинника.

*

чего собственно и не было,— рукопожатія, обниманія, поцѣлуи, но не больше; а это въ наше время были вещи обыденныя. Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не имѣлъ къ тому повода. Необходимо отдѣлить двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя, окончившаяся женитьбою Дантеса на Catherine; вторая, осенняя,—приведшая къ дуэли». Нельзя не признать, что въ послѣднихъ словахъ много правды. Говорить о ревности Пушкина въ отношеніи къ Дантесу совершенно неумѣстно. «Онъ никогда не ревновалъ», говорилъ Соболевскій по пересказу Смирновой, «такъ какъ онъ глубоко понималъ свою жену; но онъ былъ оскорбленъ тою наглостію, съ которою за ней ухаживали. Это оскорбляло даже вкусъ его» [1]). Вѣдь самъ же онъ въ наброскахъ письма къ Гекерену (поскольку можно возстановить ихъ изъ отрывочныхъ клочковъ, которые уцѣлѣли) даетъ понять, что поведеніе Дантеса не могло быть ему безразлично, но сдерживалось границами приличій, а внутренно онъ былъ притомъ достаточно увѣренъ, что его жена заслуживаетъ его полнаго довѣрія и уваженія [2]). Если бы Пушкинъ ревновалъ, то не далъ бы безнаказанно тянуться этой канители два года; да и на самомъ дѣлѣ онъ прибѣгъ къ энергичнымъ мѣрамъ, какъ только неприличіе ухаживанія стало внушать ему нѣкоторыя опасенія. Притомъ Н. Н. Пушкина обыкновенно передавала мужу съ полной откровенностью свои разговоры не только со знакомыми, но и съ почитателями, идя при этомъ такъ далеко [3]), что не скрыла отъ мужа и словъ Гекерена, что Пушкинъ ей не пара, что ей слѣдуетъ съ нимъ развестись. Теперь пошло въ ходъ обыкновеніе ставить ей въ упрекъ эту откровенность: непостижимое недоразумѣніе! Если Пушкинъ и не ревновалъ жену къ Дантесу, если онъ и былъ вполнѣ въ ней увѣренъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, былъ чрезвычайно ревнивъ по природѣ; а эта страсть только искренностью и смягчается. Напротивъ, можно смѣло сказать, что прямодушіе жены, хотя и не основанное на умѣ или душевной тонкости, несомнѣнно должно было служитъ къ успокоенію поэта.

Въ итогѣ мы, стало быть, должны допустить, что къ лѣту 1836 года Пушкинъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Гекереномъ, хотя и принималъ у себя попрежнему Дантеса, бывшаго, правда, явнымъ поклонникомъ его жены, но еще «державшагося въ границахъ приличій». Весну поэтъ провелъ въ Москвѣ и вернулся къ себѣ на дачу 23-го мая, черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожде-

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 23.

[2]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 517 и 519.

[3]) По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ г. Павлищевъ, хотя и не указывая, откуда имъ почерпнуто это свѣдѣніе. Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 25 и 55—56.

нія дочери Натальи (VII, 405). Надо думать поэтому, что въ его отсутствіе жена не могла выѣзжать и принимать у себя свѣтскихъ знакомыхъ, да то же должно было быть и нѣсколько времени послѣ родовъ. Въ ухаживаніи Дантеса долженъ былъ, слѣдовательно, наступить перерывъ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время состоялось его усыновленіе Гекереномъ (4 іюня), т.-е. началась особая близость между ними, которая, конечно, отождествила и ихъ интересы, т.-е. симпатіи и антипатіи. И вотъ мы видимъ, что именно съ этихъ поръ ухаживанія Дантеса разомъ пріобрѣтаютъ новый характеръ. Лѣтомъ 1836 года, по разсказу Данзаса, «послѣ одного или двухъ баловъ на Минеральныхъ Водахъ, гдѣ были Пушкина и Дантесъ, по Петербургу вдругъ разнеслись слухи, что Дантесъ ухаживаетъ за женою Пушкина. Слухи эти долетѣли и до самого Александра Сергѣевича, который пересталъ принимать Дантеса» [1]), «и ихъ взаимныя отношенія стали холодны и натянуты. Не принимая Дантеса у себя въ домѣ, Пушкинъ и жена его встрѣчались, однако же, съ нимъ и съ барономъ Гекереномъ въ домахъ общихъ знакомыхъ изъ круга столичной знати. Избѣгая разговоровъ съ Дантесомъ, жена поэта говорила съ Гекереномъ, выбиравшимъ, какъ впослѣдствіи оказалось, предметомъ разговоровъ съ нею Дантеса, при чемъ онъ намекалъ ей на его чувства къ ней, на его страданія вслѣдствіе отказа отъ дому и т. п.» [2]). Въ то же время, по разсказамъ, «Дантесъ на балахъ разыгрывалъ изъ себя въ углахъ трепещущаго, сантиментальнаго влюбленнаго и какъ тѣнь слѣдовалъ за Пушкиною, что̀ сильно возмущало постороннихъ... Это было смѣшно, гадко и крайне неприлично» [3]). Сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы видѣть въ поведеніи Дантеса просвѣчивающую подкладку злого умысла. Онъ видимо мѣняетъ лѣтомъ 1836 года свой образъ дѣйствій, заботясь не столько о побѣдѣ, сколько о томъ, чтобы афишировать свои исканія и поставить Пушкину въ ложное положеніе. Сразу видно, что онъ имѣетъ въ виду этимъ досадить Пушкину, насолить ему, сдѣлать его смѣшнымъ въ самомъ чувствительномъ для него мѣстѣ. Тутъ явная месть, которой Дантесъ является лишь орудіемъ. Конечно, нѣтъ никакого повода толковать, будто онъ или его руководитель желали «погубить» Пушкина, какъ теперь любятъ выражаться; цѣль была проще: уязвить Пушкина и насолить ему въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался,—вынудить его очистить поле столкновенія. Нѣтъ никакихъ основаній говорить, будто достойные союзники желали довести Пушкина до дуэли или вообще какой нибудь крайности. На-

[1]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863 Стр. 8—9.

[2]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 329.

[3]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 90.

противъ, дуэли они оба трусили, а крайности, т.-е. скандала,—еще больше. Ихъ желаніе состояло именно въ томъ, чтобы, не доводя ничего до крайности, насолить врагу, отравить ему существованіе. Здѣсь нельзя не узнать руководительства Гекерена, ибо Дантесу было нѣ за что̀ мстить Пушкину. Если бы онъ желалъ успѣха своимъ ухаживаніямъ, то онъ именно былъ бы долженъ не дразнить, а всячески смягчать ревность Пушкина. А эта ревность была всѣмъ извѣстна, да и контрастъ его по наружности съ красавицею женою только способствовалъ ея усиленію. Все это Пушкинъ прекрасно видѣлъ и понималъ. Зоркимъ взглядомъ свѣтскаго человѣка онъ сразу доискался режиссера всей комедіи. Не имѣя причины ревновать жену къ Дантесу и замѣтивъ перемѣну въ поведеніи послѣдняго, начавшаго переступать «границы приличія», перемѣну, совпавшую съ «усыновленіемъ» и, надо думать, обостреніемъ отношеній поэта съ Гекереномъ, онъ понялъ, что махинація направлена не противъ его семейнаго счастія, но противъ его личнаго достоинства. Такъ какъ, притомъ, онъ сознавалъ, что Дантесу нѣ за что̀ ему вредить, то оставалось признать виновникомъ всего — Гекерена. Надо при этомъ замѣтить, что жена поэта была не меньше Дантеса игрушкою въ рукахъ Гекерена. Съ опытностью стараго интригана и сплетника удостовѣрясь въ полной искренности Пушкиной съ мужемъ и столь же полной ея наивности, неспособности угадать, что̀ говорится ей для нея самой и что̀ для того только, чтобы она передала это мужу, принявъ за чистую монету, онъ, видимо, самъ сталъ дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ и, по правильной догадкѣ Пушкина, руководить въ томъ же направленіи Дантесомъ. «Вы», писалъ поэтъ Гекерену, «представитель коронованной главы, отечески были сводникомъ вашего незаконнаго сына или яко бы такового. Все его поведеніе (довольно, впрочемъ, неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами. Это, вѣроятно, вы ему диктовали тѣ жалкія рѣчи, которыя онъ выкладывалъ, и тѣ пошлости, которыя онъ сунулся писать. Подобно старой развратницѣ, вы караулили мою жену по всѣмъ угламъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ; и когда, больной любострастною болѣзнью, онъ сидѣлъ дома за лѣкарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «верните мнѣ моего сына» (VII, 416). Благодаря архивнымъ изысканіямъ моего отца, можно съ большою точностью установить хронологію послѣдняго обстоятельства. «Осенью и зимою 1836 года Дантесъ былъ боленъ дважды: въ первый разъ 19—27 октября, во второй отъ 15 декабря по 3 января 1837 года. Стало быть, предложеніе Е. Н. Гончаровой онъ долженъ былъ сдѣлать до второй болѣзни, а слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену-отцу о болѣзни Дантеса должны относиться къ первой болѣзни» [1]).

[1]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4 изд., Спб. 1899, стр. 129 прим.

Иными словами, продѣлки Гекерена происходили уже въ серединѣ октября 1836 года. Тогда же Дантесомъ должны были быть писаны Пушкиной и тѣ «пошлости», о которыхъ говоритъ Пушкинъ. Самъ Дантесъ, какъ видно изъ дѣла, показалъ на судѣ: «Посылая довольно часто къ г-жѣ Пушкиной книги и театральные билеты при короткихъ запискахъ, полагаю, что въ числѣ оныхъ находились нѣкоторыя, коихъ выраженія могли возбудить его (Пушкина) щекотливость, какъ мужа, что̀ и дало поводъ ему упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ къ барону де-Гекерену 26 числа генваря, какъ дурачества, мною писанныя». «Къ тому же присовокупляю, что вышеупомянутыя записки и билеты были мною посылаемы къ г-жѣ Пушкиной прежде, нежели я былъ женихомъ»[1]). Эта подробность о запискахъ заслуживаетъ особаго вниманія. Ихъ выраженіе «могли возбудить щекотливость Пушкина, какъ мужа» разоблачаетъ передъ нами важную пружину интриги. Тонъ, которымъ Пушкинъ говоритъ о liaiseries Дантеса, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его «щекотливость, какъ мужа», нимало не была возбуждена записками, могшими ее возбудить, по мнѣнію писавшаго. Одно это уже доказываетъ, что пресловутыя «дурачества» были хвастливыми намеками, имѣвшими цѣлью возбудить ревность Пушкина, если попадутъ ему въ руки. Но маневръ не удался: Пушкинъ сразу понялъ, что Дантесъ намекаетъ на то, чего никогда не было, по чужой подсказкѣ, именно въ надеждѣ, что намеки до него дойдутъ, а онъ повѣритъ въ ихъ основательность. Въ этихъ уловкахъ онъ узналъ руководство Гекерена и узналъ, безспорно, вполнѣ справедливо. Если бы этими записками была задѣта его «щекотливость», то, конечно, онъ не сталъ бы раздумывать, а проучилъ бы Дантеса немедленно; на самомъ же дѣлѣ онъ къ нимъ относился совершенно равнодушно.

Здѣсь по ходу событій мы считаемъ умѣстнымъ привести продолженіе разсказа князя Трубецкого съ того мѣста, гдѣ его прервали, заранѣе предупреждая, что, не представляя собою много новаго, онъ цѣлымъ рядомъ противорѣчій общеизвѣстнымъ и твердо установленнымъ фактамъ самъ обличаетъ свою лживость. Въ немъ пресловутая сплетня о «черномъ поцѣлуѣ» соединена довольно неискусно съ женитьбою Дантеса. Но главный интересъ этого разсказа тотъ, что изъ него ясно, кто былъ авторомъ анекдота о «черномъ поцѣлуѣ»: надо выбирать между княземъ Трубецкимъ и самимъ Дантесомъ[2]). Но едва ли придется долго затрудняться выборомъ:

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 61—62.

[2]) Замѣтимъ, кстати, что самый анекдотъ о «черномъ поцѣлуѣ» былъ извѣстенъ еще задолго до того, какъ родились на свѣтъ и Пушкинъ, и Дантесъ, и даже Гекеренъ; слово «авторъ» въ текстѣ надо понимать не въ смыслѣ «изобрѣтатель», а въ смыслѣ «тотъ, кто первый пріурочилъ старинный глупый анекдотъ къ Пушкину, его женѣ и Дантесу».

и подробности разсказа, и водевильный французскій характеръ анекдота—все указываетъ на Дантеса. Лживость же анекдота, помимо внѣшней неправдоподобности всѣхъ подробностей, очевидна и по противорѣчію его съ письмами, документами, да и собственнымъ мнѣніемъ князя Трубецкого, что о ревности Пушкина говорятъ лишь по недоразумѣнію. Итакъ, даемъ слово князю Трубецкому.

«Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та по свойственной ей дурости не знала, какъ взяться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ заставалъ у себя на дачѣ Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 36-го года. Дантесъ засидѣлся у Наташи. Пріѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ Дантеса рядомъ съ женой и, не говоря ни слова, ни даже обычнаго «bonjour», выходитъ изъ комнаты. Черезъ минуту онъ является вновь, цѣлуетъ жену, говоритъ ей, что пора обѣдать, что онъ проголодался, здоровается съ Дантесомъ и выходитъ изъ комнаты. «Ну, пора, Дантесъ, уходите, мнѣ надо идти въ столовую», сказала Наташа. Они поцѣловались и Дантесъ вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ Пушкинымъ, который пристально посмотрѣлъ на него, язвительно улыбнулся и, не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и вошелъ въ ту же дверь, изъ которой только что вышелъ Дантесъ. Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ мнѣ свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то не доброе: «Онъ былъ сегодня какъ-то особенно страненъ». И Дантесъ разсказалъ, какъ онъ засидѣлся у Nathalie, какъ та гнала его нѣсколько разъ, опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ, но онъ все медлилъ, и мужъ дѣйствительно засталъ ихъ вдвоемъ.—«Только-то?»—«Только; но, право, у Пушкина былъ какой-то непріязненный взглядъ и въ передней онъ даже не простился со мною». Все это Дантесъ разсказалъ, переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ къ своему дядѣ[1]). Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что пушкинская Лиза принесла ему письмо и, узнавъ, что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано très pressée (pressé?). Съ тѣмъ же денщикомъ было отправлено тотчасъ же письмо къ Дантесу. Спустя часъ, быть можетъ, съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. Я его не узналъ: на немъ лица не было.—«Что случилось?»—«Мои предсказанія сбылись; прочти».—Я вынулъ изъ конверта съ надписью très pressée (pressé?) небольшую записочку, въ которой Nathalie извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ руки ея сестры Кати, что мужъ со своей стороны тоже согласенъ на этотъ бракъ. Запи-

[1]) Т. е., по терминологіи кн. Трубецкого, къ Гекерену.

сочка была составлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ не только vous вмѣсто tu, но и вообще слогомъ вовсе не женскимъ и не дамскимъ (дамскихъ?) billets-doux.—«Что все это значитъ?»—«Ничего не понимаю; ничьей руки я не просилъ».—Стали мы обсуждать, совѣтоваться, и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать démenti словамъ Наташи до разъясненія казуса.—«Во всякомъ случаѣ Cathérine мнѣ нравится, и если я и не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ». На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидавъ жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ: тамъ онъ намазалъ сажею свои толстыя губы и, выйдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ и Дантесъ простился съ Nathalie, при чемъ они поцѣловались и, конечно, сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который, очевидно, поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку: это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса. Взбѣшенный, Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie не знала, что отвѣчать, и, застигнутая врасплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія Пушкина. Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташею та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса, и меня. Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Екатериною Николаевною Гончаровой. Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрылъ и все примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной, онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ и Пушкинъ не выражался о немъ иначе, какъ въ самыхъ дружественныхъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ. Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?—Это уже вторая фаза».

Вотъ разсказъ князя Трубецкого. Что онъ самъ по себѣ представляется безспорнымъ вымысломъ, это каждому очевидно. Притомъ и вымыселъ-то это крайне грубый,—тема аляповатаго водевиля. Не говорю, затѣмъ, объ очевидномъ извращеніи несомнѣнныхъ фактовъ: по разсказу выходитъ, будто свадьба Дантеса состоялась осенью, а предложеніе было сдѣлано еще лѣтомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто въ началѣ ноября, а свадьба — въ январѣ; по разсказу, Дантесъ послѣ свадьбы примирился съ Пушкинымъ, заслужилъ его полное расположеніе и сталъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ, а на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго, да и

дуэль состоялась всего черезъ 17 дней послѣ свадьбы. Наконецъ, крайнюю подозрительность возбуждаютъ увѣренія князя Трубецкого о томъ, что, будто бы, «рукопожатія, обниманіе, поцѣлуи» съ замужними женщинами были «тогда», «въ его время»—«вещами обыденными», а въ частности и между Пушкиной и Дантесомъ, при чемъ въ перепискѣ они будто бы были даже между собою «на ты». Послѣднее во всякомъ случаѣ ложь и клевета, но и первое немногимъ лучше. Конечно, отдѣльные случаи, отдѣльныя семьи, гдѣ такія невинныя развлеченія были «вещами обыденными», могли встрѣчаться во всякое время; но чтобы вообще нравами тридцатыхъ годовъ эти «обыденныя вещи» допускались и освящались,—это уже очевидный вздоръ; всего же менѣе можно этому повѣрить относительно семьи Пушкина. Словомъ, ни самая фабула, ни многія частности разсказа не заслуживаютъ вовсе довѣрія; и тѣмъ не менѣе можно его признать очень цѣннымъ матеріаломъ: самые промахи противъ исторической общеизвѣстной истины показываютъ, что князь Трубецкой разсказывалъ, не справляясь по книжкамъ и памятникамъ, но просто на память, такъ, какъ въ ней сохранился ходъ происшествій. А это все же свидѣтельство въ пользу нѣкоторой искренности разсказчика. Можно думать, что онъ вполнѣ вѣрилъ тому, что̀ разсказывалъ, — а это позволяетъ предполагать нѣкоторую фактическую подкладку его повѣствованія въ дѣйствительности. Посмотримъ же, въ чемъ она состоитъ, если откинуть мнимую интимность Дантеса съ Пушкиной и «черный поцѣлуй». Состоитъ она въ томъ, что еще лѣтомъ 1836 года Дантесъ заставилъ своего лагернаго товарища повѣрить, будто онъ состоитъ въ интимныхъ, хотя де и невинныхъ, отношеніяхъ и перепискѣ съ Пушкиной и что для спасенія ея репутаціи онъ попалъ въ необходимость жениться на ея сестрѣ. Вѣдь князь Трубецкой все передаетъ со словъ самого Дантеса; онъ признаетъ,—независимо отъ мнимаго перехода съ «ты» на «вы»,—что слогъ записки, принесенной къ нему Дантесомъ отъ Гекерена, отличался отъ слога обыкновенныхъ дамскихъ записочекъ, — а между тѣмъ ничѣмъ не даетъ понять, что принесенная Дантесомъ записочка была та самая, которую тотъ получилъ черезъ денщика. А при этихъ условіяхъ сама собою напрашивается мысль о комедіи, затѣянной Дантесомъ, чтобы обморочить товарища и похвастаться передъ нимъ, а потомъ имѣть въ немъ и свидѣтеля для дальнѣйшаго хвастовства передъ другими. Характерно далѣе, что собственно комедія началась по его возвращеніи отъ Гекерена: не тамъ ли онъ и вдохновился, воспользовавшись полученіемъ какой нибудь пустѣйшей, но по дамскому обычаю «весьма нужной» записочки отъ Пушкиной? Подмѣнить ее наскоро сочиненною фальсификаціею было не трудно; а впутать въ исторію Е. Н. Гончарову было тѣмъ легче, что она была все время безъ памяти влюблена въ Дантеса.

Разъ онъ впослѣдствіи не затруднился ее впутать для того, чтобы уклониться отъ дуэли, то почему намъ не повѣрить, что онъ вплеталъ въ свое хвастливое вранье и пусканье пыли въ глаза всѣхъ дамъ и дѣвицъ, съ которыми былъ знакомъ? Хвастаясь небывалыми побѣдами, чего ему было стѣсняться на счетъ дѣйствительно одержанныхъ? Съ этой точки зрѣнія можно считать правдою самое зерно разсказа князя Трубецкого, невзирая на искаженіе имъ многихъ подробностей, привиранье въ мелочахъ и на то, что самый «черный поцѣлуй» былъ выдумкою. Допустить, что князь Трубецкой былъ обмороченъ и обманутъ, гораздо естественнѣе, чѣмъ думать, что всю исторію онъ самъ выдумалъ, пренебрегая честью и совѣстью. А въ такомъ случаѣ авторомъ анекдота надо признать Дантеса не безъ вѣроятнаго участія Геккерена. Любопытно, между прочимъ, что нынче весною во Франціи былъ перепечатанъ съ разными прикрасами анекдотъ о «черномъ поцѣлуѣ» и что пошли слухи, будто самъ Дантесъ признавалъ этотъ анекдотъ дѣйствительнымъ фактомъ. Сынъ Дантеса, «съ негодованіемъ» отрицающій, «будто ревность Пушкина имѣла какія нибудь серьезно-реальныя основанія по отношенію къ Дантесу-Геккерену» (негодованіе, замѣтимъ отъ себя, тѣмъ болѣе излишнее, что если Пушкинъ и ревновалъ жену, то ужъ никакъ не къ Дантесу), потребовалъ удовлетворенія отъ авторовъ статей, гдѣ находилась перепечатка, но тѣ сложили съ себя отвѣтственность на третьихъ лицъ и дѣло кончилось ничѣмъ [1]). Замѣтимъ по этому поводу, что, судя по разсказу, нами воспроизведенному, анекдотъ о «черномъ поцѣлуѣ» могъ первоначально пойти только отъ князя Трубецкого, хотя и нѣтъ основаній считать его авторомъ этой клеветы. Опубликованіе же его воспоминаній потому настоятельно необходимо, что даетъ матеріалъ къ надежному опроверженію анекдота, донынѣ упрямо повторявшагося въ нашемъ обществѣ и, какъ все «неизданное», встрѣчавшаго довѣрчивыхъ слушателей.

Таково было взаимное отношеніе трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—трехъ, ибо Н. Н. Пушкина была только манекеномъ, только буферомъ при столкновеніи: Геккеренъ, раздраженный Пушкинымъ, напустилъ на его жену Дантеса съ цѣлью скомпрометировать ее въ глазахъ свѣта: Дантесъ придалъ своему ухаживанію сообразный съ такою цѣлью характеръ; быть можетъ, они заблаговременно намѣтили, какъ громоотводъ, Е. Н. Гончарову; Пушкинъ же сразу проникъ въ ихъ умыселъ и ждалъ только минуты, чтобы вмѣшаться. Но положеніе дѣлъ нѣсколько усложнялось участіемъ окружающихъ. Издавна распространилось и утвердилось общее мнѣніе, будто Геккеренъ и Дантесъ

[1]) Обо всемъ этомъ см. «Новое Время», № 8364, 12 іюня 1899, парижская корреспонденція И. Яковлева.

были только партизанами обширной великосвѣтской интриги, направленной на то, чтобы «погубить» Пушкина. Однако, при безпристрастномъ ближайшемъ изученіи дѣла, приходится сказать, что это мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, у Пушкина было много вліятельныхъ и сильныхъ враговъ. Его гордый, независимый характеръ, его смѣлое, желчное слово, язвительное остроуміе, все это «возбуждало щекотливость» окружавшихъ его недоброжелателей. Они радовались, конечно, всякой его неудачѣ. Ихъ назойливый рой мстительно язвилъ и жалилъ его съ докучнымъ жужжаніемъ вездѣ и всегда, гдѣ только могъ. Злорадство свѣта много помогало гнуснымъ продѣлкамъ Гекерена, хотя вовсе не понимало ихъ подкладки. И однако, вполнѣ признавая, что недоброжелательство вливало много горечи въ душу Пушкина, все же нѣтъ никакихъ основаній видѣть вокругъ поэта какой-то заговоръ, интригу, которая бы обдуманно велась къ намѣченной цѣли, въ которой бы дѣйствующія лица знали, чего хотѣли. Въ дальнѣйшемъ будетъ дано много тому доказательствъ. Злорадство было, но интриги не было, кромѣ какъ со стороны Гекерена; да и тотъ не предвидѣлъ послѣдствій своихъ продѣлокъ; а если бы предвидѣлъ, то изъ одной трусливости остерегся бы доводить противника до крайности. Пушкина погубила не интрига, но рядъ случайностей, которыя могли быть, могли и не быть, и которыя только своею роковою совокупностью привели къ трагической развязкѣ. Этой развязкѣ иные порадовались, но никто ея не ждалъ, никто не готовилъ. Противоположныя мнѣнія всѣ были высказаны уже послѣ событія,—а вѣдь извѣстно, какую цѣну слѣдуетъ придавать такимъ мнѣніямъ.

Любопытно, что постепенное углубленіе историковъ въ обстоятельства дуэли шагъ за шагомъ выясняетъ непричастность къ интригѣ и вообще обѣляетъ многихъ, кто прежде въ изустныхъ преданіяхъ навлекалъ на себя особенныя нареканія, а съ другой стороны удостовѣряетъ, что какъ противники, такъ и сторонники Пушкина искали центра тяжести событій совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ былъ. Именно, всѣ склонны придавать капитальное, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ дуэли пресловутымъ анонимнымъ письмамъ; полагали, будто, дознавшись, кто ихъ авторъ, обнаружатъ «истиннаго убійцу Пушкина». О письмахъ этихъ будетъ подробнѣе сказано ниже; здѣсь же напомнимъ, что участіе въ ихъ разсылкѣ приписывалось и графу Уварову, и княгинѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской, и еще Богъ знаетъ кому. На самомъ же дѣлѣ все это либо басни, либо преувеличенія. Характеръ графа Уварова столь же трудно признать симпатичнымъ или привлекательнымъ, сколь трудно допустить въ немъ черты низости, клеветничества и подлостей изъ-за угла. Не говоримъ о многихъ другихъ. Но твердо увѣрены, что задача біографа Пушкина состоитъ не въ томъ, чтобы доиски-

ваться слѣдовъ какого-то страннаго заговора на жизнь поэта и гадательно выяснять роль каждаго изъ враговъ Пушкина въ интригѣ, но въ томъ, чтобы точно выяснить причины и степень проявленія у представителей великосвѣтскаго общества недоброжелательства къ поэту. Тогда сразу же раскроются такія стороны дѣла, которыхъ и не подозрѣвали прежде изслѣдователи, доискиваясь злодѣевъ и изверговъ, смертельной вражды, адскихъ козней и т. п., вмѣсто того, чтобы видѣть самыхъ обыденныхъ людей, самыя мелочныя сплетни, кляузы и глупое злорадство, приведшія къ трагической развязкѣ не въ силу своей гнусности или коварства, а въ силу пламеннаго и гордаго характера самого Пушкина, задыхавшагося и изнывавшаго среди несоотвѣтствующей ему среды, и рокового сцѣпленія случайностей.

Не можемъ здѣсь не остановиться въ поясненіе нашей мысли на одномъ эпизодѣ этого свѣтскаго недоброжелательства, остававшемся доселѣ совершенно въ тѣни и получающемъ особенную яркость отъ сопоставленія разсказовъ Смирновой и князя Трубецкого. Мы имѣемъ въ виду роль, сыгранную, во время ухаживаній Дантеса за Пушкиной, одной изъ свѣтскихъ дамъ того времени—Идаліею Полетикою. Не будемъ останавливаться на тѣхъ подробностяхъ ея біографіи, которыя не оглашены еще въ печати, тѣмъ болѣе, что для нашихъ цѣлей онѣ и безразличны. «Если бы у Дантеса была хоть тѣнь порядочности», пишетъ А. О. Смирнова, «онъ прекратилъ бы свои преслѣдованія; а самое скверное то, что онъ никогда не былъ влюбленъ въ Натали: онъ находилъ ее глупой и скучной; онъ былъ влюбленъ въ И(далію) и назначалъ ей свиданія у Наталй, которая служила ширмою въ продолженіе двухъ лѣтъ. И. страшно боялась своего beau-père (больше, чѣмъ своего мужа) и своей семьи, такъ какъ для нея скандалъ былъ бы концомъ всего, потому что ея положеніе въ семьѣ было довольно затруднительное. Она очень хорошенькая, привлекательная, умная, и ея дружбу съ Натали и эту внезапную нѣжность никто не понималъ, такъ какъ прежде она жестоко потѣшалась надъ ней, — и вотъ въ одинъ прекрасный день онѣ неразлучны! Натали, очень простодушная, прекрасно служила ширмой и ея мелкое тщеславіе было польщено тѣмъ, что она была предметомъ чьей-то страсти. И. повторяла ей, что это лестно. Catherine Гончарова была болѣе прозорлива; она ненавидѣла И., потому что сама сходила съ ума по Дантесу. Александрина Гончарова была тоже очарована И.—и Гекеренъ, который зналъ все это, имѣлъ развратное удовольствіе играть низкую роль» [1]). Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ встрѣчаются намъ и записанныя Смирновою слова

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 24.

Соболевскаго о томъ же: «M-me Nathalie до сихъ поръ пансіонерка. Она жила, какъ живутъ дѣти,—безъ размышленій, безъ заботъ. Для нея жизнь была рядомъ празднествъ, баловъ, туалетовъ и прогулокъ, и, какъ только ей дѣлали ласковое лицо, она воображала, что ее обожаютъ. Она повѣряла эти маленькія тайны г-жѣ X. (Полетикѣ), а эта послѣдняя, сходившая съ ума по Дантесу, передавала ихъ ему, а потомъ разносила повсюду, что Nathalie обожала ея (т. е. своего) beau frère. А Nathalie женщина неспособная обожать кого бы то ни было; у нея спокойная, холодная натура, и если она кого нибудь любила, то это все-таки Пушкина, котораго она любила на свой ладъ, совершенно его не понимая» [1]). Въ тѣхъ же запискахъ къ Полетикѣ относятся еще два мѣста: «Catherine Мещерская сдѣлала бурную сцену XX (Полетикѣ); она сказала ей: «Теперь вы довольны? Вы также клеветали на Nathalie, кокетничали съ Дантесомъ и сыграли дурную роль по отношенію къ ней. Она вамъ передавала неприличныя выходки этого дурно воспитаннаго господина, а вы разглашали ихъ, чтобы погубить ее. Это низко!» XX (Полетика) была ошеломлена, но подѣломъ ей: она въ самомъ дѣлѣ сыграла низкую роль» [2]). — «Ея (Пушкиной) милыя подруги разносили всѣ сплетни о ней и даже постоянно чернили ее, въ особенности XX (Полетика) и XXX, завидовавшія ея красотѣ. XX (Полетика) дѣлала это потому, что была влюблена въ Дантеса, XXX потому, что всѣ восхищались стройностью Nathalie, потому что у нея нѣтъ ни такого стана, ни такихъ плечъ. Обѣ онѣ красивы, но Nathalie на балу затмѣвала ихъ. И все это стоило жизни человѣку!» [3]).

Въ письмахъ самого Пушкина три раза упоминается Полетика, хотя изъ его словъ трудно вывести что либо опредѣленное. 30-го сентября 1832 года—т. е. еще до знакомства съ Дантесомъ—онъ пишетъ женѣ: «Вотъ видишь, что я правъ: нечего тебѣ было принимать Мусина-Пушкина. Просидѣла бы ты у Идаліи и не сердилась бы на меня» (VII, 307). Черезъ годъ онъ вторично говоритъ о ней въ письмѣ отъ 30-го октября 1833 года: «Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ» (VII, 332). Затѣмъ, 6-го мая 1836 года, т. е. еще до перемѣны въ характерѣ ухаживаній Дантеса, онъ пишетъ ей же изъ Москвы: «Что̀ Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ; влюбленъ онъ въ Idalie Полетику и далъ за нее пощечину Гринвальду. Савельевъ надняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази,

---

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 22—23.
[2]) Тамъ же, стр. 22.
[3]) Тамъ же, стр. 3.

какъ жалка Idalie!» (VII, 400). Но зато воспоминанія князя Трубецкого дѣйствительно ярко освѣщаютъ образъ дѣйствій Полетики и крайне типично характеризуютъ тѣ грязные источники, изъ которыхъ питалось злословіе великосвѣтскаго недоброжелательства. Мы приводимъ ихъ съ того мѣста, гдѣ выше остановились,—съ разсказа о «второй фазѣ» отношеній Пушкина къ Дантесу.

«Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору», говоритъ князь Трубецкой, «и окончившіяся дуэлью, до сихъ поръ никѣмъ еще не разъяснены. Объ нихъ въ печати вообще не упоминается, быть можетъ, потому, что они набрасываютъ тѣнь на человѣка, имя котораго такъ дорого каждому изъ насъ, русскихъ,—быть можетъ, однако, и потому еще, что они были извѣстны очень немногимъ. Не такъ давно [1]) въ Одессѣ умерла Полетика (Полетыка), съ которой я часто вспоминалъ этотъ эпизодъ, и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти. Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но и чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ; и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau-frère и была влюблена въ него заочно. Вскорѣ послѣ своего брака Пушкинъ сблизился... съ нею. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-жѣ Полетикѣ. Подумайте же: могъ ли Пушкинъ при этихъ условіяхъ ревновать свою жену къ Дантесу? Если Пушкину и не нравились посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женой, а потому, что, посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Alexandrine. Влюбленный въ Alexandrine, Пушкинъ опасался, чтобы блестящій кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполнѣ успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины и проситъ ея руки. Вотъ почему послѣ брака Дантеса съ Катериною Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески. Повторяю, однако, близость Пушкина съ Александриною мало кому была извѣстна. Едва ли многимъ извѣстно и слѣдующее обстоятельство, довольно, повидимому, ничтожное, но въ концѣ концовъ отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесъ съ молодою женою задумали отправиться за границу къ роднымъ мужа. Въ то время сборы за границу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина и онъ рѣшился во что бы то ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду. Онъ опять сталъ придираться къ Дан-

[1]) Разсказъ князя Трубецкого относится къ 1887 году.

тесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанья, но не за Александриной, о чемъ онъ долженъ былъ прималчивать, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ (былъ?) дѣйствительно невыносимъ. Какъ теперь помню: на святкахъ былъ балъ у португальскаго, если память не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевскаго моста. Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ, и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то кипсекъ. Вошелъ Пушкинъ.—«Вы зачѣмъ здѣсь? Кавалергарду, да еще не женатому, здѣсь не мѣсто: вы видите»—онъ указалъ на рога—«эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата».—«Полноте, Пушкинъ, вы и на балъ притащили свою желчь: вотъ ужъ ей здѣсь не мѣсто!». Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и вся, между прочимъ, Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцовальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie. Пушкинъ все настойчивѣй искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи, между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin, стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и во всякомъ случаѣ отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, — быть можетъ, заклеймилъ бы ее эпиграммою; но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по-своему. Письмо Пушкина къ Гекерену и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Гекерена Дантесомъ всѣмъ извѣстны». На этомъ кончается весь разсказъ князя Трубецкого.

Начнемъ съ необходимыхъ оговорокъ и прежде всего пожалѣемъ, что нелѣпая клевета Полетики такъ долго сохранялась подъ спудомъ: для этого рода вымысловъ нѣтъ ничего смертельнѣе свѣта и огласки. Такъ муміи нерѣдко сохраняются тысячелѣтія въ своихъ гробахъ и подземельяхъ безъ малѣйшаго ущерба, но разсыпаются прахомъ, едва ихъ вынести на свѣжій воздухъ. Мы не говоримъ ужъ о томъ, что клевета сама собою разоблачается для того, кто помнитъ хронологію и, стало быть, не можетъ допустить самой возможности пресловутыхъ «двухъ фазъ» въ отношеніяхъ Пушкина и Дантеса. Столь же нелѣпъ и разсказъ о предполагавшейся поѣздкѣ молодыхъ за границу осенью 1836 года (свадьба была, напоминаемъ, 10 января 1837 года) въ сопровожденіи младшей Гончаровой. Наконецъ, всякому ясна и весьма существенная путаница касательно анонимныхъ писемъ и дуэли. По разсказу князя Трубецкого выхо-

дить, что письма были получены послѣ свадьбы Дантеса и что Пушкинъ послалъ свое письмо Гекерену по полученіи этихъ писемъ. Однѣхъ этихъ несообразностей, чисто внѣшнихъ, вполнѣ достаточно для опроверженія; но и помимо того, кто могъ бы повѣрить безсмысленной лжи, повторенной черезъ 50 лѣтъ послѣ событій,—кто, кромѣ развѣ не читавшихъ ни одного письма Пушкина къ женѣ? Клевета—чисто бабья, и ее не стоитъ и опровергать подробнѣе, чѣмъ требуетъ невольное первое негодованіе. Но, не заслуживая довѣрія, какъ клевета, вымыселъ, сохраненный княземъ Трубецкимъ, въ высшей степени важенъ для характеристики свѣтскаго злословія о Пушкинѣ и его семьѣ. Оно питалось не только вымыслами враговъ Пушкина, но и соперницъ его жены и любовницъ Дантеса, не щадившихъ ни поэта, ни его родныхъ и близкихъ. Никакой вражды къ Пушкину онѣ не питали; имъ просто не было до него дѣла и заботы въ разгарѣ ихъ безстыдныхъ шашней; но, преслѣдуя свои цѣли, онѣ, однако, безсознательно осложняли отношенія, запутывали трагическій узелъ. Конечно, имъ никто не вѣрилъ, да и не могъ вѣрить; но толки разгарались, а возбудить ихъ и было цѣлью Гекерена. На почвѣ злословія и недоброжелательства вполнѣ естественно было произойти какой нибудь неловкости, взрыву со стороны Пушкина,—и это случилось на самомъ дѣлѣ; говорить же объ «адскихъ козняхъ» и т. д. по меньшей мѣрѣ смѣшно.

III.

Теперь обратимся къ обстоятельствамъ самой дуэли. Они начинаются съ полученія Пушкинымъ диплома на званіе кавалера ордена рогоносцевъ, разосланнаго въ то же время по наиболѣе близкимъ его знакомымъ въ двойныхъ конвертахъ, изъ которыхъ внутренніе были адресованы на имя поэта. Мы только что привели разсказъ объ этомъ происшествіи князя Трубецкого, поразительный правильнымъ и трезвымъ пониманіемъ дѣла, котораго не замѣтно ни у кого изъ біографовъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при другихъ обстоятельствахъ Пушкинъ не обратилъ бы даже вниманія на эти нелѣпыя письма; но въ ноябрѣ 1836 года, равнодушный къ ихъ сущности, онъ именно воспользовался ими только, какъ предлогомъ, чтобы распорядиться на счетъ надоѣвшаго ему Дантеса. По крайней мѣрѣ, самъ онъ именно въ этомъ духѣ изложилъ исторію въ письмахъ къ графу Бенкендорфу и Гекерену. «4-го ноября утромъ», писалъ онъ первому, «я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и для чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по пріемамъ, съ которыми оно было составлено, я съ первой же минуты призналъ, что оно было отъ иностранца, отъ человѣка высшаго общества, отъ дипломата. Я принялся за розыски. Я узналъ, что семь или восемь лицъ получили въ тотъ же день по экземпляру того же самаго письма, запечатаннаго и адресованнаго по моему адресу, въ двойныхъ конвертахъ. Большая часть лицъ, которыя ихъ получили, подозрѣвая гнусность, не послали ихъ мнѣ. Вообще негодовали на оскорбленіе столь подлое и ни на чемъ не основанное; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, все же говорили, что предлогомъ къ этой гнусности было неотступное ухаживаніе за нею г. Дантеса. Я не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы имя моей жены связывалось, при этомъ случаѣ, съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. Дантесу. Баронъ Гекеренъ пріі-

ѣхалъ ко мнѣ и согласился на дуэль за г. Дантеса, прося у меня отсрочки на двѣ недѣли» [1]) (VII, 415). Это письмо поясняется съ одной стороны письмомъ и черновыми набросками письма Пушкина къ Гекерену, а съ другой—показаніями Дантеса и Данзаса на судѣ и воспоминаніями графа Соллогуба. Если составить сводный текстъ письма изъ бѣлового списка и набросковъ, то выйдетъ слѣдующее «Поведеніе г. вашего сына было мнѣ вполнѣ извѣстно съ давнихъ поръ и не могло мнѣ быть безразлично; но такъ какъ оно было сдержано границами приличій, и при томъ я зналъ, до какой степени моя жена заслуживаетъ моего довѣрія и моего уваженія, я ограничивался ролью наблюдателя, съ тѣмъ только, чтобы вмѣшаться, когда сочту это удобнымъ. Я хорошо зналъ, что красивая внѣшность, несчастная страсть, двухлѣтнее постоянство, всегда въ концѣ концовъ достигнутъ того, что произведутъ впечатлѣніе на сердце молодой женщины, и что тогда мужъ, если только онъ не дуракъ, естественно станетъ довѣреннымъ своей жены и руководителемъ ея поведенія. Признаюсь вамъ, что я былъ не чуждъ нѣкотораго безпокойства. Случай, который во всякую другую минуту былъ бы мнѣ весьма непріятенъ, чрезвычайно счастливо вывелъ меня изъ затрудненія: я получилъ анонимныя письма. Я увидѣлъ, что минута наступила, и этимъ воспользовался. Остальное вы знаете: я заставилъ г. вашего сына играть такую шутовскую и жалкую роль, что моя жена, удивленная такою подлостью и плоскостью, не могла удержаться отъ смѣха, и что чувства, которыя она, быть можетъ, испытывала къ этой глубокой и возвышенной страсти, угасли въ презрѣніи (варіантъ: отвращеніи) самомъ спокойномъ и какъ нельзя лучше заслуженномъ» [2]). Дантесъ, какъ видно изъ дѣла, кратко показалъ на судѣ: «въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года получилъ я словесный и безпричинный камергера Пушкина вызовъ на дуэль, который мною былъ принятъ» [3]). Въ свою очередь Данзасъ, излагая объясненія Пушкина передъ самою дуэлью на дому у д'Аршіака (о нихъ будетъ рѣчь ниже), передавалъ ихъ такъ: «Получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ онъ виновникомъ почиталъ нидерландскаго посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпыхъ слухахъ, касающихся чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызывалъ на дуэль г. поручика Гекерена, на котораго публика указывала» [4]). Слѣдовательно, въ самый день дуэли Пушкинъ говорилъ то же самое, что̀ писалъ два мѣсяца

[1]) Un delai de 15 jours у насъ невѣрно переводятъ: 15 дней. По французскому счету къ сроку прикидывается день, отъ котораго счетъ ведется, и потому 15 jours—двѣ недѣли.

[2]) VII, 416 и «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 516—519.

[3]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 42.

[4]) Тамъ же, стр. 62.

*

раньше гр. Бенкендорфу. Все изложенное характеризуетъ намъ одну сторону дѣла; воспоминанія графа Соллогуба рисуютъ другую. Описавъ, какъ онъ отнесъ Пушкину полученный имъ пакетъ, адресованный на имя поэта, и передалъ его, графъ Соллогубъ продолжаетъ: «Пушкинъ распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:—«Я ужъ знаю, что̀ такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Е. М. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъименнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу» [1]).

Разсмотримъ внимательно приведенныя данныя. Графъ Соллогубъ очевидно видѣлъ Пушкина прежде, нежели тотъ пришелъ къ какому нибудь рѣшенію и еще собирался оставить письма безо всякихъ послѣдствій. Дальнѣйшія дѣйствія Пушкина вовсе этого не опровергаютъ: онъ только изъ разговоровъ убѣдился, какъ самъ писалъ Бенкендорфу, что ухаживанія Дантеса считаются поводомъ къ разсылкѣ пасквиля; а такъ какъ графъ Соллогубъ былъ у Пушкина утромъ, то и не могъ знать о рѣшеніи, которое еще не было принято. Конечно, его разсказъ не совсѣмъ согласуется со словами Пушкина въ письмѣ къ графу Бенкендорфу,—будто онъ «съ первой же минуты» угадалъ автора пасквиля,—такъ какъ выходитъ, что поэтъ вначалѣ подозрѣвалъ совсѣмъ не Гекерена, а какую-то даму; но эти первыя подозрѣнія могли быть позабыты Пушкинымъ среди быстраго хода дальнѣйшихъ событій. Заподозрѣвать графа Соллогуба въ неправдѣ намъ нѣтъ въ данномъ случаѣ никакихъ основаній. Самый вызовъ Пушкинъ, по свидѣтельству Данзаса, послалъ Дантесу черезъ брата Смирновой, офицера генеральнаго штаба Клементія Осиповича Россета [2]). Правда, это сообщеніе плохо вяжется

---

[1]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887. Стр. 178—179. Воспоминанія эти вообще очень хвастливы и порою подозрительны; но дуэль Пушкина описана въ нихъ по существу событій поразительно точно, что̀ подтверждается каждымъ вновь открытымъ документомъ. Наоборотъ, совершенный вздоръ о роли графа Сологуба въ дѣлѣ дуэли записанъ Смирновою со словъ Андрея Карамзина. Записки А. О. Смирновой. II часть. Спб. 1897. Стр. 9—10.

[2]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб., 1863. Стр. 10.

съ воспоминаніемъ А. О. Россета, будто осенью 1836 года Пушкинъ пришелъ къ К. О. Россету и, сказавъ, что вызвалъ на дуэль Дантеса, просилъ его быть секундантомъ. Тотъ отказывался, говоря, что дѣло секундантовъ вначалѣ — стараться о примиреніи противниковъ, а онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что не терпитъ Дантеса и будетъ радъ, если Пушкинъ избавитъ отъ него петербургское общество; потомъ, онъ не достаточно хорошо пишетъ по французски, чтобы вести переписку, которая въ этомъ случаѣ должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантомъ на самомъ мѣстѣ поединка, когда уже все будетъ условлено, Россетъ былъ готовъ. Послѣ этого разговора Пушкинъ повелъ его прямо къ себѣ обѣдать. За столомъ подали Пушкину письмо. Прочитавъ его, онъ обратился къ старшей своей свояченицѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ: «Поздравляю, вы невѣста; Дантесъ проситъ вашей руки». Та бросила салфетку и побѣжала къ себѣ. Наталья Николаевна за нею. «Каковъ!» сказалъ Пушкинъ Россету [1]). Воспоминанія эти, къ которымъ мы еще вернемся ниже, нѣсколько искажаютъ подробности; но во многомъ вполнѣ вѣрны. Въ частности, весьма вѣроятно, что К. О. Россетъ отказался вести переговоры о дуэли, соглашаясь быть секундантомъ; но это еще не исключаетъ возможности допустить, что онъ согласился также передать и вызовъ Пушкина, то-есть не опровергаетъ категорически воспоминаній Данзаса. — Изъ сказаннаго можно заключить, что вызовъ дошелъ либо 4-го же ноября, либо на слѣдующій день, и, стало быть, не позже 5-го ноября былъ принятъ, какъ и говоритъ Пушкинъ. Любопытно только, что Дантесъ называетъ этотъ вызовъ «безпричиннымъ». Изъ письма Пушкина ясно, что вызовъ былъ мотивированъ. Трудно рѣшить, говорилъ это Дантесъ для того, чтобы устранить Н. Н. Пушкину и Россета отъ суда и слѣдствія, а кстати и воспользоваться выгодами такого показанія въ свою пользу (см. ниже), или же и дѣйствительно самъ Россетъ счелъ излишнимъ сообщать мотивировку вызова, который передавалъ. Возможно, впрочемъ, и то, что Россету Пушкинъ поручилъ передать Дантесу именно то самое, что̀ написалъ Бенкендорфу,—что не можетъ допустить, чтобы имя его жены связывалось въ свѣтскихъ толкахъ съ именемъ Дантеса; а уже черезъ Геккерена, пріѣхавшаго для объясненій, сдѣлалъ форменный вызовъ.

Въ итогѣ мы можемъ вывести, что Пушкинъ дѣйствительно нашелъ въ анонимныхъ письмахъ и вызванныхъ ими толкахъ только предлогъ для того, чтобы проучить Дантеса, и съ этою цѣлью послалъ ему вызовъ. Послѣдствія превзошли его ожиданія: Дантесъ струсилъ поединка самымъ постыднымъ образомъ и прибѣгнулъ къ послѣд-

[1]) «Разсказы А. О. Россета» въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., I, 247.

нему средству, которое ему оставалось, — сдѣлалъ предложеніе Е. Н. Гончаровой. Согласно воспоминаніямъ Данзаса, «вызовъ Пушкина сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому и князю Вяземскому, которые старались потушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ между прочимъ объявилъ Жуковскому, что, если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлью,—имѣя намѣреніе просить руки Е. Н. Гончаровой. Отправляясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи. Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, Дантесъ на другой же или въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе»[1]). Изъ этого разсказа, повидимому, можно понять съ большою вѣроятностью истинный ходъ дѣла. Вызовъ Пушкина явился для Дантеса полною неожиданностью. Не зная, какъ вывернуться, онъ обратился чрезъ посредство и въ лицѣ Гекерена къ друзьямъ Пушкина, видимо, желая уладить дѣло и приплетая Е. Н. Гончарову, страсть которой къ Дантесу была, вѣроятно, всѣмъ извѣстна. Интересно было бы выяснить, какъ именно сдѣлано было самое предложеніе. Вѣдь мало было переговорить съ Е. Н. Гончаровою: необходимо было еще получить согласіе ея родныхъ, которымъ Дантесъ былъ неизвѣстенъ. А все это требовало времени при тогдашнихъ путяхъ сообщенія. По ходячимъ разсказамъ, Дантесъ просилъ согласія у Пушкина и его жены; но это очевидная нелѣпость, которую давно пора сдать въ архивъ. Едва ли встрѣтитъ возраженія напрашивающаяся мысль, что Дантесъ и просилъ отсрочки дуэли съ намѣреніемъ выгадать время для полученіи благопріятнаго отвѣта со стороны родныхъ своей невѣсты.

Но еще любопытнѣе вотъ какая подробность: Е. Н. Гончарова жила у Пушкина въ домѣ и, стало быть, ни для его жены, ни для него самого предложеніе, кому бы оно ни было сдѣлано, не могло быть тайною ни одной минуты: между тѣмъ онъ упорно пишетъ и повторяетъ, что только по чужимъ разговорамъ узналъ объ этомъ событіи. Загадочность этихъ обстоятельствъ объясняется намъ, благодаря опять таки графу Соллогубу. «У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына», пишетъ онъ. «Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ скороговоркою:—«Стуцайте

[1]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 10—11.

завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Е. Н. Гончарова (Н. Н. Пушкиной на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ нею любезничалъ Дантесъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Е. Н. говорить съ Дантесомъ (?) и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что̀ онъ за человѣкъ.—«Я человѣкъ честный», отвѣчалъ онъ, «и надѣюсь это скоро доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ, что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ, но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. На другой день я поѣхалъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ съ замирающимъ сердцемъ отправился къ д'Аршіаку» [1]). Д'Аршіакъ заявилъ графу Соллогубу, что имъ необходимо ознакомиться съ документами, касающимися дѣла, и показалъ экземпляръ ругательнаго диплома Пушкину, вызовъ Пушкина, записку Геккерена съ просьбой объ отсрочкѣ дуэли и собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявляетъ, что беретъ свой вызовъ назадъ на основаніи слуховъ, что Дантесъ женится на Е. Н. Гончаровой. Здѣсь, безспорно, память измѣнила графу Соллогубу. И вызовъ Пушкина, и просьба Геккерена, и первоначальный отказъ отъ поединка были сдѣланы устно; письменно же Пушкинъ свой отказъ подтвердилъ именно при посредствѣ графа Соллогуба (о чемъ дальше); самъ Дантесъ, какъ видно изъ дѣла, заявилъ на судѣ, что первоначальный отказъ Пушкина отъ вызова былъ сдѣланъ словесно чрезъ Геккерена [2]). Стало быть, д'Аршіакъ могъ показать графу Соллогубу только свои собственныя замѣтки объ обстоятельствахъ дѣла. «Я стоялъ, пораженный, какъ будто свалился съ неба», продолжаетъ графъ Соллогубъ. «Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ, и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса».—«Вотъ положеніе

[1]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887, стр. 180—182.
[2]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 42.

дѣла», сказалъ д'Аршіакъ: «вчера кончился двухнедѣльный срокъ и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова, безо всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе». Мое положеніе было самое непріятное. Я только теперь узналъ сущность дѣла, мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, чего я и требовать, и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ я написалъ по французски къ Пушкину слѣдующую записку: «Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября, въ 8 часовъ утра, на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ, какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукою, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр. Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавою сценою. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ:—«Я согласенъ. Пошлите».—«Наконецъ отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».—«Этого достаточно», сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами:—«Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видѣться, какъ братья». Поздравивъ со своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мною. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ

нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.—«Съ моей стороны», продолжалъ я, «я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться со своимъ зятемъ, какъ со знакомымъ».—«Напрасно», воскликнулъ запальчиво Пушкинъ: «никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ». Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.—«Впрочемъ», добавилъ онъ, «я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ».—«Больше мнѣ и не нужно», подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.—«У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ: того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка,—у меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее».—«А вы проиграйте мнѣ всѣ ваши сочиненія».—«Хорошо».—Онъ былъ въ то время какъ-то желчно веселъ.—«Послушайте», сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, «вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ заперъ дверь и сказалъ:—«Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерену. Съ сыномъ уже покончено,—вы мнѣ теперь старичка подавайте». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день князя Одоевскаго), то поѣхалъ къ князю Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ и письмо послано не будетъ. Пушкинъ, точно, не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай» [1]).

Вотъ этотъ разсказъ и кажется на первый взглядъ несогласуемымъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что предложеніе Дантеса должно было немедленно стать извѣстно Пушкину отъ свояченицы. Но кажущееся затрудненіе устраняется, если вспомнить слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену, что онъ заставилъ играть Дантеса шутов-

[1]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887 г., стр. 182—186. Наши выписки сдѣланы съ незначительными пропусками лишнихъ отступленій.

скую и жалкую роль, подлость и плоскость которой вызвала и смѣхъ, и презрѣніе въ женѣ поэта. Очевидно, дѣйствія Пушкина были расчитаны: его цѣлью было не только проучить Дантеса, но, на всякій случай (онъ, вѣдь, былъ «не чуждъ безпокойства»), и доканать его нравственно въ глазахъ своей жены. Конечно, когда страстный ухаживатель, расточавшій увѣренія и признанія, вдругъ сдѣлалъ предложеніе ея сестрѣ (результатъ, который не могъ быть предвидѣнъ и Пушкинымъ), то она не могла не удивиться такому повороту; еще болѣе, должно быть, удивился, а потомъ и посмѣялся самъ Пушкинъ (вспомните слова графа Соллогуба о его какой-то желчной веселости). Но этого было мало: понявъ, что Дантесъ струсилъ, Пушкинъ, вѣроятно, рѣшилъ не давать ему потачки и, не отмѣняя вызова, выжидать дальнѣйшихъ низостей; а для этого ему надо было игнорировать предложеніе, дѣлать видъ, что онъ о немъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ. Такъ онъ и поступилъ. Есть основанія думать, что его тактика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: это подтверждаетъ именно разсказъ графа Соллогуба. По этому разсказу, Пушкинъ послалъ Соллогуба условиться о самой кровавой дуэли уже послѣ того, какъ взялъ свой вызовъ обратно (хотя и не собственноручною запиской, а устно): очевидно, это было имъ сдѣлано въ такой оскорбительной формѣ, что Дантесъ вынужденъ былъ настаивать на дуэли; а Пушкину того только и хотѣлось, ибо онъ видѣлъ, что дѣло все равно кончится не дуэлью, но полнымъ посрамленіемъ струсившаго проходимца. Въ дѣлѣ о дуэли есть даже матеріалъ для догадокъ о томъ, какъ происходили событія. Разсказавъ о сдѣланномъ ему вызовѣ, Дантесъ показалъ: «Спустя же нѣкоторое время, камергеръ Пушкинъ безо всякаго со мной объясненія словесно просилъ нидерландскаго посланника барона де-Гекерена передать мнѣ, что вызовъ свой онъ уничтожаетъ, на что̀ я не могъ согласиться потому, что, принявъ безпричинный вызовъ его на дуэль, полагалъ, что честь моя не позволяетъ мнѣ отозваться (отказаться?) отъ даннаго ему мною слова. Тогда камергеръ Пушкинъ, по требованію моему, назначенному съ моей стороны секунданту, находящемуся при французскомъ посольствѣ графу д'Аршіаку, далъ письмо, въ коемъ объяснялъ, что онъ ошибся въ поведеніи моемъ и что онъ—болѣе еще—находитъ оное благороднымъ и вовсе не оскорбительнымъ для его чести, что̀ соглашался повторить и словесно. Съ того дня я не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ учтивостей». Неточность и прямая лживость этого сообщенія бросаются въ глаза. Дантесъ видимо былъ увѣренъ, что подлинное письмо Пушкина, его уличающее, не попадетъ въ руки судей. Но главная неточность въ томъ, что иниціатива отказа отъ вызова приписывается здѣсь Пушкину. Если бы самъ Пушкинъ пожелалъ отказаться, то онъ сдѣлалъ бы это черезъ своего секунданта; между тѣмъ самъ Дантесъ говоритъ, что отказъ былъ сдѣ-

ланъ черезъ Гекерена; о томъ же косвенно свидѣтельствуетъ и Соллогубъ. А изъ этого мы имѣемъ полное право заключить, что самъ Дантесъ черезъ посредство Гекерена сдѣлалъ первый шагъ къ отмѣнѣ дуэли, увѣдомивъ Пушкина о предстоящемъ свойствѣ между ними. Тотъ, вѣроятно, и отвѣтилъ ему, что беретъ свой вызовъ назадъ условно,—то-есть только послѣ свадьбы. Конечно, на это Дантесъ не могъ согласиться, и Пушкинъ, узнавъ о томъ, воспользовался для своей цѣли «вертопрахомъ» Соллогубомъ: вѣроятно, ему хотѣлось получить для предъявленія своей женѣ формальныя доказательства того, что предложеніе было сдѣлано изъ трусости передъ дуэлью, такъ какъ, не получивъ ихъ, не могъ же онъ сообщить женѣ о своемъ предстоящемъ поединкѣ, ибо это значило бы разстроить послѣдній. Его расчетъ оказался вѣренъ. Воспользовавшись перемѣною секунданта, д'Аршіакъ постарался черезъ Соллогуба все-таки замять дѣло, а съ запискою Соллогуба въ рукахъ Пушкинъ болѣе въ дуэли уже не нуждался и потому охотно подарилъ душевное спокойствіе своему уничтоженному противнику, согласившись на просьбу секундантовъ, и написалъ приводимый Соллогубомъ на память отвѣтъ. Въ приведенномъ выше разсказѣ А. О. Россета, по всей видимости, и описывается, съ маленькими неточностями, эпизодъ полученія Пушкинымъ извѣщенія отъ Соллогуба и д'Аршіака. Послѣ ихъ визита Пушкинъ, конечно, могъ поздравить свояченицу,—т.-е. прекратить игнорированіе предстоящей свадьбы. По крайней мѣрѣ, и Россетъ (свидѣтель заочный, стало быть, неточный) и Соллогубъ сходятся на томъ, что дѣло о дуэли окончательно рѣшилось на дому у Пушкина во время обѣда. Вотъ, очевидно, смыслъ его словъ о «шутовской и жалкой роли», которую онъ «заставилъ сыграть» Дантеса. Нельзя не признать въ его образѣ дѣйствій удивительной свѣтской находчивости, соединившейся съ геніальнымъ пониманіемъ характеровъ людей, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло.

Предшествующія страницы даютъ новое освѣщеніе давно извѣстнымъ событіямъ въ значительной степени на основаніи воспоминаній графа Соллогуба, источника, какъ уже отмѣчено, не всегда и не во всемъ достовѣрнаго. Однако въ данномъ случаѣ, сдѣлавъ необходимыя поправки, мы смѣло можемъ на нихъ положиться, такъ какъ изданное П. М. фонъ-Кауфманомъ дѣло даетъ имъ блистательное документальное подтвержденіе. Мы имѣемъ въ виду находящееся въ немъ неизданное и неизвѣстное доселѣ письмо Пушкина [1]). Вотъ это письмо:

«Je n'hésite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué m-r G. Heckern en duel et il l'a accepté sans entrer

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 50—51.

en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que M-r Georges Heckern était décidé à déclarer ses projets de mariage avec M-lle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considérations indignes d'un homme de coeur.

«Je vous prie, Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

«Agréez l'assurance de ma parfaite considération.

«A. Pouchkin».

17 novembre 1836.

Переводъ.

«Я не затрудняюсь написать то, что̀ могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Гекерена на дуэль и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они соблаговолили смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу, что г. Жоржъ Гекеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жею Гончаровою послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка.

«Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ.

«Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

«А. Пушкинъ».

17 ноября 1836 г.

Съ перваго взгляда очевидно, что это—то самое письмо, которое было послано Пушкинымъ графу Соллогубу на квартиру Дантеса. Полное сходство содержанія и выраженій не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Правда, въ дѣлѣ оно помѣчено адресованнымъ къ д'Аршіаку; но это несомнѣнно было сдѣлано для того, чтобы устранить отъ суда графа Соллогуба: Дантесъ только въ этихъ видахъ и могъ дать очевидно невѣрное показаніе на судѣ (находящееся въ дѣлѣ подъ пунктомъ шестымъ), будто объ обстоятельствахъ несостоявшейся его дуэли никто, кромѣ Гекерена и д'Аршіака, не зналъ, умалчивая о Россетѣ и Соллогубѣ[1]). Обращеніе «графъ» (а не «виконтъ») въ письмѣ прямо указываетъ на Соллогуба, а не на д'Аршіака, а равнымъ образомъ и болѣе фамиліарная редакція (безъ вступительнаго обращенія, какъ въ письмѣ къ д'Аршіаку). Замѣчу, кстати, что не въ видахъ ли этого обраще-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 43.

нія называлъ Дантесъ въ своихъ показаніяхъ виконта д'Аршіака «графомъ» [1]) — ошибка, безъ этого условія трудно объяснимая въ устахъ француза. Что̀ касается даты письма 17 ноября, то она, дѣйствительно, не совсѣмъ согласна съ разсказомъ, ибо показываетъ, что письмо писано на 12-й или на 13-й день послѣ вызова, тогда какъ графъ Соллогубъ даетъ понять, что оно было получено на 15-й день, а именно — на слѣдующій день по истеченіи двухнедѣльной отсрочки. Но это такая ничтожная разница, что скорѣе можно удивиться незначительности ошибки, чѣмъ самой ошибкѣ. Словомъ, разсказъ графа Соллогуба долженъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ. Замѣтимъ, что его подтверждаютъ и всѣ другія данныя. Такъ, въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу, разсказавъ объ отсрочкѣ, Пушкинъ продолжаетъ: «Оказывается, что въ предоставленный промежутокъ времени г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу г-жу Гончарову и попросилъ ея руки. Освѣдомясь о томъ по общественнымъ толкамъ, я поручилъ передать (поручилъ передать, а не передалъ: очевидный намекъ на посредничество Соллогуба) г. д'Аршіаку (секунданту г-на Дантеса), что на мой вызовъ должно смотрѣть, какъ на не бывшій» (VII, 415). Несомнѣнно, здѣсь рѣчь идетъ о второмъ, окончательномъ отказѣ отъ вызова, который единственно и могъ считаться, ибо первый (переданный не д'Аршіаку, а Дантесу черезъ Гекерена) не былъ принятъ, а потому и не упоминается вовсе.

Такъ кончился первый эпизодъ столкновенія. Съ неподражаемымъ искусствомъ Пушкинъ сумѣлъ засадить своихъ противниковъ въ ту яму, которую они ему копали. Его самодовольство по этому поводу сказалось даже въ черновомъ наброскѣ письма къ Гекерену: «Если дипломатія есть не что̀ иное, какъ искусство знать, что̀ дѣлается у другихъ, и издѣваться надъ ихъ замыслами, то изъ справедливости ко мнѣ вамъ приходится признать, что вы были побѣждены на всѣхъ пунктахъ» [2]). Но, къ сожалѣнію, намъ приходится повторить и другое мѣсто этого наброска: «Вы видите, что я распространяюсь; но погодите, это не все: вѣдь я же говорилъ вамъ, что дѣло усложняется. Вернемся къ анонимнымъ письмамъ. Вы, конечно, догадываетесь, что они васъ интересуютъ».

Къ сожалѣнію, въ вопросѣ объ анонимныхъ письмахъ все дѣло гораздо темнѣй и немногія указанія и намеки, до насъ дошедшіе, совершенно недостаточны для его разъясненія. Основная сущность его, правда, намъ извѣстна: Пушкинъ пришелъ къ убѣжденію, что анонимный пасквиль былъ составленъ и разосланъ Гекереномъ,

---

[1]) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ. Спб. 1900. Стр. 43 (дважды) и 75. Въ первомъ показаніи онъ вѣрно называлъ его виконтомъ: стр. 27.

[2]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 519—520.

и на этомъ основаніи набросалъ первоначально свое письмо къ Гекерену, которое было позже послано въ существенно измѣненной редакціи. Нѣкоторые смутные слѣды того, какъ составилось у Пушкина это убѣжденіе, случайно уцѣлѣли въ клочкахъ чернового письма къ Гекерену, не отправленнаго письма къ Бенкендорфу и воспоминаніяхъ современниковъ. Но черновикъ даетъ лишь отрывки, и притомъ только начало; самое же главное въ письмѣ утрачено безвозвратно. «2-го ноября», писалъ Пушкинъ, «вы получили отъ г. вашего сына извѣстіе (nouvelle, судя по кончикамъ буквъ), которое доставило вамъ большое удовольствіе. Онъ вамъ сказалъ... вслѣдствіе одного разговора... что моя жена... анонимное письмо... что у ней оттого голова шла кругомъ... нанести рѣшительный ударъ... Вами было сочинено анонимное письмо и... я получилъ три экземпляра... (не считая ?) тѣхъ, которые были розданы. Это письмо было состряпано такъ неосторожно, что по первому взгляду я напалъ на слѣдъ автора. Я болѣе не тревожился, я былъ увѣренъ, что найду моихъ шутниковъ [1]). И на самомъ дѣлѣ, менѣе чѣмъ черезъ три дня розысковъ, я положительно зналъ...» [2]). Вотъ все, что̀ уцѣлѣло.

Первые клочки были бы понятны, если бы можно было думать, что дипломъ на званіе исторіографа ордена рогоносцевъ былъ не первымъ анонимнымъ письмомъ, которое Пушкинъ получилъ. И вотъ записки Смирновой положительно удостовѣряютъ намъ такой фактъ, хотя и тутъ мы имѣемъ дѣло съ отрывкомъ, въ которомъ главное неясно. Въ немъ говорится о какихъ-то «русскихъ письмахъ», предшествовавшихъ пасквилю. Но что̀ это были за письма, такъ и остается неизвѣстнымъ. Притомъ и текстъ самой замѣтки до крайности безсвязенъ. «Наступило нѣкоторое спокойствіе послѣ свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса», пишетъ Смирнова, «и это спокойствіе обмануло отчасти ожиданія литературной клики: Греча, Сенковскаго, Булгарина. К. Булгаковъ убѣжденъ, что русскія письма были написаны какими-то третьеразрядными писаками, которыхъ Соболевскій называетъ гостинодворскими музами. Пушкинъ получалъ подобныя и раньше и, когда Соболевскій уѣзжалъ, онъ показалъ ему одно изъ нихъ, въ которомъ онъ узналъ милые когти Фиглярина. Но французскія письма иного происхожденія: они, вѣроятно, изъ тѣхъ болотъ, въ которыхъ наслаждался Хромоногій (кн. Долгоруковъ), и вдохновлены отчасти его ненавистью за про-

---

[1]) Чрезвычайно знаменательное множественное число, тѣмъ болѣе, что въ началѣ было написано «моего шутника». Если тутъ позволительны догадки, то мы имѣемъ всѣ данныя думать, что самъ Пушкинъ считалъ Гекерена не единственнымъ, хотя во всякомъ случаѣ главнымъ, участникомъ составленія и разсылки пасквиля.

[2]) Это сводный текстъ изъ двухъ набросковъ, которые см. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 517 и 519.

звище, данное ему Пушкинымъ» [1]). Благодаря этому отрывку, мы можетъ угадать, о чемъ шла рѣчь въ черновомъ письмѣ Пушкина: онъ, очевидно, узналъ, что 1-го или 2-го ноября Дантесъ имѣлъ случай услыхать о полученіи Пушкинымъ или его женой анонимныхъ писемъ и безпокойствѣ, которое по этому поводу испытывала послѣдняя. Сближая это извѣстіе съ тѣмъ, что французскій пасквиль былъ разосланъ 4-го, Пушкинъ могъ естественно заподозрѣть его происхожденіе отъ Гекерена и Дантеса.

Дальнѣйшій ходъ его розысковъ отпечатлѣлся въ письмѣ къ графу Бенкендорфу: «По виду бумаги, по слогу письма, по пріемамъ, съ которыми оно было составлено, я съ первой же минуты призналъ, что оно было отъ иностранца, отъ человѣка высшаго общества, отъ дипломата» (VII, 415). Вотъ, стало быть, три признака: бумага, слогъ и редакція письма. Нѣкоторыя постороннія данныя поясняютъ намъ истинный смыслъ этихъ неопредѣленныхъ словъ. Именно, по разсказу Матюшкина, записанному Я. К. Гротомъ, «въ ноябрѣ 1836 г. Пушкинъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ былъ у Яковлева въ день его рожденія; еще тутъ былъ князь Эристовъ, воспитанникъ второго курса, и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большомъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо и говоритъ: «Посмотрите, какую мерзость я получилъ». Яковлевъ (директоръ типографіи II-го отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи) тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому нибудь посольству. Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что это бумага голландскаго посольства» [2]). Если откинуть подробности разсказа, слишкомъ мелочныя, чтобы быть достовѣрными, то нельзя отрицать его величайшаго правдоподобія: мысль о томъ, что бумага пасквиля—иностранная, весьма легко могла быть подсказана Пушкину Яковлевымъ, какъ спеціалистомъ по печатному дѣлу. Если же это была голландская или ватманская бумага, то подозрѣнія поэта должны были еще болѣе усилиться, въ особенности въ виду того, что было весьма вѣроятно ея происхожденіе изъ какого нибудь посольства, такъ какъ въ этомъ случаѣ она была свободна отъ таможеннаго обложенія, а уплата чрезвычайно высокой пошлины сдѣлала бы цѣну бумаги непомѣрно высокой. Правда, впослѣдствіи іезуитъ князь Гагаринъ признался, что пасквиль былъ писанъ на его бумагѣ [3]); но Пушкинъ, привыкшій къ враждеб-

[1]) Записки А. О. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 18.

[2]) Я. К. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». 2 изд. Спб. 1899. Стр. 282. См. дополненіе ниже, въ концѣ настоящей брошюры, стр. 97.

[3]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 9.

нымъ продѣлкамъ Гекерена, вездѣ склоненъ былъ узнавать его руку.

Другими примѣтами для Пушкина послужили слогъ и редакція, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, что пасквиль былъ отъ человѣка высшаго круга, дипломата. Эта догадка имѣетъ косвенныя поясненія въ воспоминаніяхъ графа Соллогуба, относящихся, какъ онъ говоритъ, къ началу декабря 1836 года. «Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, осталось тогда еще тайной непроницаемой» [1]). Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ А. О. Смирнова: «Медемъ отправился въ Вѣну», пишетъ она, «и написалъ Николаю (Н. М. Смирнову), что, вѣроятно, знаменитый напечатанный циркуляръ былъ сдѣланъ въ Вѣнѣ. Фикельмонъ послалъ ему экземпляръ, и кажется, что печатала ихъ вѣнская типографія. Вѣрная Элиза (Е. М. Хитрово) волнуется, отыскивая автора этой гадости, и была поражена тѣмъ, что программа одного вѣнскаго концерта имѣетъ тотъ же типъ. Тамъ есть даже ошибки, которыхъ въ Парижѣ не сдѣлали бы, и, кромѣ, того это типъ, уже вышедшій изъ моды во Франціи. Элиза (Е. М. Хитрово) хочетъ, чтобы Медемъ разузналъ, кому въ Петербургъ типографъ отослалъ циркуляры, но это невозможно, такъ какъ это могло сдѣлать посольство, у котораго есть курьеры, и типографъ могъ не знать, для кого это было. Баронъ Гекеренъ принималъ курьеровъ и могъ быть отправителемъ безъ посредства почты. Русская полиція ничего не нашла, но почта получала пакеты; другіе были переданы швейцарамъ неизвѣстными личностями» [2]).

Во всякомъ случаѣ очевидно, что Пушкинъ ничего не зналъ о происхожденіи изъ Вѣны присланнаго ему пасквиля и заподозрѣлъ въ его составленіи Гекерена. Однако этихъ подозрѣній было для него слишкомъ мало. Онъ желалъ достовѣрности и всячески ея добивался. Быть можетъ, приведенный выше разсказъ князя Трубецкого о разговорѣ съ Пушкинымъ о рогахъ въ охотничьей комнатѣ на балу и сохранилъ намъ одинъ изъ эпизодовъ этого разыскиванія достаточныхъ уликъ и достовѣрности. За отсутствіемъ матеріаловъ, мы не знаемъ въ точности,

---

[1]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1887. Стр. 186—187.
[2]) Записки А. С. Смирновой. Часть II. Спб. 1897. Стр. 22.

какъ онъ ея добился; но, безъ сомнѣнія, въ концѣ концовъ онъ непоколебимо убѣдился, что Гекеренъ причастенъ къ сочиненію пасквиля, и убѣжденіе это окончательно образовалось въ немъ въ послѣднюю минуту передъ тѣмъ, или сразу же послѣ того, какъ онъ взялъ обратно свой вызовъ. Именно, черновые наброски письма къ Гекерену содержатъ совсѣмъ другое заключеніе, чѣмъ окончательная редакція. Если составить сводный текстъ изъ нихъ, то получится слѣдующее: «Теперь я пришелъ къ цѣли моего письма. Быть можетъ, вы желаете знать, что помѣшало мнѣ до сихъ поръ опозорить васъ въ глазахъ нашего двора и вашего. Я . . . съ сказать это вамъ. Я добръ, простодушенъ, . . . но мое сердце чувствительно . . . Дуэли мнѣ болѣе не достаточно . . . и, каковъ бы ни былъ ея исходъ . . . . достаточно отомщеннымъ ни . . . . г. вашего сына, ни . . . видъ доброй . . . (что меня затрудняетъ очень мало), ни . . . письмомъ, которое я имѣю честь вамъ писать и котораго копію я временно сохраняю на случай. Я хочу, чтобы вы сами потрудились . . . основанія, которыхъ было бы достаточно, чтобы побудить меня не наплевать вамъ въ лицо . . . изгладить даже слѣдъ этого подлаго дѣла, изъ котораго мнѣ легко будетъ составить превосходную главу въ моей исторіи рогоносцевъ» [1]). Изъ этихъ отрывковъ можно догадаться, что первоначально письмо, хотя и будучи ультиматумомъ по формѣ, въ существѣ дѣла было только ловушкою, посредствомъ которой Пушкинъ думалъ добиться достовѣрности: по крайней мѣрѣ, въ немъ нигдѣ не формулировано прямыми словами то обвиненіе, которое высказано только намеками. Эта догадка подтверждается и тѣмъ, что Пушкинъ своего письма не послалъ, а между тѣмъ почти одновременно изготовилъ другое, также не отправленное, письмо графу Бенкендорфу, гдѣ уже безо всякихъ околичностей заявляетъ, что пасквиль происходилъ отъ Гекерена, прибавляя, къ тому же, что удостовѣрился въ этомъ въ то время, какъ отказался отъ вызова, сдѣланнаго Дантесу,—а изъ набросковъ ясно, что они писаны еще до этого отказа (онъ въ нихъ говоритъ о дуэли и оговаривается «каковъ бы ни былъ ея исходъ»: это могло быть писано только до взятія имъ обратно сдѣланнаго вызова, т.-е. до 17-го ноября). Правда, въ высшей степени странно, что Пушкинъ отказывается предъявлять доказательства своего обвиненія. Не сомнѣвался ли онъ въ глубинѣ души въ ихъ объективной убѣдительности? Трудно допустить, чтобы это было такъ. Рыцарскій характеръ Пушкина несовмѣстимъ съ навѣтами на врага, въ основательности которыхъ онъ могъ бы сомнѣваться. Притомъ убѣжденіе въ виновности Гекерена сохранилось въ немъ до послѣдней минуты, какъ видно изъ приведеннаго выше

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 517 и 519.

показанія Данзаса на судѣ о его объясненіяхъ у д'Аршіака передъ дуэлью (выше, стр. 43).

Существуетъ, правда, еще одно затрудненіе: почему же Пушкинъ и въ бѣловомъ, окончательномъ письмѣ своемъ не высказывалъ въ лицо Гекерену того обвиненія, которое, какъ видно изъ письма къ Бенкендорфу, считалъ самымъ главнымъ, а между тѣмъ подробно перечислялъ тѣ продѣлки, о которыхъ умалчивалъ въ офиціальномъ заявленіи? Почему онъ только вскользь упомянулъ въ началѣ этого письма объ анонимныхъ письмахъ, точно и не думая обвинять Гекерена въ ихъ составленіи? Кажется, что и эта трудность можетъ быть предположительно разрѣшена съ большою достовѣрностью. Вѣроятно, улики противъ Гекерена составляли «камень за пазухою», который Пушкинъ приберегалъ на всякій случай, не показывая его до поры до времени. Тогда намъ становится вполнѣ понятно многое въ его поведеніи. Напримѣръ, въ этомъ же самомъ письмѣ, не обвиняя Гекерена, онъ, однако, угрожаетъ ему новымъ скандаломъ, обѣщая опозорить его въ глазахъ русскаго и голландскаго двора; а мы знаемъ, что этого опозоренія онъ думалъ достигнуть именно разоблаченіемъ авторства Гекерена въ пасквилѣ. Каковы же были эти улики? Вотъ тайна, которая умерла съ Пушкинымъ. Поскольку намъ извѣстно дѣло, нельзя исключить мысль, что улики были только мнимыя, такъ какъ наши матеріалы раскрываютъ намъ прямую ошибочность многихъ догадокъ Пушкина. Бумага пасквиля принадлежала не иностранцу и не дипломату, а слогъ и редакція не могли служить уликою потому, что, какъ видимъ, пасквиль былъ простою копіею съ вѣнскаго образца. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ возможности, какъ признать виновность Гекерена доказанною, такъ и утверждать что Пушкинъ ошибался и что въ дѣлѣ съ пасквилемъ Гекеренъ не былъ замѣшанъ.

Остается еще сдѣлать лишь послѣднее замѣчаніе, касающееся одного изъ важнѣйшихъ документовъ первой несостоявшейся дуэли,— именно, письма къ гр. Бенкендорфу. По поводу этого письма князь Вяземскій на вопросъ г. Бартенева, почему Пушкинъ посвящалъ гр. Бенкендорфа въ свои семейныя дѣла, сообщилъ, что послѣ несостоявшейся дуэли императоръ Николай Павловичъ, встрѣтивъ Пушкина, сказалъ: «Я очень радъ, что дѣло съ Дантесомъ кончилось счастливо. Но я беру съ тебя слово, что, если когда нибудь ты будешь находиться въ подобномъ же положеніи, ты все скажешь мнѣ прежде, чѣмъ на что нибудь рѣшишься». Пушкинъ далъ слово. Такъ какъ сношенія съ императоромъ велись черезъ графа Бенкендорфа, то Пушкинъ и написалъ ему это письмо, но не послалъ его: письмо нашли у него въ карманѣ сюртука послѣ дуэли. Мы не будемъ сомнѣваться въ точности пересказа г. Бартенева,

хотя разсказъ князя Вяземскаго и нуждается въ поправкахъ; но невозможно сомнѣваться и въ томъ, что къ данному письму онъ не имѣетъ никакого ровно отношенія, хотя кое-кто изъ клеветниковъ Пушкина и воспользовался ихъ сопоставленіемъ для подлѣйшихъ инсинуацій. Именно, подлинное письмо помѣчено 21-мъ ноября 1836 года, т.-е. писано болѣе, чѣмъ за два мѣсяца до дуэли; а, стало быть, Пушкинъ никакъ не могъ сообщать въ немъ о «своемъ новомъ столкновеніи», которое тогда еще и не произошло. Да и на самомъ дѣлѣ въ письмѣ говорится вовсе не о «новомъ столкновеніи», а о старомъ, о первой, несостоявшейся дуэли, и говорится съ очевидною цѣлью ошельмовать Гекерена и Дантеса въ глазахъ «правительства и общества» обвиненіемъ въ анонимномъ пасквилѣ. Слѣдовательно, если Пушкинъ въ немъ и «посвящалъ графа Бенкендорфа въ свои семейныя дѣла», то вовсе не какъ посредника между нимъ и государемъ, а просто какъ шефа жандармовъ, т.-е. главу высшей полицейской власти. Такимъ образомъ, объясненіе князя Вяземскаго болѣе чѣмъ несостоятельно и можно только подивиться, какъ это раньше никому не бросилось въ глаза. Во всякомъ случаѣ толкованіе письма, данное нами выше, не можетъ быть подорвано съ этой стороны.

*

IV.

Оглядываясь на изложенныя событія, мы видимъ, что мстительная затѣя Гекерена совершенно не удалась и закончилась полнымъ торжествомъ Пушкина, который, притомъ, имѣлъ случай вполнѣ удостовѣриться въ презрѣнной трусости своихъ обоихъ противниковъ. Пугнувъ ихъ дуэлью и скандаломъ, онъ убѣдился, что того и другого эти господа боятся, какъ огня, и готовы на какія угодно сдѣлки, лишь бы избѣжать крайности. Въ то же время, однако, онъ имѣлъ достаточно данныхъ думать, что они не остановятся ни передъ какою дальнѣйшею гнусностью при возможности ему отомстить и насолить и что слѣдовательно ему и послѣ побѣды столь же необходимъ «камень за пазухою», какъ и до нея. Острастка всегда была въ его волѣ, но онъ долженъ былъ постоянно быть на чеку, чтобы не попасться въ новую ловушку. Добивать униженныхъ противниковъ было не въ его духѣ; но и входить съ ними въ какія бы то ни было сношенія должны были ему мѣшать и естественное презрѣніе къ нимъ, и столь же естественное житейское благоразуміе. Потому онъ удовлетворился достигнутыми результатами, но потребовалъ, подъ угрозою дальнѣйшихъ скандаловъ, чтобы никакихъ сношеній не существовало между его семьей и домомъ Гекерена. Однако эта полумѣра, какъ и всякій компромиссъ, только осложняла дѣло и запутывала отношенія. Оказываясь въ свойствѣ съ Гекеренами и не желая имѣть съ ними никакихъ сношеній, Пушкинъ и ихъ, и себя ставилъ въ совершенно ложное положеніе, ибо встрѣчи у родныхъ и множества общихъ знакомыхъ были неизбѣжны и новое столкновеніе лишь отсрочивалось, но не устранялось. Правда, Пушкинъ думалъ объ отъѣздѣ въ деревню и дѣйствительно этотъ отъѣздъ, если бы могъ состояться, спасъ бы его: но уѣхать не было въ то время для него никакой возможности; въ свою очередь ни Гекеренъ, ни Дантесъ не могли очистить поле столкновенія даже на время и уѣхать изъ Россіи, или хотя бы удалиться на время въ отпускъ.

Конечно, трагической развязки это никоимъ образомъ не предвѣщало; но скандалъ былъ неизбѣженъ.

Всего этого не могли не понимать и Гекеренъ, и Дантесъ. Они сами оказались въ томъ крайне затруднительномъ положеніи, въ которое мечтали поставить Пушкина. Зная его смѣлый и пылкій характеръ, они постоянно были подъ страхомъ какой нибудь рѣзкой выходки съ его стороны, а это имъ было всего невыносимѣе. Съ другой стороны и въ глазахъ свѣта ихъ положеніе выглядѣло крайне незавиднымъ, такъ какъ щепетильность въ дѣлахъ чести была крайне утонченна по нравамъ того времени и каждый выѣздъ въ свѣтъ грозилъ Дантесу необходимостью сдѣлать вызовъ Пушкину, ибо сносить публично его пренебреженіе возможно было лишь до извѣстныхъ предѣловъ, которыми пылкій поэтъ привыкъ вовсе не стѣсняться. Приходилось добиться хоть какого нибудь modus vivendi, такъ или иначе умилостивить Пушкина, жертвуя даже для этого негласно всякимъ достоинствомъ, лишь бы сохранить показную благопристойность въ глазахъ постороннихъ. Нужно было достигнуть хоть внѣшняго возобновленія сношеній, хоть обмѣновъ поклонами и нѣсколькими словами при встрѣчѣ. И добиться этого внѣшняго примиренія становится цѣлью Гекерена и Дантеса. Они въ ея достиженіи доходятъ до назойливости и проглатываютъ самыя жестокія оскорбленія. Издавна принято считать этотъ ихъ образъ дѣйствій продолженіемъ интриги, адскими кознями, уловкою, чтобы безнаказанно «мучить и оскорблять» поэта. Мнѣ кажется, что все это однѣ фантазіи, столь же невѣроятныя, какъ и мнимая ненависть и вражда Пушкина къ Гекерену и Дантесу. Никакихъ слѣдовъ этой вражды и ненависти невозможно допытаться даже при самомъ тщательномъ наученіи фактовъ и документовъ, если не говорить о минутныхъ вспышкахъ гнѣва при отдѣльныхъ столкновеніяхъ. Пушкинъ глубоко презиралъ обоихъ, а въ то же время и остерегался ихъ. Ему органически была непонятна способность къ униженіямъ ради спасенія внѣшнихъ приличій, и чѣмъ настойчивѣе становились Гекеренъ и Дантесъ въ своихъ заискиваніяхъ, тѣмъ подозрительнѣе должно было ему казаться ихъ поведеніе. Тѣ же въ свою очередь съ наивностью своего цинизма, вѣроятно, просто не могли понять упорства Пушкина и шли все на большія униженія, думая тѣмъ его задобрить и удовлетворить, а на самомъ дѣлѣ все усиливая въ немъ гадливость и подозрительность. Чѣмъ старательнѣй они добивались сглаженія отношеній, устраненія скандала, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Пушкинъ и тѣмъ неизбѣжнѣе казался ему скандалъ. Необходимо при этомъ подчеркнуть, что именно противъ Дантеса Пушкинъ не питалъ ни злобы, ни подозрѣній; онъ видимо до конца считалъ его лишь орудіемъ въ рукахъ Гекерена; какъ показано выше, всѣ данныя заставляютъ думать, что въ этомъ онъ

былъ всецѣло правъ въ началѣ; если же ошибался подъ конецъ, то ужъ тутъ нельзя не признать руку судьбы и власть случайности. Гекерена же онъ въ свою очередь не только не преслѣдовалъ, но наоборотъ, остерегался, какъ ядовитой гадины, которая упорно увивается у порога его дома, несмотря на грозящій ей поминутно скандалъ,—а скандалъ, какъ онъ зналъ, былъ Гекерену всего страшнѣе. Вотъ обоюдное недоразумѣніе, трагическій узелъ, которому суждена была кровавая развязка. Его необходимо было выяснить читателямъ, чтобы имѣть возможность воспользоваться односторонними и ошибочно освѣщенными показаніями современниковъ.

«Сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ барономъ Гекереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ», говоритъ Данзасъ, «не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ Дантесомъ, чего онъ даже едва ли и желалъ, но относя негодованіе перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это даетъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощью другихъ, подобно ему, враговъ Пушкина, а иногда и недогадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ Дантесомъ, заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться» [1]). Пушкинъ, со своей стороны, «не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Гекерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено» [2]). Однако это поведеніе не устраняло, какъ уже сказано, постоянныхъ встрѣчъ Пушкиныхъ въ свѣтѣ съ Гекереномъ и Дантесомъ. Правда, напримѣръ, княгиня Вяземская, по разсказу г. Павлищева, «распорядилась не принимать Дантеса, когда у подъѣзда будетъ стоять извѣстная швейцару дома пушкинская карета» [3]); но такія мѣры не могли помочь дѣлу. Притомъ фальшь отношеній все равно сказывалась въ самомъ семейномъ кругу. Такъ, не желая знать Дантеса, Пушкинъ «со свояченицей своей (т.-е. Е. Н. Гончаровой) во все это время былъ милъ и любезенъ попрежнему и

---

[1]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 13—14.

[2]) Письмо князя Вяземскаго къ Булгакову. «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248.

[3]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 79.

даже весело подшучивалъ надъ нею по случаю свадьбы ея съ Дантесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравилъ Е. Н. Гончарову, какъ невѣсту Дантеса; при этомъ Пушкинъ шутя сказалъ Данзасу: «Ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera—russe, française ou hollandaise» (моя свояченица теперь не знаетъ, какой она будетъ націи—русской, французской или голландской) [1]). Не говоримъ ужъ о томъ, что постоянныя неловкости при встрѣчахъ должны были давать неисчерпаемую пищу свѣтскому любопытству и злословію, вообще забавлять общество и вовлекать его во вмѣшательства въ отношенія самаго интимнаго свойства. Наконецъ, если такъ дѣло могло еще идти до свадьбы, то послѣ нея какой нибудь исходъ сталъ положительно необходимъ. Этимъ надо объяснить усилившуюся настойчивость Гекерена и Дантеса. Послѣдній, вѣроятно, въ этихъ видахъ и написалъ Пушкину примирительное письмо, повидимому, передъ самою свадьбою. Пушкинъ, какъ можно думать, оставилъ это посланіе безъ отвѣта [2]). Во всякомъ случаѣ на свадьбу онъ, какъ говорятъ, поѣхалъ [3]), а женѣ своей позволилъ даже поздравить молодыхъ на дому [4]): опять образъ дѣйствій, осложнявшій отношенія. «На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная настоящей цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ заранѣе нѣкоторыми лицами примиреніи его съ Дантесомъ. Примиреніе это, однако же, не состоялось» [5]), даже болѣе того, Дантесъ еще усилилъ неудовольствіе Пушкина, чокнувшись бокаломъ черезъ столъ съ Н. Н. Пушкиною, которая сидѣла противъ него, и отпустивъ нѣсколько неумѣстныхъ каламбуровъ [6]). «Послѣ обѣда баронъ Гекеренъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя. Пушкинъ отвѣчалъ сухо (давая тѣмъ самымъ отвѣтъ и на письмо Дантеса), что, невзирая на родство, не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. Дантесомъ» [7]). «Несмотря на

---

[1]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 12—13.

[2]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 14.

[3]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 76.

[4]) Дантесъ въ своемъ показаніи выразился: «мужъ прислалъ ее ко мнѣ въ домъ на мою свадьбу»: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 75. Ср. В. В. Никольскій «Идеалы Пушкина».4 изд. Спб. 1899, стр. 134 и прим. 2.

[5]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 12.

[6]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 80.

[7]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 12 и 14.

этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину со свадебнымъ визитомъ, но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дантесу; но, встрѣтясь у нея съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ Дантеса, но даже и имени его онъ слышать не хочетъ. Вѣрный принятому имъ намѣренію,—постоянно раздражать Пушкина,—Гекеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было къ Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его. Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина и онъ бросилъ письмо въ лицо Гекерену со словами: «Tu la recevras, grédin!» (Ты его примешь, негодяй!). Послѣ этой исторіи Гекеренъ рѣшительно ополчился противъ Пушкина, и въ петербургскомъ обществѣ образовалось двѣ партіи, одна за Пушкина, другая—за Дантеса и Гекерена. Партіи эти, дѣйствуя враждебно другъ противъ друга, одинаково преслѣдовали поэта, не давая ему покоя» [1]). «Борьба этихъ партій заключалась въ томъ, что въ то время, какъ друзья Пушкина и все общество, бывшее на его сторонѣ, старались всячески опровергать и отклонять отъ него всѣ распускаемые врагами поэта оскорбительные для него слухи, отводить его отъ встрѣчъ съ Гекереномъ и Дантесомъ, противная сторона, наоборотъ, усиливалась ихъ сводить вмѣстѣ, для чего нарочно устраивали балы и вечера, гдѣ жена Пушкина вдругъ неожиданно встрѣчала Дантеса» [2]).

Такъ обострялись постепенно установившіяся между Пушкинымъ и Гекеренами отношенія. Дѣло пришло къ тому, что малѣйшая неосторожность, безтактность, просто случайность наконецъ могла привести къ рѣшительному столкновенію. Будучи постоянно на чеку, постоянно ожидая какой нибудь гадости со стороны вновь оскорбленнаго имъ Гекерена, Пушкинъ, естественно, съ особенною подозрительностью слѣдилъ за поведеніемъ какъ своего врага, такъ и его орудія—Дантеса. Во всемъ онъ склоненъ былъ видѣть злой умыселъ и подвохъ, вездѣ подозрѣвать интригу и подкопъ, а въ поведеніи Дантеса непремѣнно доискиваться гекереновскихъ внушеній. Дантеса онъ считалъ ничтожнымъ до полной безобидности и совершенно невмѣняемымъ; напротивъ, Гекерена представлялъ себѣ даже озлобленнѣй, умнѣй и хитрѣе, чѣмъ тотъ былъ на самомъ дѣлѣ.

---

[1]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 14—15.

[2]) Тамъ же, стр. 16—17.

По крайней мѣрѣ, изъ послѣднихъ событій его жизни несомнѣнно вытекаетъ, что таковъ былъ его взглядъ на дѣло, выработавшійся, конечно, на эпизодѣ съ первою дуэлью и тогда вполнѣ соотвѣтствовавшій дѣйствительности: иначе было бы совершенно необъяснимо, почему онъ привлекалъ Гекерена къ отвѣтственности за поведеніе Дантеса. Послѣдній очевидно самъ не понималъ образа дѣйствій Пушкина и объяснилъ его на судѣ со своей точки зрѣнія такъ, что будто бы письмо Пушкинъ адресовалъ на имя Гекерена «единственно потому», «что считалъ его (то-есть Дантеса) подлецомъ и слишкомъ низкимъ» [1]). На самомъ дѣлѣ изъ письма ясно совершенно другое: Пушкинъ писалъ Гекерену именно потому, что его считалъ гораздо подлѣе. Во всякомъ случаѣ недоумѣніе Дантеса побуждаетъ насъ считать его поведеніе совершенно независимымъ отъ руководства Гекерена и искать ему болѣе простыхъ и невинныхъ объясненій.

Въ чемъ же, въ сущности, состояло это поведеніе? Послушаемъ обвиненія Пушкина: «Я не безпокоюсь, чтобы моя жена продолжала слушать ваши отеческія увѣщанія», писалъ онъ Гекерену: «я не могу дозволить, чтобы г. вашъ сынъ послѣ отвратительнаго поведенія, котораго онъ держался, осмѣливался еще обращаться къ ней съ разговорами, тѣмъ менѣе, чтобы онъ ухаживалъ за ней и отпускалъ казарменные каламбуры, все это разыгрывая преданность и несчастную страсть, тогда какъ онъ не что̀ иное, какъ подлецъ и шелопай» (VII, 417). По поводу этихъ обвиненій Дантесъ на судѣ показалъ: «Что̀ же касается до моего обращенія съ г-жею Пушкиною, не имѣя никакихъ условій для семейныхъ нашихъ отношеній, я думалъ, что былъ въ обязанности кланяться и говорить съ нею при встрѣчѣ въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что мужъ прислалъ ее ко мнѣ въ домъ на мою свадьбу, что̀, по мнѣнію моему, вовсе не означало, что всѣ наши сношенія должны были прекратиться. Къ тому еще присовокупляю, что обращеніе мое съ нею заключалось въ однѣхъ только учтивостяхъ, точно такъ, какъ выше сказано, и не могло дать повода къ усиленію поносительныхъ для чести обоихъ слуховъ и написать 26 генваря письмо къ нидерландскому посланнику» [2]). Показаніе очень категоричное, но не вполнѣ убѣдительное. Дантесъ утверждаетъ, что его поведеніе не давало повода ни къ какимъ оскорбительнымъ для Пушкиныхъ слухамъ; однако онъ не отрицаетъ ни того, что продолжалъ свои ухаживанія, ни того, что отпускалъ неумѣстные каламбуры; между тѣмъ самыя достовѣрныя показанія по обоимъ этимъ пунктамъ вполнѣ подтверждаютъ обвиненія Пушкина. «Женитьба Гекерена (Дантеса) мало что̀ измѣнила въ общемъ ихъ положеніи», писалъ кн. Вяземскій Бул-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 75.
[2]) Тамъ же, стр. 43.

гакову. «Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ, общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилось еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь ужасная и кровавая развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ. Ему стало не въ терпежъ» [1]). Весьма существенную поправку къ этому мнѣнію своего отца даетъ кн. П. П. Вяземскій: «Отецъ мой въ письмахъ своихъ употребляетъ неточное выраженіе, говоря, что Дантесъ афишировалъ страсть: Дантесъ постоянно балагурилъ и изъ этой роли не выходилъ до послѣдняго вечера въ жизни, проведеннаго съ Н. Н. Пушкиной» [2]). Мы увидимъ ниже, до какой степени важно это замѣчаніе. Съ другой стороны графъ Сологубъ пишетъ про Дантеса: «Какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Н. Н. Пушкиною, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменною непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площадного каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Н. Н. Пушкину, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женою. «Le pédicure prétend», прибавилъ онъ, «que votre cor est plus beau, que celui de ma femme». (Операторъ увѣряетъ, что ваша мозоль красивѣе, чѣмъ мозоль моей жены: игра словами cor — мозоль и corps—тѣло; можно понять: операторъ увѣряетъ, что ваше тѣло красивѣе, чѣмъ тѣло моей жены). Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Геккерену есть намеки на этотъ каламбуръ» [3]). Нынче весною сынъ Дантеса опровергалъ этотъ разсказъ: по его словамъ, самъ отецъ его «съ негодованіемъ отрицалъ приписываемыя ему казарменныя остроты, въ родѣ, напримѣръ: «Madame X. (француженка, мозольный операторъ) утверждаетъ, что ваша мозоль красивѣе, чѣмъ мозоль моей жены», утверждая, что такую игру словъ могъ придумать иностранецъ, но не французъ» [4]). Опять напрасное негодованіе: обвиненія Пушкина больше значатъ, чѣмъ запоздалыя опроверженія; притомъ эти опроверженія стоятъ любого подтвержденія, такъ какъ сохраняютъ драгоцѣнную и весьма правдоподобную подробность,—а именно, что поводомъ къ каламбуру послужилъ не операторъ, а француженка-операторша.

Для того, чтобы уяснить себѣ поведеніе Дантеса, припомнимъ исторію его несостоявшейся дуэли и неожиданной женитьбы. Онъ не могъ не понимать, до какой степени должна была уничтожить

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248.

[2]) «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива» въ «Русскомъ Архивѣ» 1884 г., II, 436.

[3]) Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Спб. 1887. Стр. 187.

[4]) «Новое Время», № 8364, 12 іюня 1899 г., парижская корреспонденція И. Яковлева.

его въ глазахъ Пушкиной его трусость передъ дуэлью и въ какомъ жалкомъ видѣ должна была предстать передъ ней его прежняя мнимая страсть, тѣмъ болѣе, что Пушкина прежде могла ей вѣрить. Единственное, что̀ ему оставалось дѣлать, это было шутовство на старую тему. Зная болѣе чѣмъ простодушную смѣшливость Пушкиной, онъ, вѣроятно, старался обратить все въ шутку и съ этою цѣлью продолжать уже явно на смѣхъ свои прежнія ухаживанія и разыгрыванія влюбленнаго. Едва ли онъ «афишировалъ» это шутовство; но и скрыть его конечно было бы довольно мудрено. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы онъ, испытавъ опасность столкновенія съ Пушкинымъ и ради избѣжанія дуэли пойдя на невѣроятныя униженія, посмѣлъ или пожелалъ вновь его поддразнивать и вызывать на крайности. Будь Пушкина хоть на волосокъ умнѣй, она выразила бы ему свои чувства съ достаточной ясностью, чтобы отбить у него охоту къ продолженію; а вмѣсто того она вѣроятно принимала его балаганныя выходки за чистую монету и попрежнему сообщала ихъ своему мужу. Этого, конечно, самъ Дантесъ едва ли могъ ожидать отъ нея, какого бы ни былъ мнѣнія о ея умственныхъ способностяхъ; а отсутствіе должнаго такта съ ея стороны вполнѣ естественно могъ принять за поощреніе своему шутовству. Что послѣднее было вообще въ характерѣ Дантеса, подтверждаетъ одинъ, хотя и дошедшій изъ пятыхъ рукъ черезъ г. Павлищева, анекдотъ: оставшись однажды въ чужомъ домѣ наединѣ съ Пушкиною, Дантесъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и, приставивъ его себѣ ко̀ лбу, воскликнулъ, что размозжитъ себѣ голову, если ему суждено остаться несчастнымъ; когда же Пушкина со страху закричала и на ея крикъ явилась хозяйка и посторонніе, то Дантесъ заявилъ, что это была шутка, и продолжалъ фарсъ въ томъ же духѣ ко всеобщему удовольствію [1]). Но то, что̀ удавалось съ женою поэта, не могло расчитывать на поощреніе со стороны самого Пушкина. И вотъ, когда до него дошли вѣсти о продѣлкахъ Дантеса, онъ совершевно вышелъ изъ себя. Не допуская, вѣроятно, мысли, чтобы Дантесъ на свой страхъ смѣлъ его поддразнивать, и органически не будучи въ состояніи войти въ логику такого мѣднаго лба, какой нуженъ былъ для дантесовскаго шутовства, онъ увидѣлъ въ поведеніи свояка выполненіе новой интриги Гекерена. Желая въ послѣдній разъ пугнуть его, онъ и написалъ знаменитое письмо отъ 26-го января, чтобы разъ навсегда отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ продѣлкамъ. «Съ самаго начала этого дѣла», говорилъ онъ за часъ до поединка д'Аршіаку, «я вздохнулъ свободно только въ ту минуту, когда написалъ это письмо» [2]). Вполнѣ естественно: онъ окончательно рѣшилъ

[1]) Л. Павлищевъ. «Кончина А. С. Пушкина». Спб. 1899. Стр. 35—36.

[2]) Письмо кн. Вяземскаго къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., II, 248—249.

исчерпать вопросъ и не давать болѣе потачки тому, кого считалъ своимъ неусыпнымъ врагомъ. Но ожидать, чтобы дѣло кончилось не только смертельною раною, но даже просто дуэлью, онъ не имѣлъ никакого основанія: какъ могъ вломиться изъ-за письма, о которомъ никто, кромѣ него и Пушкина, не зналъ, человѣкъ, благополучно проглотившій гораздо худшее и притомъ публичное оскорбленіе, когда Пушкинъ съ ругательствомъ швырнулъ ему въ лицо письмо Дантеса? Этотъ типъ глотателей оплеухъ былъ хорошо знакомъ Пушкину даже среди тогдашнихъ гвардейцевъ: «По мнѣ драка Кирѣева гораздо простительнѣе», писалъ онъ женѣ 18 мая 1836 года, «нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смекая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ» (VII, 404).

И дѣйствительно, вызовъ Пушкину со стороны Дантеса явился бы совершенно необъяснимымъ, когда бы не подробность несчастнаго дѣла, сообщаемая Данзасомъ: «Говорятъ, что, получивъ это письмо, Гекеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Гекерену, чтобы сынъ его, баронъ Дантесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ» [1]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что дѣло было именно такъ. Мы имѣемъ всѣ данныя думать, что и Гекеренъ, и Дантесъ попрежнему трусили дуэли: они дѣлали самыя унизительныя выходки, чтобы обезпечить невинный исходъ дуэли, караулили каждый предлогъ, чтобы ее разстроить, и до конца не ожидали, что дѣло приметъ такой трагическій оборотъ. Все это будетъ ясно въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же только отмѣтимъ, что, если они оба не хотѣли дуэли и боялись ея, а все-таки шли на нее, то очевидно именно вслѣдствіе совѣта графа Строганова, котораго никакъ не ожидали. Вѣроятно, Гекеренъ поскакалъ къ нему, какъ къ вліятельному вельможѣ и своему общему съ Пушкинымъ родственнику, въ надеждѣ, что онъ уладитъ дѣло и замнетъ скандалъ; но тотъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ чести, не могъ понять его шкурныхъ инстинктовъ и далъ согласный со своими понятіями совѣтъ. Это отрѣзало пути къ отступленію, тѣмъ болѣе, что графъ Строгановъ прямо указалъ на возможность сдѣлать вызовъ чрезъ Дантеса,—очевидно, по поводу ссылки Гекерена на то, что его положеніе не дозволяетъ ему самому выходить на поединокъ. Старый интриганъ попалъ изъ огня да въ полымя. Думая замять начинавшійся скандалъ, онъ самъ раздулъ его до крайнихъ размѣровъ.— Но, спросятъ, можетъ быть,

---

[1]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863, стр. 17.

какъ же Пушкинъ принялъ вызовъ отъ людей, къ которымъ не могъ испытывать ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія? На это мы имѣемъ прямой отвѣтъ въ его произведеніяхъ. «Посудите сами», говорится въ одномъ изъ набросковъ къ «Египетскимъ ночамъ»: «первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никакимъ образомъ,—и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе» (IV, 403). Пушкинъ считалъ этотъ взглядъ дикимъ, но признавалъ его власть по нравамъ времени и подчинялся этой власти. Отказаться отъ дуэли онъ считалъ бы тѣмъ болѣе позорнымъ, что Дантесъ не отказался, получивъ его вызовъ, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе мотивированный.

Здѣсь нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ письмѣ. Оно имѣло несчастіе случайно послужить послѣднимъ поводомъ къ дуэли, окончившейся смертью Пушкина, и потому заднимъ числомъ пріобрѣло въ глазахъ біографовъ характеръ и значеніе, котораго въ сущности вовсе не имѣло. Установилось мнѣніе, будто это письмо было крайнею мѣрою, будто въ немъ воплотилась высшая степень запальчивости со стороны Пушкина, будто въ немъ онъ превзошелъ всѣ свои прежнія крайности и рѣзкости по адресу Гекереновъ. Мудрено понять, какъ могъ не только укрѣпиться, но и вообще быть высказанъ подобный взглядъ. Несомнѣнно, Пушкинъ воспользовался случаемъ, чтобы безъ церемоній «отвести душу» и съ полною непосредственностью «резюмировать происшествія»; но цѣлью письма вовсе не могло быть оскорбленіе Гекереновъ: Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ «своихъ шутниковъ», чтобы предполагать, будто негласная пощечина можетъ показаться имъ предлогомъ къ открытому неудовольствію. Цѣлью письма была острастка. Письмо должно было, по мнѣнію Пушкина, не приблизить катастрофу, а устранить ее. Пушкинъ не ждалъ и не могъ ожидать вызова, не могъ даже и представить себѣ, чтобы этому письму дана была огласка. Вѣдь если бы Гекеренъ не чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, развѣ не ограничился бы онъ простой отсылкою письма въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ для соотвѣтствующихъ распоряженій? Онъ, видимо, вполнѣ готовъ былъ удовлетвориться полученнымъ плевкомъ и только мнѣніе графа Строганова лишило его возможности вновь отличиться благоразуміемъ. Безъ этого мнѣнія письмо вполнѣ достигло бы своей цѣли; еще, пожалуй, Гекеренъ порадовался бы, что дѣло кончилось такъ благополучно — вмѣсто скандала только плевкомъ въ лицо съ глазу на глазъ. Чего добраго, онъ еще, пожалуй, и къ графу Строганову-то повезъ письмо съ примирительными цѣлями, желая выяснить Пушкину его недоразумѣніе черезъ вліятельнаго родственника? Въ цѣломъ, я рѣшительно

утверждаю, что письмо къ Гекерену было сравнительно въ высшей степени миролюбивою мѣрою со стороны Пушкина, далеко уступающею по рѣзкости предшествующимъ выходкамъ.

Отвѣтъ Гекерена не заставилъ себя долго ждать при этихъ условіяхъ. Этотъ отвѣтъ былъ отправленъ съ д'Аршіакомъ, секундантомъ Дантеса. Роль, игранная въ дуэли д'Аршіакомъ, возбуждаетъ по первому взгляду кое-какія сомнѣнія: всѣ знавшіе его отзываются о немъ съ величайшими похвалами, всѣ подтверждаютъ, что онъ глубоко уважалъ и цѣнилъ Пушкина; и однако онъ такъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ къ послѣднему, что невольно удивляетъ читателя его записокъ. Наконецъ, какъ могъ онъ согласиться быть секундантомъ Дантеса? Но эти сомнѣнія устраняются при нѣкоторомъ вниманіи. Замѣтьте, что д'Аршіакъ былъ секундантомъ Дантеса при его первой дуэли, то-есть тогда, когда вызовъ былъ сдѣланъ Пушкинымъ: при этихъ условіяхъ и при французскихъ взглядахъ на дуэль ему трудно было отвѣтить Дантесу отказомъ. А согласившись въ первый разъ, онъ уже не могъ отказаться во второй, особенно, когда ознакомился съ письмомъ Пушкина къ Гекерену. Притомъ онъ, быть можетъ, по связи дѣлъ, былъ и шаферомъ Дантеса на свадьбѣ [1]). Настойчивость же его при переговорахъ объяснится нѣсколько ниже. Здѣсь мы только еще остановимся на одной подробности отвезеннаго имъ отвѣта Гекерена, не подвергая этотъ отвѣтъ подробному разбору въ цѣломъ: дѣлая вызовъ, Гекеренъ имѣлъ безстыдство унизиться до выходки, вполнѣ изобличающей его собственный и его пріемыша страхъ передъ дуэлью. Именно, сдѣлавъ самымъ рѣшительнымъ тономъ вызовъ, онъ прибавляетъ, что «потомъ» сумѣетъ заставить Пушкина «оцѣнить уваженіе, коего требуетъ званіе, которымъ онъ облеченъ и котораго никакая выходка съ его стороны не въ состояніи задѣть». Иными словами, онъ къ вызову присовокупляетъ намекъ на то, что даже не предполагаетъ возможности серьезнаго исхода дуэли: большаго малодушія нельзя ожидать даже отъ самаго отъявленнаго труса. Можно себѣ представить, съ какимъ новымъ приливомъ презрѣнія читалъ Пушкинъ это жалкое предупрежденіе! Самый вызовъ показывалъ ему, что его ждетъ не дуэль, а жалкій фарсъ, который послужитъ только прелюдіей къ настоящему столкновенію. Что онъ именно такъ смотрѣлъ на дѣло, это доказываетъ весь его образъ дѣйствій.

Судя по первой запискѣ д'Аршіака, послѣдній не засталъ Пушкина дома и увѣдомилъ его, что будетъ ожидать его секунданта до 11 часовъ вечера у себя на дому, а затѣмъ на балу у графини Разумовской, чтобы завтра же покончить дѣло. Тотъ, по свидѣтельству князя Вяземскаго, чтобы «не компрометировать русскаго», «обратился

---

[1]) В. В. Никольскій. «Идеалы Пушкина». 4 изд. Спб. 1899. Стр. 131.

къ Мэгеннису, совѣтнику англійскаго посольства, который требовалъ предварительно, до изъявленія согласія, подробнаго изложенія причинъ и обстоятельствъ, вынудившихъ дуэль» [1]). Это обращеніе, согласно показанію Данзаса на судѣ, произошло на балу у графини Разумовской. Въ результатѣ Мэгеннисъ отказался [2]). Въ «Русской Старинѣ» приводится, какъ мотивъ этого отказа, ссылка Мэгенниса на свое общественное положеніе [3]); но гораздо вѣроятнѣе, что отказъ основывался именно на отказѣ Пушкина излагать постороннему лицу обстоятельства своихъ семейныхъ дѣлъ, на что имѣется косвенное указаніе въ его запискѣ д'Аршіаку: «Я вовсе не заботусь дѣлать петербургскихъ праздношатающихся повѣренными моихъ семейныхъ дѣлъ» (VII, 419). Мнѣ кажется, эти слова являются намекомъ Пушкина на предшествующія устныя его объясненія съ д'Аршіакомъ. Вѣроятно, Пушкинъ, глядя на предстоящую дуэль, какъ на балаганъ, не хотѣлъ даже и передъ секундантомъ придавать ей какое либо значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что нельзя привлекать къ участію въ ней серьезнаго человѣка. Изъ его словъ: «я не желаю посвящать въ мои семейныя дѣла петербургскихъ праздношатающихся», достаточно ясно, что никого, кромѣ праздношатающихся, и не желалъ онъ приглашать въ секунданты на шутовскую дуэль. Порядочныхъ людей ему пришлось привлекать къ дѣлу только въ виду настоятельной необходимости. Въ свою очередь и Данзасъ въ своемъ показаніи на судѣ высказываетъ мнѣніе, тождественное съ мнѣніемъ князя Вяземскаго: «Соображая нынѣ предложеніе Пушкина г-ну Мэгеннису, письмо его къ д'Аршіаку и нѣкоторыя темныя выраженія въ его разговорѣ со мною, когда мы ѣхали на мѣсто поединка, я не иначе могу пояснить намѣренія покойнаго, какъ тѣмъ, что по извѣстному мнѣ и всѣмъ знавшимъ его коротко высокому благородству души его онъ не хотѣлъ вовлечь въ отвѣтственность по своему собственному дѣлу никого изъ соотечественниковъ и только, тогда, когда вынужденъ былъ къ тому противниками, онъ рѣшился наконецъ искать меня, какъ товарища и друга съ дѣтства, на самоотверженіе котораго онъ имѣлъ болѣе права считать» [4]). Ниже мы увидимъ, насколько вѣрны эти соображенія; здѣсь же вернемся къ разсказу о балѣ у графини Разумовской.

На томъ же балу, повидимому, Пушкинъ отказался прислать своего секунданта, какъ намекаетъ вторая записка записка д'Аршіака, ибо въ ней онъ «попрежнему настаиваетъ» на предварительныхъ объясненіяхъ свидѣтелей. Этотъ педантизмъ былъ тѣмъ

---

[1]) Письмо къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879 г., т. II, 249.
[2]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 79.
[3]) «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 511, прим. 2.
[4]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 70.

несноснѣе Пушкину, что онъ долженъ былъ смотрѣть на предстоящую дуэль, какъ на нелѣпый балаганъ, и чѣмъ торжественнѣе затѣвалась для нея обстановка, тѣмъ больше должна была возмущаться его брезгливость. Въ настойчивости д'Аршіака, котораго онъ, судя по всему, считалъ за вполнѣ порядочнаго человѣка, онъ, вѣроятно, просто видѣлъ отлыниванье Дантеса и выискиваніе придирокъ, чтобы уклониться отъ дуэли. Со своей стороны, считая предстоящій поединокъ только глупымъ фарсомъ, онъ не забывалъ ни своихъ текущихъ дѣлъ, ни свѣтскихъ отношеній: объ этомъ свидѣтельствуетъ его записка къ Ишимовой, отправленная во время переписки и переговоровъ о дуэли (VII, 420). Въ свою очередь д'Аршіакъ, не предполагая даже со стороны Дантеса такого желанія, могъ быть тѣмъ настойчивѣе, что, быть можетъ, надѣялся какъ нибудь оттянуть дѣло формальностями. Какъ бы то ни было, Пушкинъ отвѣтилъ отказомъ пріискивать секунданта, предоставляя Дантесу выбрать ему послѣдняго, если онъ видитъ въ томъ надобность, и заранѣе соглашаясь на всѣ дальнѣйшія условія. «Прошу васъ вѣрить, г. виконтъ»,—заключилъ онъ,—«что это мое послѣднее слово и что мнѣ нечего больше отвѣчать на что бы то ни было, касающееся этого дѣла, и что я больше не тронусь съ мѣста, кромѣ какъ для того, чтобы попасть на мѣсто поединка» (VII, 420). За этотъ отказъ Дантесъ ухватился, какъ за желанный исходъ, думая не только отдѣлаться отъ дуэли, но и еще отдѣлаться насчетъ достоинства Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствуетъ третья записка д'Аршіака [1]), въ которой онъ настаиваетъ на предварительномъ свиданіи секундантовъ, ставя его непремѣннымъ условіемъ со стороны Дантеса, который де, «готовый съ своей стороны явиться къ мѣсту, торопитъ Пушкина соблюсти формальности. Всякое замедленіе было бы имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи и, подвергая это дѣло огласкѣ, помѣшало бы ему окончиться». Послѣ этого Пушкинъ, конечно, не могъ долѣе медлить ни минуты. И вотъ, согласно показанію Данзаса на судѣ [2]), «27-го января въ 1-мъ часу по полудни встрѣтилъ его Пушкинъ на Цѣпномъ мосту, что близъ Лѣтняго сада, остановилъ и предложилъ ему быть свидѣтелемъ разговора, который онъ долженъ былъ имѣть съ виконтомъ д'Аршіакомъ. Не предугадывая никакихъ важныхъ послѣдствій, а тѣмъ менѣе дуэли, онъ сѣлъ въ его сани и отправился съ нимъ. Во время пути онъ съ нимъ разговаривалъ о предметахъ постороннихъ съ совер-

[1]) Въ дѣлѣ опубликована еще и визитная карточка д'Аршіака съ небольшою надписью — «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 82—но, повидимому, эта карточка къ переговорамъ о послѣдней дуэли Пушкина не имѣетъ никакого рѣшительно отношенія.

[2]) Подлинное показаніе въ дѣлѣ не сохранилось, и потому приходится пользоваться аудиторскою выпиской изъ него.

шеннымъ хладнокровіемъ. Прибывъ къ г. д'Аршіаку, жившему въ домѣ французскаго посольства, г. Пушкинъ началъ объясненіе свое у г. д'Аршіака слѣдующимъ: получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ виновникомъ почиталъ нидерландскаго посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпыхъ слухахъ, касающихся до чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызывалъ на дуэль г. поручика Гекерена, на котораго публика указывала; но, когда Гекеренъ предложилъ жениться на свояченицѣ Пушкина, тогда, отступивъ отъ поединка, онъ, однакожъ, непремѣннымъ условіемъ требовалъ отъ Гекерена, чтобы не было никакихъ сношеній между двумя семействами. Невзирая на сіе, гг. Гекерены даже послѣ свадьбы не переставали дерзкимъ обхожденіемъ съ женой его, съ которою встрѣчались только въ свѣтѣ, давать поводъ къ усиленію мнѣнія, поносительнаго какъ для его чести, такъ и для чести его жены. Дабы положить сему конецъ, онъ написалъ 26-го генваря письмо къ нидерландскому посланнику, бывшее причиною вызова г. Гекерена. Засимъ Пушкинъ, собственно для его (Данзаса) свѣдѣнія, прочелъ собственноручную копію съ помянутаго письма, которое, вѣроятно, было уже извѣстно секунданту г. Гекерена. Болѣе же онъ (Данзасъ) ничего ни прежде, ни послѣ отъ Пушкина не слыхалъ. Другихъ же доказательствъ къ подтвержденію онъ отъ него не требовалъ потому, что, знавъ его всегда за человѣка справедливаго, онъ словамъ его повѣрилъ. Тутъ онъ только узналъ, что дѣло шло о дуэли и что вызовъ былъ со стороны Гекерена. Объяснивъ всѣ причины неудовольствія, Пушкинъ всталъ и сказалъ г. д'Аршіаку, что онъ предоставляетъ ему, какъ секунданту своему, сговориться съ нимъ, д'Аршіакомъ, изъявивъ твердую волю, чтобы дѣло непремѣнно было кончено того же дня. Г. д'Аршіакъ спросилъ его при Пушкинѣ, согласенъ ли онъ принять на себя обязанность секунданта. Послѣ такого неожиданнаго предложенія со стороны Пушкина, сдѣланнаго при секундантѣ съ противной стороны, онъ не могъ отказаться отъ соучастія, тѣмъ болѣе, что г. Пушкинъ былъ съ дѣтства его товарищемъ и пріятелемъ; къ тому же онъ имѣлъ намѣреніе и надежду, хотя весьма слабую, къ примиренію. Послѣ ухода Пушкина первый вопросъ его былъ г. д'Аршіаку, нѣтъ ли средствъ окончить дѣло миролюбно. Г. д'Аршіакъ, представитель почитавшаго себя обиженнымъ г. Гекерена, вызвавшаго Пушкина на дуэль, рѣшительно отвѣчалъ, что никакихъ средствъ нѣтъ къ примиренію, и засимъ предложилъ ему постановить слѣдующія условія: пріѣхать соперникамъ въ началѣ 5-го часа по полудни за комендантскую дачу и стрѣляться тамъ на пистолетахъ; разстояніе между соперниками назначить 20 шаговъ съ тѣмъ, чтобы каждый могъ дѣлать 5 шаговъ и подойти къ барьеру; никому не давать преимущества перваго выстрѣла, но чтобы каждый далъ по одному

выстрѣлу, когда угодно, на означенныхъ 5 шагахъ до барьера, наблюдая, чтобы каждый стрѣлялъ другъ въ друга въ одинаковомъ разстояніи, а въ случаѣ промаховъ съ обѣихъ сторонъ начинать на тѣхъ же условіяхъ. Къ симъ условіямъ г. д'Аршіакъ присовокупилъ: «не допускать никакихъ объясненій между противниками»; но онъ возразилъ, что согласенъ, что, во избѣжаніе новыхъ какихъ либо распрей, не дозволить имъ самимъ объясняться, но, имѣя еще въ виду не упускать случая къ примиренію, онъ предложилъ со своей стороны, чтобы въ случаѣ малѣйшей возможности секунданты могли объясняться за нихъ. По окончаніи разговора его съ г. д'Аршіакомъ онъ отправился къ Пушкину, который тотчасъ послалъ за пистолетами, по словамъ его, на сей предметъ уже купленными. Въ исходѣ 4-го часа они отправились на мѣсто дуэли, куда и прибыли почти въ одно время съ противниками. Г. д'Аршіакъ тотчасъ приступилъ къ измѣренію разстоянія. Засимъ ему ничего не оставалось дѣлать, какъ слѣдовать его примѣру. Барьеръ означенъ былъ шинелями секундантовъ. Потомъ г. д'Аршіакъ и онъ зарядили каждый свою пару пистолетовъ и вручили по одному противникамъ. Они по его знаку тотчасъ начали сходиться. Г. Гекеренъ, не доходя шага до барьера, выстрѣлилъ и ранилъ Пушкина, который упалъ у своего барьера. Они бросились къ нему на помощь, но Гекеренъ остановленъ былъ словами Пушкина, который сказалъ по-французски: «Подождите, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ сдѣлать свой выстрѣлъ». Г. Гекеренъ послѣ сего сталъ на свое мѣсто правымъ бокомъ впередъ и прикрывъ рукою грудь. Такъ какъ пистолетъ Пушкина при паденіи его забился снѣгомъ, онъ подалъ ему другой. Пушкинъ, опершись лѣвою рукою на снѣгъ, выстрѣлилъ. Когда, раненый въ руку, Гекеренъ упалъ, тогда Пушкинъ бросилъ свой пистолетъ въ сторону, сказавъ «браво!». Видя опасность раны Пушкина, онъ и д'Аршіакъ обратили на него все вниманіе, усадили его въ сани, въ коихъ довезли до комендантской дачи разстояніемъ съ полверсты отъ мѣста дуэли, а оттуда въ каретѣ довезъ онъ его къ нему на квартиру, откуда немедленно отправился искать медиковъ» [1]).

Это показаніе даетъ нѣсколько новыхъ подробностей и поправокъ къ позднѣйшимъ воспоминаніямъ самого Данзаса и въ свою очередь можетъ быть дополнено изъ этихъ воспоминаній. Такъ, Пушкинъ, какъ полагалъ Данзасъ, заѣзжалъ сначала къ Россету (который жилъ на Пантелеймонской улицѣ) и, не заставъ послѣдняго дома, поѣхалъ уже къ Данзасу [2]). Это, конечно, весьма вѣ-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекѐреномъ». Спб. 1900. Стр. 99—100 и 124—125.

[2]) Аммосовъ. «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 18.

роятно, хотя не болѣе, какъ предположеніе. Далѣе, согласно воспоминаніямъ, Пушкинъ окончилъ свое объясненіе у д'Аршіака словами: «Maintenant la seule chose que j'ai à vous dire, c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la premiѣre fois que je rencontre Heeckeren, pѣre ou fils, je leur cracherai à la figure» (Теперь единственное, что̀ я имѣю вамъ сказать, это—что, если дѣло не кончится сегодня же, то въ первый же разъ, какъ я встрѣчу Гекерена, отца или сына, я плюну имъ въ лицо)[1]). Эта фраза уже знакома намъ изъ другого источника — изъ черновыхъ набросковъ окончательнаго письма къ Гекерену, хотя и нѣсколько въ иной редакціи. Потомъ въ воспоминаніяхъ сказано, что по желанію д'Аршіака условія поединка были сдѣланы на бумагѣ. «Съ этою роковою бумагою Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекерѳномъ-отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерену, а не Дантесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекеренъ по офиціальному своему положенію драться не можетъ. Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолѣтами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его. Было около 4-хъ часовъ. Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Данзасъ не помнитъ, Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской. Сѣли въ сани и отправились по направленію къ Троицкому мосту».—«На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя:—«Не въ крѣпость ли ты везешь меня?»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Данзасъ,— черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».—«Данзасъ не знаетъ, по какой̀ дорогѣ ѣхали Дантесъ съ д'Аршіакомъ; но къ комендантской дачѣ они съ ними подъѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто. Они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ комендантской дачи. Болѣе крупный и густой̀ кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извозчиковъ то, что̀ на ней происходило. Избравъ это мѣсто, они утоптали ногами снѣгъ на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ. Несмотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать. За-

[1]) Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Спб. 1863. Стр. 19.

*

кутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ, повидимому, былъ столько же покоенъ, какъ и во все время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его, находитъ ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто, Пушкинъ отвѣчалъ: «Ca m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite» («Это мнѣ совершенно все равно, только постарайтесь все это сдѣлать поскорѣе»). Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:— «Eh bien, est-ce fini?» («Ну, что же, кончено это?»). Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты — и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходиться. Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время Дантесъ, не доходя до барьера одного шага, выстрѣлилъ, и Пушкинъ, падая, сказалъ:— «Je crois, que j'ai la cuisse fracassée» («Мнѣ кажется, что у меня раздроблено бедро»). Произнеся эти слова, Пушкинъ упалъ на шинель, означавшую барьеръ, лицомъ къ землѣ и остался недвижимъ». «Секунданты бросились къ нему. Когда Дантесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:—«Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup» («Постойте! Я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобы сдѣлать мой выстрѣлъ!»). Дантесъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, и потому Данзасъ подалъ ему другой. Пушкинъ, опираясь лѣвою рукой о землю, сталъ цѣлить твердою рукою. Раздался выстрѣлъ. Дантесъ упалъ. Сдѣлавъ выстрѣлъ, Пушкинъ также упалъ и два раза терялъ сознаніе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья онъ, наконецъ, пришелъ въ себя и уже болѣе не лишался чувствъ. На вопросъ Пушкина, куда онъ раненъ, Дантесъ отвѣчалъ:—«Je crois, que j'ai la balle dans la poitrine» («Кажется, пуля мнѣ попала въ грудь»). «Браво!»—воскликнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолетъ въ сторону. Но Дантесъ ошибся: пуля только контузила ему грудь. Пушкинъ же былъ раненъ въ правое бедро. Пуля, раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась». «Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака: «Est-il tué?»—Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine.— «C'est singulier: j'avais crû que cela m'aurait fait plaisir de le tuer, mais je sens que non». («Онъ убитъ?»—Нѣтъ, но онъ раненъ въ руку и въ грудь.— «Какъ странно: я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе убить его, но я чувствую, что нѣтъ»). Д'Аршіакъ хотѣлъ сказать нѣсколько примирительныхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продол-

жать: «Au reste, c'est égal: si nous nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer» («Впрочемъ, это все равно: если мы оба поправимся, придется начинать сызнова»)» [1]). «Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извозчиковъ и съ ихъ помощью разобрали находившійся тамъ заборъ изъ тонкихъ жердей, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извозчику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ. Раненый Дантесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними. У комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ-отцомъ. Дантесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другого, сдѣланнаго ему въ это же время Дантесомъ, предложенія, — скрыть участіе его въ дуэли. Не сказавъ, что карета была барона Гекерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и, сѣвъ съ нимъ рядомъ, поѣхалъ въ городъ» [2]).

Вотъ фактическая сторона дѣла. Мы напомнили ее читателямъ, въ подлинныхъ выраженіяхъ источниковъ, чтобы разомъ устранить то фальшивое освѣщеніе, которое біографы придавали событіямъ. Эти событія такъ понятны и просты, что трудно повѣрить, какъ могли имѣть какой нибудь успѣхъ тѣ извращенія, которымъ они подвергались. Говорить о «жаждѣ мести», о «неизбѣжности кроваваго исхода» и т. п. вздоръ о Пушкинѣ, могли казалось бы, только явные глупцы и клеветники; и однако же мы видимъ, что послѣдніе опирались въ своихъ продѣлкахъ на мнѣнія друзей и почитателей! Искаженій самыхъ благонамѣренныхъ тутъ такъ много, что именно только воспроизведеніемъ фактовъ и поясненіями къ нимъ и надо ограничиться. Всякая полемика была бы только праздною тратою словъ и времени.

Остановимся прежде всего на подробности, впервые выдвинутой впередъ г. Бартеневымъ со словъ князя Вяземскаго и уже приведенной выше, а именно на томъ, что послѣ несостоявшейся первой дуэли Пушкинъ далъ слово императору Николаю увѣдомить его заранѣе, если вновь окажется въ такомъ же положеніи. Этотъ разсказъ, какъ мы видѣли, самымъ нелѣпымъ образомъ пріуроченъ къ неотправленному письму къ графу Бенкендорфу; но отсюда было бы ошибочно заключать о его безусловной недостовѣрности. Князь Вяземскій не заслуживаетъ довѣрія только тогда, когда начинаетъ

[1]) Письмо князя Вяземскаго къ Булгакову, «Русскій Архивъ» 1879, II, 249—250.

[2]) Весь отрывокъ на послѣднихъ страницахъ, заключенный въ кавычки, составляетъ сводный текстъ воспоминаній Данзаса и писемъ къ князю Вяземскому д'Аршіака и Данзаса. См. Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб., 1863, стр. 20—25.

толковать, объяснять и освѣщать факты; самые же факты онъ всегда передаетъ съ полною добросовѣстностью и даже критической осмотрительностью. Мы не имѣемъ причины не вѣрить ему и въ данномъ случаѣ. Но мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть тотъ выводъ, на который наводитъ князь Вяземскій своимъ разсказомъ, — именно, будто Пушкинъ въ исторіи со второю дуэлью нарушилъ слово, данное императору. Нелѣпость этого вывода не подлежитъ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что ни самъ императоръ не могъ ни ожидать, ни требовать, ни Пушкинъ не могъ обѣщать, что онъ предупредитъ, если его вызовутъ на дуэль: рѣчь у нихъ шла о такихъ обстоятельствахъ, когда онъ самъ почувствуетъ себя въ необходимости сдѣлать вызовъ. Это совершенно разные случаи. Между тѣмъ второй дуэли Пушкинъ не только не желалъ, но даже и не ожидалъ; а получивъ вызовъ, не могъ себя ни въ какомъ смыслѣ считать связаннымъ обѣщаніемъ въ случаѣ необходимости прибѣгнуть не къ дуэли, а къ посредничеству государя. Тутъ ужъ онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ слова «невольникомъ чести». Замѣтимъ, что, если бы Пушкинъ думалъ, что нарушилъ слово государю, или если бы государь это думалъ, то такъ или иначе это обстоятельство выразилось бы во время предсмертныхъ страданій Пушкина: однако ни одного намека на это не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны. Поскольку же дѣло зависѣло отъ Пушкина, онъ безспорно своимъ образомъ дѣйствій шелъ на встрѣчу исполненію царской воли. И на самомъ дѣлѣ, новыя «дерзости» Дантеса Пушкинъ не могъ оставить безнаказанными. Если бы тотъ ихъ не прекратилъ, Пушкину пришлось бы вновь его вызвать. Но тутъ-то и былъ онъ связанъ словомъ: онъ долженъ бы былъ прибѣгнуть къ содѣйствію государя. Конечно, его жалоба имѣла бы самыя гибельныя для Гекереновъ послѣдствія. Пушкинъ не могъ этого не понимать. Но онъ не могъ не сознавать и огромности предстоящаго въ такомъ случаѣ скандала. Бояться ему было нечего, но и удовольствія въ новой исторіи никакого не было. И вотъ, желая испытать въ послѣдній разъ дѣйствительность мѣръ частнаго внушенія, онъ и написалъ Гекерену свое рѣшительное предупрежденіе, имѣвшее такія неожиданныя для всѣхъ послѣдствія. Быть можетъ, даже именно на высочайшее участіе къ нему и намекаетъ онъ словами, что имѣлъ намѣреніе и возможность (le pouvoir et l'intention) опозорить Гекерена въ глазахъ русскаго и нидерландскаго дворовъ.

Въ немногихъ словахъ можно раздѣлаться съ вопросомъ о секундантахъ. Выше даны уже матеріалы къ его рѣшенію. Поведеніе Пушкина въ данномъ отношеніи только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на дуэль, какъ на шутовство со стороны своихъ противниковъ, лицемѣрный фарсъ, ими разыгрываемый пе-

редъ публикой, и не могъ относиться къ ней серьезно. Потому и не желалъ онъ привлекать къ участію въ ней никого, кромѣ «праздношатающихся», а излагать таковымъ свои семейныя дѣла не видѣлъ никакой возможности, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требованія, чтобы секунданты были предварительно освѣдомлены о причинахъ дуэли. Со своей стороны ни Дантесъ, ни д'Аршіакъ не могли примириться съ этимъ отказомъ прежде всего потому, что не могли не чувствовать его оскорбительнаго для нихъ характера, а во-вторыхъ, быть можетъ, и не безъ задней мысли со стороны Дантеса проволочками затянуть дѣло и отказаться отъ дуэли, сваливая потомъ вину на Пушкина, со стороны же д'Аршіака вообще разстроить дуэль, участіе въ которой все-таки мѣшало и его собственной карьерѣ. Секундантъ имъ совершенно не былъ нуженъ: имъ невозможно было примириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ Пушкина къ ихъ требованіямъ.

Далѣе, тотъ же взглядъ Пушкина на предстоящую дуэль, какъ на балаганъ, одинъ только и можетъ объяснить его странный способъ приглашенія Данзаса въ секунданты. Князь Вяземскій и подъ вліяніемъ его Данзасъ говорятъ, что Пушкинъ не желалъ подводить подъ отвѣтственность соотечественника. Это справедливо. Но, спрашивается, если таковы были намѣренія Пушкина, то какъ же онъ врасплохъ захватываетъ на улицѣ и даже безъ предупрежденія подводитъ подъ эту отвѣтственность какъ разъ «друга и товарища съ дѣтства, на самоотверженіе котораго имѣлъ болѣе права считать»? Этотъ образъ дѣйствій не только нельзя было бы считать благороднымъ, а напротивъ, это былъ бы возмутительный образъ дѣйствій, если бы Пушкинъ не былъ твердо убѣжденъ, что дуэль кончится ничѣмъ, что онъ зоветъ товарища не въ секунданты, а въ участники навязаннаго ему фарса. Тотъ же взглядъ до очевидности ясно сказывается и въ его заключительныхъ словахъ при объясненіи у д'Аршіака: онъ сперва заявилъ послѣднему, что наплюетъ въ глаза Гекеренамъ при первой же встрѣчѣ, если дѣло не кончится въ тотъ же день, а потомъ уже предоставилъ Данзасу изъявить его согласіе или несогласіе быть секундантомъ. Если принять во вниманіе, что это сказалъ не вызывающій, а вызванный, то всѣ сомнѣнія отпадаютъ: Пушкинъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что его противники отлынивaютъ, что они только играютъ комедію и что Данзасу ничего не угрожаетъ, кромѣ напрасной поѣздки за городъ въ пятнадцати-градусный морозъ. Быть можетъ, именно намеками въ этомъ смыслѣ, только не понятыми Данзасомъ, и были тѣ «темныя выраженія» Пушкина въ разговорѣ во время пути на дуэль, на которыя Данзасъ ссылался передъ судомъ [1]).

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 79.

Интересны условія дуэли. Суровость ихъ прямо поразительна и была бы совершенно необъяснима, если бы не цитированныя уже выше воспоминанія графа Сологуба. Какъ помнятъ читатели, Пушкинъ воспользовался его содѣйствіемъ для того, чтобы окончательно пугнуть Дантеса дуэлью, а потому и поручилъ ставить самыя «кровавыя» условія. Въ памяти графа Сологуба сохранилась подробность о 10 шагахъ барьера. Это то же разстояніе, что́ и въ окончательной дуэли: крайне характерное и важное совпаденіе, которое все намъ объясняетъ. Гекеренъ и Дантесъ всячески дѣлали видъ, что новая дуэль является въ сущности лишь осуществленіемъ несостоявшейся первоначальной. Въ этомъ смыслѣ и Гекеренъ, отвѣчая на письмо Пушкина, писалъ ему: «Вы, кажется, забыли, милостивый государь, что это вы отказались отъ вызова, который вы поручили сдѣлать барону Жоржу де-Гекеренъ и который былъ имъ принятъ. Доказательство того, что́ я здѣсь утверждаю, существуетъ, писанное вашей рукой, и осталось въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что г. виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы согласиться съ вами о мѣстѣ, гдѣ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Гекеренъ, и предупредить васъ, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства». Цѣль этихъ напоминаній ясна: Гекеренъ намекаетъ Пушкину, что онъ позволяетъ себѣ оскорблять его и Дантеса, взявъ обратно свой вызовъ, который былъ принятъ,—очевидно, взявъ съ согласія Дантеса; но послѣ новыхъ оскорбленій это согласіе перестаетъ быть возможнымъ. Нельзя не сказать, что это очень искусная постановка дѣла, которая, конечно, была придана съ тѣмъ преимущественно расчетомъ, чтобы дуэль состоялась съ Дантесомъ, а не съ Гекереномъ, и чтобы Пушкинъ не имѣлъ нравственно возможности что́ либо измѣнить въ этомъ отношеніи, хотя оскорбительное письмо и было адресовано не къ Дантесу. Итакъ, глядя на новую дуэль, какъ на осуществленіе первой, Дантесъ и д'Аршіакъ необходимо должны были сохранить и всѣ первоначальныя условія, хотя, быть можетъ, и не видѣли въ нихъ ничего желательнаго. Пушкину, конечно, было все это совершенно все равно и на всѣ эти условія онъ соглашался, даже не читая ихъ.

Обратимся къ подробностямъ самой дуэли. Полное хладнокровіе Пушкина достаточно удостовѣрено со всѣхъ сторонъ. Это было бы неудивительно и при другихъ условіяхъ, ибо смѣлость и гордость Пушкина достаточно извѣстны. Но характерно подмѣченное Данзасомъ нетерпѣніе поэта: Пушкинъ брезгливо торопился продѣлать предстоящую комедію, и безъ того ему надоѣвшую. О внутреннемъ безпокойствѣ въ немъ не было и помину. По данному сигналу онъ грудью пошелъ на Дантеса, первый сталъ у барьера и только тогда началъ наводить, не стрѣляя. Послѣднее было его правиломъ. Ни

на одной изъ своихъ дуэлей Пушкинъ не стрѣлялъ первымъ. Замѣтимъ, что онъ былъ хорошимъ стрѣлкомъ и любителемъ «пострѣлять изъ пистолета» (VII, 85), что достаточно доказываетъ и его послѣдній выстрѣлъ: стало быть, если бы онъ хотѣлъ отомстить Дантесу, какъ полагаютъ иные до сихъ поръ, то онъ могъ бы уложить его съ перваго шага. Но ни о какой мести рѣчи не могло быть: Пушкинъ только хотѣлъ «поскорѣе все это кончить». Онъ видимо ждалъ выстрѣла Дантеса въ сторону или мимо, чтобы поступить точно также...

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ не въ сторону. Роковой выстрѣлъ! Сколько было о немъ говорено, писано, думано,—и однако до сихъ поръ никто не далъ себѣ труда серьезно вникнуть въ то душевное состояніе, которое онъ выразилъ. Припомните то, что подробно изложено выше. Дантесъ дуэли не хотѣлъ, боялся дуэли, готовъ былъ идти на какія угодно низости, лишь бы ее разстроить; Геккеренъ унижался до презрѣннѣйшихъ предупрежденій въ письмахъ, только бы увѣрить Пушкина, что дуэль будетъ одна пустая формальность; пославъ «на всякій случай» карету къ комендантской дачѣ, онъ такъ былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ дуэли, что даже не позаботился приготовить доктора для подачи помощи на мѣстѣ. Болѣе того, какъ намекаетъ Дантесъ и какъ прямо говорятъ другіе, Геккеренъ, узнавъ часъ и мѣсто дуэли, прямо отправился къ Бенкендорфу, прося его какъ бы отъ себя послать полицію на мѣсто поединка и арестовать противниковъ заблаговременно. Но тотъ, со своей стороны очень довольный, что дуэль состоится и что такимъ образомъ Пушкинъ можетъ окончательно подпасть подъ немилость государя, послалъ жандармовъ, будто бы по ошибкѣ, не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ. Словомъ, все показываетъ, что и Геккеренъ, и Дантесъ боялись дуэли и ото всей души хотѣли, чтобы она кончилась ничѣмъ. Спрашивается, чѣмъ же объяснить смертельный выстрѣлъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: новымъ припадкомъ трусости Дантеса. Придись пуля хоть немного ниже, немного правѣй, и смертельный исходъ былъ бы отвращенъ. Описаніе раны Пушкина приведено выше со словъ Данзаса: пуля ударила въ правую ляжку, раздробила кость ноги у соединенія съ тазомъ и глубоко проникла въ животъ. Очевидно, подойдя къ барьеру, Пушкинъ сталъ правымъ бокомъ къ противнику, наводя пистолетъ. Дантесъ шелъ медленнѣе. Пушкинъ не стрѣлялъ. Не нужно много думать, чтобы понять состояніе Дантеса. Каждый шагъ впередъ былъ «смертною ступенью». Онъ хорошо зналъ, какъ заслуживаетъ онъ выстрѣла своего противника. Трусость его должна была дойти до крайности. Правда, онъ крѣпился и сдѣлалъ четыре шага, не стрѣляя; по дальше у него духу не хватило, онъ, видимо, рѣшилъ, что Пушкинъ «ему готовитъ честный гробъ»,—

тогда какъ на самомъ дѣлѣ тотъ ему только предоставлялъ первый выстрѣлъ,—и спустилъ курокъ. По мѣсту раны можно заключить, что Дантесъ цѣлилъ не въ високъ, а въ ноги, но, чтобы рана вышла порѣшительнѣе, немного черезъ край повысилъ прицѣлъ. Не только смертельной, но даже и особенно серьезной раны нанести онъ безспорно не хотѣлъ; онъ просто хотѣлъ спасти свою шкуру, ложно понявъ ожиданіе Пушкина. Съ изложенной точки зрѣнія я считаю весьма правдоподобнымъ разсказъ, дошедшій до г. Павлищева якобы изъ устъ самого Дантеса. По этому разсказу Дантесъ и въ помышленіи не имѣлъ погубить Пушкина, искренно старался примириться съ нимъ, а на поединокъ вышелъ только по настоятельному требованію Гекерена; но, когда на дуэли Пушкинъ сталъ наводить на него пистолетъ, онъ оробѣлъ и уже по чувству самосохраненія выстрѣлилъ первымъ, не подумавъ, что, цѣлясь въ ногу, рискуетъ попасть выше [1]). Разсказывалъ это Дантесъ или нѣтъ, но несомнѣнно такъ и было. Ни въ високъ, ни въ грудь онъ не цѣлилъ, а могъ бы, какъ искусный стрѣлокъ, если бы хотѣлъ смерти противника.

Для Пушкина этотъ роковой выстрѣлъ былъ еще неожиданнѣе, чѣмъ для Дантеса. Прежде чѣмъ упасть, онъ уже почувствовалъ, какъ серьезна его рана. Нетрудно представить себѣ то негодованіе и гнѣвъ, которые должны были наполнить его душу при этомъ сознаніи. При его взглядѣ на событія, шкурная трусость Дантеса не могла не показаться ему гнуснѣйшимъ предательствомъ, а все поведеніе его и Гекерена—омерзительнымъ коварствомъ. Конечно, одинъ Богъ знаетъ, что̀ онъ думалъ и чувствовалъ; но трудно сомнѣваться, что и указанныя мысли его наполняли. По крайней мѣрѣ, ихъ мы читаемъ во всемъ дальнѣйшемъ его образѣ дѣйствій. Выстрѣливъ, Дантесъ сдѣлалъ движеніе подойти къ Пушкину; но въ томъ вспыхнула мгновенная жажда мести. Онъ долженъ былъ чувствовать себя пойманнымъ въ ловушку и еще подставившимся подъ выстрѣлъ противника: неожиданная рана была для него такою гнусностью, на которую онъ даже отъ Дантеса не разсчитывалъ. И вотъ, приподнявшись на шинели, опираясь лѣвою рукою въ снѣгъ, онъ сдѣлалъ свой мѣткій, хотя и не оказавшійся опаснымъ, выстрѣлъ. Ясно, что это могло ему удаться только вслѣдствіе внезапнаго сильнѣйшаго аффекта. Но вспышка была мгновенна: послѣ двухъ обмороковъ, лежа еще на землѣ, Пушкинъ обрадовался, узнавъ, что Дантесъ живъ,—хотя, правда, и самъ удивился этому чувству въ себѣ: только такъ и можно понять его слова, что, какъ онъ видитъ, ему, сверхъ его ожиданія, не доставило бы удовольствія убить Дантеса. И по естественной связи мыслей

---

[1]) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, Москва 1890. Стр. 430—431.

онъ тутъ же пережилъ новый приливъ гнѣва и негодованія,—вѣроятно, послѣдній,—прибавивъ, что все равно дѣло начнется сызнова, если они оба поправятся. Если нужны еще какія нибудь доказательства, то можно сослаться на позднѣйшія слова Пушкина Данзасу, что онъ не хочетъ, чтобы кто нибудь мстилъ за него, и желаетъ умереть христіаниномъ. Съ формальной точки зрѣнія ни о какой мести не могло быть и рѣчи: рана была нанесена по всѣмъ правиламъ поединковъ, поединокъ произошелъ вслѣдствіе оскорбленія, самимъ Пушкинымъ нанесеннаго,—кто же могъ бы тутъ мстить? Очевидно, этими словами Пушкинъ отвѣчалъ на свои собственныя мысли, въ которыхъ выстрѣлъ Дантеса представлялся гнусностью, заслуживающею мести.

V.

Въ предшествующемъ мы воспользовались всѣмъ матеріаломъ, который даетъ подлинное дѣло къ изученію самой дуэли, т.-е. ея обстоятельствъ и событій, ей предшествовавшихъ. Какъ сами читатели могутъ судить, это матеріалъ не особенно обильный и притомъ разбросанный по мелочамъ, но чрезвычайно цѣнный. Однако, дѣло о дуэли интересно не только для біографіи Пушкина, но любопытно и само по себѣ, какъ чрезвычайно богатый историко-бытовой и юридическій документъ. Съ этой точки зрѣнія невозможно сразу исчерпать въ краткой статьѣ его обильнаго содержанія. Необходимо множество предварительныхъ работъ, архивныхъ и другихъ справокъ, необходимъ спеціальный юридическій комментарій самаго процесса съ точки зрѣнія законовъ военнаго судопроизводства и т. д. Здѣсь мы дадимъ только краткій обзоръ дѣла, не вдаваясь въ подробности и лишь отмѣчая нѣкоторыя характерныя особенности; за подробностями отсылаемъ всѣхъ интересующихся къ подлиннику.

Несмотря на открытіе подлиннаго дѣла, самое начало его нѣсколько неясно. Согласно архивнымъ даннымъ, собраннымъ еще ранѣе, дѣло о дуэли возникло по рапорту командира Кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда [1]); въ военно-судномъ дѣлѣ объ этомъ рапортѣ вовсе нигдѣ не упоминается; однако изъ производства аудиторіатскаго департамента видно, что дѣло дошло до высочайшаго свѣдѣнія въ двойномъ порядкѣ, какъ по докладу военнаго министра, такъ и по командѣ, т.-е. что оно дѣйствительно началось съ рапорта полкового командира. Именно, отъ 29-го января 1837 командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Бистромъ, рапортуя о происшедшей 27-го января дуэли, «при которой поручикъ Гекеренъ раненъ, всеподданнѣйше доно-

[1]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4-е изд., Спб. 1899, стр. 131.

силъ о томъ, что онъ за этотъ противозаконный поступокъ сего офицера предписалъ судить его военнымъ судомъ при лейбъ-гвардіи Конномъ полку арестованнаго». Однако этотъ рапортъ былъ полученъ уже послѣ того, какъ императоръ Николай Павловичъ по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, состоявшемуся вслѣдствіе донесенія послѣднему генерала Бистрома о дуэли, повелѣлъ 29-го января, еще до кончины Пушкина, судить военнымъ судомъ какъ Пушкина и Дантеса (Пушкинъ въ дѣлѣ все время называется камергеромъ и только по справкѣ генералъ-аудиторіата было выяснено, что онъ не камергеръ, а камеръ-юнкеръ), такъ равно и всѣхъ прикосновенныхъ къ сему дѣлу, съ тѣмъ, что, ежели между ними окажутся лица иностранныя, то, не дѣлая имъ допросовъ и не включая въ сентенцію суда, представить о нихъ особую записку съ означеніемъ токмо мѣры ихъ прикосновенности [1]). Во исполненіе этой высочайшей воли, командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Бистромомъ, черезъ командира гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Кнорринга, и командира лейбъ-гвардіи Коннаго полка, генералъ-майора барона Мейендорфа, было сдѣлано распоряженіе, чтобы «предварительно военнаго суда произведено было чрезъ особаго штабъ-офицера слѣдствіе, кто именно прикосновенъ къ означенному дѣлу, которыхъ, кромѣ иностранцевъ, судить военнымъ судомъ въ учрежденный при лейбъ-гвардіи Конномъ полку комиссіи, а относительно иностранцевъ поступить, какъ высочайше повелѣно; поелику же извѣстно, что камергеръ Пушкинъ умеръ, то самое слѣдуетъ объяснить только въ приговорѣ суда, какому бы онъ за поступки его наказанію по законамъ подлежалъ» [2]). Такимъ образомъ оказывается ошибочнымъ донынѣ принятое свѣдѣніе, будто судъ по высочайшей волѣ опредѣлялъ мѣру наказанія Пушкина, которому бы онъ подлежалъ, если бы остался живъ [3]): высочайшее повелѣніе коснулось Пушкина только потому, что было издано еще при жизни его. Дантеса велѣно было въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу судить арестованнымъ [4]); вообще же подъ арестомъ онъ находился, по свидѣтельству формулярнаго списка, съ 27 января [5]). Изъ соображенія всего изложеннаго можно и при отсутствіи документальныхъ данныхъ догадываться, что Дантесъ немедленно послѣ дуэли рапортовалъ о ней по командѣ, предвидя неизбѣжную разгласку дѣла, т.-е. поступилъ вполнѣ исправно со служебной точки зрѣнія.

Генералъ Кнорринъ по предписанію генерала Бистрома [6]) предло-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 114.
[2]) Тамъ же, стр. 20—21; см. стр. 15—19.
[3]) В. В. Никольскій, «Идеалы Пушкина», 4 изд., Спб. 1899. Стр. 131.
[4]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 114; ср. стр. 36.
[5]) Тамъ же, стр. 36.
[6]) Тамъ же, стр. 18.

жилъ полковому командиру, учредивъ комиссію, назначить ея президомъ (предсѣдателемъ) флигель-адъютанта полковника Бреверна 1-го, а ассесорами офицеровъ по его усмотрѣнію, вмѣнить комиссіи въ обязанность открыть, «кто именно были посредниками (секундантами) при означенной дуэли и вообще кто зналъ и какое принималъ участіе въ совершеніи или отвращеніи оной», и «дѣло сіе окончить сколь возможно поспѣшнѣе»[1]). Полковой командиръ баронъ Мейендорфъ назначилъ слѣдователемъ полковника Галахова, ассессорами ротмистра Столыпина, штабъ-ротмистра Балабина, поручиковъ Анненкова и Шигорина, корнетовъ Чичерина и Осоргина, а для производства дѣла аудитора Маслова[2]). Вся переписка происходила между 29-мъ января и 2 февраля 1837 года. 3-го февраля было первое засѣданіе комиссіи, на которомъ сдѣланы предварительныя распоряженія[3]). Засѣданія, какъ видно изъ дѣла, происходили по утрамъ, съ 9 и съ 11 часовъ, на квартирѣ президуса, полковника Бреверна, въ казармахъ Коннаго полка[4]). На второмъ засѣданіи, 5-го февраля, корнеты Чичеринъ и Осоргинъ были приведены къ присягѣ, а прочимъ, какъ уже участвовавшимъ въ судебныхъ дѣлахъ, присяга была прочтена для напоминанія, и судъ начался[5]). Изъ рапорта слѣдователя и подлинныхъ ему показаній выяснилось, что о дуэли знали только Данзасъ, д'Аршіакъ и Гекеренъ (отецъ), «а больше никто», причемъ Данзасъ отозвался полнымъ незнаніемъ о мѣрѣ прикосновенности д'Аршіака и Гекерена, а изъ отзыва командира Кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда—что Дантесъ считается арестованнымъ и по случаю раны, имъ полученной на дуэли, живетъ у себя на квартирѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Влодека, подъ № 51[6]). Комиссія предписала произвести медицинское освидѣтельствованіе Дантеса и вступила въ переписку о подсудности ей Данзаса, не принадлежавшаго, какъ инженеръ-подполковника, къ гвардейскому корпусу. Немедленно же, по предписанію старшаго доктора гвардейскаго кавалерійскаго корпуса Енохина, освидѣтельствованіе было произведено 5-го февраля штабъ-лѣкаремъ Стефановичемъ, причемъ оказалось: «Поручикъ баронъ Гекеренъ имѣетъ пулевую проницающую рану на правой рукѣ ниже локтевого сустава на четыре поперечныхъ перста. Входъ и выходъ пули въ небольшомъ одинъ отъ другого разстояніи. Обѣ раны находятся въ сгибающихъ персты мышцахъ, окружающихъ лучевую кость, болѣе къ наружной сторонѣ. Раны простыя, чистыя, безъ поврежденія костей и большихъ кровеносныхъ сосудовъ. Больной можетъ хо-

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 18 слл.
[2]) Тамъ же, стр. 17.
[3]) Тамъ же, стр. 22—23.
[4]) Тамъ же, стр. 29 и 49.
[5]) Тамъ же, стр. 40.
[6]) Тамъ же, стр. 19—24.

дить по комнатѣ, разговариваетъ свободно, ясно и удовлетворительно, руку носитъ на повязкѣ и, кромѣ боли въ раненомъ мѣстѣ, жалуется также на боль въ правой верхней части брюха, гдѣ вылетѣвшая пуля причинила контузію, каковая боль обнаруживается при глубокомъ вдыханіи, хотя наружныхъ знаковъ контузіи незамѣтно. Отъ раненія больной имѣетъ обыкновенную небольшую лихорадку (ferbis vulneraria); вообще же онъ кажется въ хорошемъ и надежномъ къ выздоровленію состояніи, но точнаго срока къ выздоровленію совершенному опредѣлить нельзя» [1]). Въ засѣданіи 6-го февраля комиссія, выслушавъ входящія бумаги, въ томъ числѣ рапортъ Стефановича и формулярный и кондуитный списки Дантеса, и усмотрѣвъ изъ рапорта, что подсудимый можетъ ходить по комнатѣ и разговариваетъ свободно и удовлетворительно, опредѣлила: «для отобранія отъ него объясненія отправиться на квартиру его двумъ старшимъ ассессорамъ (т.-е. Столыпину и Балабину) и аудитору, что̀ же онъ имъ объявитъ, доложить комиссіи» [2]). Показанія Дантеса уже приведены выше по частямъ. Здѣсь же отмѣтимъ только двѣ подробности. Къ шестому пункту показанія Дантесъ прибавилъ, «что реляція всего учиненнаго нами дуэля вручена вышеупомянутымъ секундантомъ моимъ (т.-е. д'Аршіакомъ) при отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга камергеру князю Вяземскому, который до полученія оной о имѣющей быть между нами дуэли ничего не зналъ», а къ 5-му пункту, гдѣ изложилъ вкратцѣ исторію первой и второй своей дуэли, присовокупилъ, что «все сіе можетъ подтвердиться письмами, находящимися у его императорскаго величества» [3]). Объ этихъ письмахъ было много разговоровъ, и на ихъ открытіе возлагались обильныя надежды [4]). Благодаря подлинному дѣлу, оказывается, что эти надежды были напрасны. Письма эти, представленныя въ комиссію, были 1) письмо Пушкина къ Гекерену отъ 26 января и 2) письмо Пушкина къ графу Соллогубу (какъ показано выше; въ дѣлѣ оно значится письмомъ къ д'Аршіаку)[5]). По выслушаніи этого показанія, комиссія въ засѣданіи 7-го февраля опредѣлила представить по командѣ объ испрошеніи этихъ писемъ, составить и предъявить черезъ начальство князю Вяземскому вопросные пункты, затребовавъ съ него «реляцію о дуэли», и сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи подсудимаго черезъ каждые два дня съ донесеніемъ комиссіи о состояніи его здоровья [6]). Засѣданіе 8-го февраля было посвящено ускоренію переписки о представленіи комиссіи Данзаса

---

[1]) Тамъ же, стр. 32.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 44 и 43.
[4]) В. В. Никольскій. «Идеалы Пушкина». 4-е изд. Спб. 1899, стр. 132, прим. 2.
[5]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ». Спб. 1900. Стр. 48, 50—52.
[6]) Тамъ же, стр. 44—45.

и его формулярнаго и кондуитнаго списка [1]). Между тѣмъ въ тотъ же день князь Вяземскій представилъ свои объясненія, а именно, что «реляціи» о дуэли у него нѣтъ, а есть письмо д'Аршіака: «Не знавъ предварительно ничего о дуэли, про которую въ первый разъ услышалъ я вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что Пушкинъ смертельно раненъ, и (я?) при первой встрѣчѣ моей съ д'Аршіакомъ просилъ его разсказать о томъ, что̀ было. На сіе г. д'Аршіакъ вызвался изложить въ письмѣ все случившееся, прося меня притомъ показать письмо г. Данзасу для взаимной повѣрки и засвидѣтельствованія подробностей помянутой дуэли. Между тѣмъ письмо его доставлено мнѣ было уже по отъѣздѣ г. д'Аршіака за границу и слѣдовательно не могло быть прочтено и повѣрено вмѣстѣ обоими свидѣтелями и получить въ глазахъ моихъ ту достовѣрность, которую я желалъ имѣть въ свѣдѣніяхъ о несчастномъ происшествіи, лишившемъ меня человѣка, столь близкаго сердцу моему. Вслѣдствіе того я отдалъ письмо сіе г. Данзасу, который возвратилъ мнѣ оное съ письмомъ отъ себя (прилагаю у сего и то, и другое). Изъ вышеуказанныхъ словъ уже положительно усматривается, что я ничего не зналъ о дуэли до совершеннаго окончанія ея, что̀ подтверждаю и теперь, равномѣрно не слыхалъ я никогда ни отъ Александра Сергѣевича Пушкина, ни отъ барона Гекерена о причинахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ сіе несчастное происшествіе. При семъ покорнѣйше прошу возвратить мнѣ по минованіи надобности письма сіи, совершенно частныя и къ дѣлу не принадлежащія» [2]). Не можемъ здѣсь не замѣтить, что и это показаніе, какъ и всѣ другія, въ высшей степени неискренно и представляется лишь софистической увертkой отъ прямого и должнаго отвѣта. Такъ, напримѣръ, когда князь Вяземскій показываетъ, что ничего не зналъ о дуэли до совершеннаго окончанія ея, то это правда только въ томъ смыслѣ, что раньше окончанія дуэли онъ ничего не зналъ о томъ, что̀ на ней случилось: и мудрено было бы знать! Далѣе, говоря, что ни отъ Пушкина, ни отъ Гекерена ничего не слыхалъ о причинахъ дуэли, князь Вяземскій умалчиваетъ о томъ, что очень много слыхалъ объ этихъ причинахъ отъ другихъ лицъ, а также и о томъ, котораго Гекерена онъ разумѣетъ, Гекерена или Дантеса. Нельзя не отмѣтить этого благоразумнаго увиливанія, которое, кстати сказать, совершенно согласно съ видами графа Бенкендорфа, много способствовало обѣленію Дантеса, въ показаніяхъ друзей Пушкина, столь рѣшительно осуждавшихъ впослѣдствіи письменно и устно нравственный характеръ поэта, хотя и съ оговорками о смягчающихъ его вины обстоятельствахъ. 8-го же февраля штабъ-лѣкарь Стефановичъ рапортовалъ комиссіи:

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ», Спб. 1900. Отр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 46—47.

освидѣтельствовавъ Дантеса, онъ, «кромѣ припухлости и чувствительности при дотрогиваніи къ раненому мѣсту, другихъ болѣзненныхъ припадковъ не замѣтилъ», а потому полагаетъ, что подсудимый «и можетъ содержаться на гауптвахтѣ въ особой сухой и теплой комнатѣ, которая бы, слѣдовательно, ничѣмъ не отличалась существенно въ отношеніи къ его здоровью отъ занимаемой имъ теперь квартиры» [1]). Этотъ рапортъ, показаніе князя Вяземскаго съ приложеніями, увѣдомленіе о явкѣ къ суду Данзаса и письма Пушкина, полученныя отъ государя черезъ графа Нессельроде, были выслушаны въ засѣданіи 9 февраля комиссіею, которая и опредѣлила, между прочимъ, перевести французскія письма въ присутствіи комиссіи на русскій діалектъ и доложить комиссіи вновь, а также увѣдомить полкового командира о результатахъ освидѣтельствованія Дантеса [2]). Затѣмъ въ засѣданіяхъ 10-го и 11-го февраля были вновь допрошены и передопрошены Дантесъ и Данзасъ (ихъ показанія по частямъ приведены выше), а въ засѣданіи 12-го февраля, выслушавъ ихъ объясненія и формулярный и кондуитный списки Данзаса, комиссія опредѣлила еще разъ допросить Дантеса [3]). По полученіи его объясненій, комиссія въ засѣданіи 13-го февраля опредѣлила «вышеупомянутое объясненіе пріобщить къ дѣлу и привесть оное немедленно къ окончательному рѣшенію, сочинить изъ него выписку, прибрать приличные къ преступленію подсудимыхъ законы, на основаніи оныхъ заключить сентенцію, съ подсудимыхъ въ томъ, что имъ при производствѣ суда сего никакихъ пристрастныхъ допросовъ чинено не было, взять на основаніи указа 6 ноября 1804 года подписку, о прикосновенныхъ иностранныхъ лицахъ и о мѣрѣ прикосновенности ихъ составить особую записку и потомъ дѣло представить на благоусмотрѣніе по командѣ» [4]). На это опредѣленіе аудиторъ Масловъ на слѣдующій же день представилъ рапортомъ весьма характерный протестъ: «По лежащей на мнѣ обязанности, изложенной воинскихъ процессовъ I-й главы въ пунктахъ 7-мъ и 8-мъ, и соображаясь съ указомъ 1802 года августа 18 съ пунктомъ 15-мъ, я по обстоятельствамъ означеннаго дѣла считалъ бы неизлишнимъ потребовать чрезъ С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера установленнымъ порядкомъ отъ жены камергера Пушкина объясненіе въ томъ именно: 1) не извѣстно ли ей, какія именно безымянныя письма получилъ покойный мужъ ея, которыя вынудили его написать 26 числа минувшаго генваря къ нидерландскому посланнику барону Гекерену оскорбительное письмо, послужившее, какъ по дѣлу видно, причиною

---

[1]) Тамъ же, стр. 50.
[2]) Тамъ же, стр. 48.
[3]) Тамъ же, стр. 60, 64—74.
[4]) Тамъ же, стр. 76.

къ вызову подсудимымъ Гекереномъ его, Пушкина, на дуэль; 2) какія подсудимый Гекеренъ, какъ онъ самъ сознается, писалъ къ ней, Пушкиной, письма или записки, кои покойный мужъ ея въ письмѣ къ барону Гекерену отъ 26 генваря называетъ дурачествомъ, гдѣ всѣ сіи бумаги нынѣ находятся, равно и то письмо, полученное Пушкинымъ отъ неизвѣстнаго еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ которомъ виновникомъ распри между подсудимымъ Гекереномъ и Пушкинымъ названъ нидерландскій посланникъ баронъ Гекеренъ, и вслѣдствіе чего Пушкинъ еще прежде сего вызывалъ подсудимаго Гекерена на дуэль, но оная не состоялась потому, что подсудимый Гекеренъ предложилъ жениться на его свояченицѣ, а ея сестрѣ; и 3) изъ письма умершаго подсудимаго Пушкина видно, что посланникъ, баронъ Гекеренъ, когда сынъ его, подсудимый Гекеренъ, по болѣзни былъ одержанъ дома, говорилъ женѣ Пушкиной, что сынъ его умираетъ отъ любви къ ней, и шепталъ возвратить ему его, а послѣ уже свадьбы Гекерена, какъ Пушкинъ 27 числа генваря у графа д'Аршіака въ присутствіи секунданта своего Данзаса объяснилъ, что они, Гекерены, дерзкимъ обхожденіемъ съ женой его при встрѣчахъ въ публикѣ давали поводъ къ усиленію поносительнаго для чести ихъ, Пушкиныхъ, мнѣнія: посему я считалъ бы нужнымъ о поведеніи гг. Гекереновъ въ отношеніи обращенія ихъ съ Пушкиною взять отъ нея также объясненіе. Если же комиссіи военнаго суда неблагоугодно будетъ истребовать отъ вдовы Пушкиной по вышеизложеннымъ предметамъ объясненія, то я всепокорнѣйше прошу, дабы за упущеніе своей обязанности не подвергнуться мнѣ отвѣтственности, рапортъ сей пріобщить къ дѣлу для видимости высшаго начальства»[1]). Однако этотъ протестъ въ засѣданіи 14-го февраля былъ комиссіей оставленъ безъ послѣдствій, «дабы безъ причины не оскорбить г-жу Пушкину требованіемъ изложенныхъ въ рапортѣ аудитора Маслова объясненій», такъ какъ комиссія, имѣвъ въ виду обстоятельства дѣла, нашла таковое «довольно яснымъ»[2]). Однако на слѣдующій день въ комиссію поступилъ дополнительный рапортъ Данзаса, также приведенный выше по частямъ, а 16-го были получены чрезъ дивизіоннаго командира графа Апраксина доставленныя къ нему по высочайшему повелѣнію шефомъ жандармовъ найденныя между бумагами Пушкина письма, записки и визитная карточка д'Аршіака съ его собственноручною надписью. Это были записки д'Аршіака по поводу дуэли и письмо Гекереновъ съ вызовомъ[3]). Въ тотъ же день въ двухъ засѣданіяхъ комиссія слушала эти документы въ подлинникѣ и сдѣланномъ между тѣмъ переводѣ и ра-

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. Стр. 77—78.
[2]) Тамъ же, стр. 76 сл.
[3]) Тамъ же, стр. 78—80 и 82—88.

портъ Данзаса и затѣмъ постановила привести дѣло къ окончанію по опредѣленію своему 13-го февраля [1]). Затѣмъ 19-го февраля состоялось послѣднее засѣданіе комиссіи, на которомъ отъ подсудимыхъ была отобрана подписка въ томъ, что имъ не было чинимо пристрастныхъ допросовъ, и прочитана имъ выписка изъ дѣла, правильность которой они собственноручно засвидѣтельствовали [2]). Законы были приведены слѣдующіе:

Указомъ 1702 года генваря 14-го повелѣно: «Всѣмъ обрѣтающимся въ Россіи и въѣзжающимъ иностраннымъ поединковъ ни съ какимъ оружіемъ не имѣть и для того никого не вызывать и не выходить; а кто, вызвавъ на поединокъ, ранитъ, тому учинена будетъ смертная казнь; ежели-жъ кто, и не бывъ на поединкѣ, поссорясь, вынетъ какое оружіе, на другого замахнется, у того по розыску отсѣчена будетъ рука».

Воинскаго сухопутнаго устава артикулами:

139-мъ. «Всѣ вызовы, драки и поединки чрезъ сіе наижесточайше запрещаются такимъ образомъ, чтобъ никто, хотя-бъ кто онъ ни былъ, высокаго или низкаго чина, прирожденный здѣшній или иноземецъ, хотя другой кто, словами, дѣломъ, знаками или инымъ чѣмъ къ тому побужденъ и раззадоренъ былъ, отнюдь не дерзалъ соперника своего вызывать, ниже на поединокъ съ нимъ на пистолетахъ или на шпагахъ биться. Кто противъ сего учинитъ, оный всеконечно, какъ вызыватель, такъ кто и выйдетъ, имѣетъ быть казненъ, а именно повѣшенъ, хотя изъ нихъ кто будетъ раненъ или умерщвленъ, или хотя оба не ранены отъ того отойдутъ. И ежели случится, что оба или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ останется, то ихъ и по смерти за ноги повѣсить».

140-мъ. «Ежели кто съ кѣмъ поссорится и упроситъ секунданта (или посредственника), онаго купно съ секундантомъ, ежели пойдутъ и захотятъ на поединкѣ биться, такимъ же образомъ, какъ и въ прежнемъ артикулѣ упомянуто, наказать надлежитъ».

142-мъ. «Для остереганія всякаго случая, надлежитъ при зачатіи такихъ дракъ постороннимъ ссорящихся пріятельски помирить искать и, ежели того не могутъ учинить, то немедленно по карауламъ послать или самимъ сходить и о такомъ дѣлѣ объявить, дабы караулъ ихъ развести или при нужномъ случаѣ за арестъ взять могъ; кто сего не учинитъ, оный такожъ, яко и виноватый, накажется».

Манифеста о поединкахъ 1787 года апрѣля 21-го, пункты:

3. «Подтверждается запрещеніе словами или письмомъ или пересылкою вызывать кого на драку, или такъ прозванный поединокъ».

4. «Подтверждается запрещеніе вызванному словами, письмомъ или пересылкою выходить на драку или поединокъ» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 80 сл.

[2]) Тамъ же, стр. 88 и 103.

[3]) Тамъ же, стр. 103—105.

Въ сентенціи, то-есть приговорѣ, комиссія, кратко изложивъ обстоятельства дѣла въ чрезвычайно неблагожелательномъ къ Пушкину тонѣ и напротивъ крайне снисходительно въ отношеніи Дантеса, найдя, въ заключеніе, «какъ его, такъ и камергера Пушкина виновными въ произведеніи строжайше запрещеннаго законами поединка, а Гекерена и въ причиненіи пистолетнымъ выстрѣломъ Пушкину раны, отъ коей онъ умеръ, приговорила: подсудимаго поручика Гекерена за таковое преступное дѣйствіе по силѣ 139 артикула воинскаго сухопутнаго устава и другихъ подъ выпискою подведенныхъ законовъ повѣсить, каковому наказанію подлежалъ бы и подсудимый камергеръ Пушкинъ, но какъ онъ уже умеръ, то сужденіе его за смертію прекратить; а подсудимаго подполковника Данзаса, хотя онъ и объясняетъ комиссіи, что при изъявленіи согласія быть посредникомъ при вышеобъясненномъ происшествіи спрашивалъ секунданта съ противной стороны графа д'Аршіака, не имѣетъ ли средствъ къ примиренію ссорящихся, который отозвался, что нѣтъ никакихъ, но, какъ не поступилъ по всей силѣ 142 воинскаго артикула, не донесъ заблаговременно начальству о предпринимаемомъ ими зломъ умыслѣ и тѣмъ допустилъ совершиться дуэли и самому убійству, которое отклонить еще были способы, то его, Данзаса, по долгу вѣрноподданнаго не исполнившаго своей обязанности, по силѣ 140 воинскаго артикула повѣсить; каковой приговоръ подсудимымъ поручику барону Гекерену и инженеръ-подполковнику Данзасу объявить (и объявленъ), а до воспослѣдованія надъ ними конфирмаціи, на основаніи доклада генералъ-аудитора князя Салагова отъ 18 іюля 1802 года, содержать подъ строгимъ карауломъ» [1]).

По заключеніи военно-судное дѣло поступило на отзывъ по командѣ. Не имѣя здѣсь возможности подвергать мнѣнія начальниковъ, какъ они заслуживаютъ, подробному разбору, мы ограничимся краткой ихъ передачею. Командиръ Кавалергардскаго полка генералъ Гринвальдъ въ общемъ призналъ Дантеса кругомъ виноватымъ, но въ снисхожденіе къ его «молодымъ лѣтамъ» и къ тому, что онъ былъ «движимъ чувствами сына защищать честь оскорбленнаго отца своего (хотя сему, быть можетъ, самъ былъ причиною)», полагалъ, вмѣсто повѣшенія, лишивъ его всѣхъ правъ и преимуществъ, разжаловать въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны на службу; Данзаса же, хотя и виновнаго въ недонесеніи о дуэли и потому подлежащаго равному наказанію, не лишая дворянства, а только знаковъ отличія, разжаловать въ рядовые до отличной выслуги съ опредѣленіемъ въ армейскіе полки, во вниманіе къ его долговременной безпорочной службѣ, бытности въ походахъ

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ». Спб. 1900. Стр. 105—108.

и полученной ранѣ [1]). Бригадный командиръ, баронъ Мейендорфъ, не входя въ разсмотрѣніе вины Дантеса, но считая приговоръ комиссіи правильнымъ, полагалъ однако же, хотя и безо всякой мотивировки, кромѣ ссылки на монаршее милосердіе, достаточнымъ подвергнуть его тому же наказанію, какъ и генералъ Гринвальдъ, прибавляя только, что разжаловать слѣдуетъ безъ выслуги и опредѣлить въ кавказскій отдѣльный корпусъ; къ Данзасу же отнесся еще снисходительнѣе, полагая его только выдержать въ крѣпости въ казематѣ 6 мѣсяцевъ со строгимъ послѣ того подтвержденіемъ, чтобы при подобныхъ случаяхъ ссору старался прекратить миролюбно, и прибавляя къ мотивировкѣ генерала Гринвальда то соображеніе, что Данзасъ вовлеченъ былъ въ преступленіе «изъ уваженія къ Пушкину, съ коимъ, по собственному его чистосердечному предъ судомъ объясненію видно, имѣлъ товарищество и дружбу съ дѣтства» [2]). Еще мягче отнесся къ подсудимымъ дивизіонный командиръ, графъ Апраксинъ, хотя и отмѣтилъ въ мотивировкѣ нѣсколько подробностей, едва ли оправдывающихъ такую снисходительность. Упомянувъ, напримѣръ, что Дантесъ назвалъ первый вызовъ Пушкина «безпричиннымъ» (выше мы указали, что эти слова вѣрнѣе было бы понимать въ смыслѣ «немотивированный»), графъ Апраксинъ указываетъ его признаніе о запискахъ къ Пушкиной, которое, «слѣдовательно, не отклоняетъ ничѣмъ подозрѣній» противника. Далѣе, сопоставляя показаніе Дантеса, будто всѣ его сношенія съ Пушкиною состояли только «въ учтивостяхъ», съ упреками Пушкина «въ дерзкомъ обращеніи съ женой его», находилъ, что «для приведенія сего въ ясность» слѣдовало бы допросить Пушкину, предоставляя это впрочемъ на усмотрѣніе начальства. За всѣмъ тѣмъ графъ Апраксинъ полагалъ Дантеса разжаловать въ рядовые впредь до отличной выслуги (безъ мотивировки, съ одною ссылкою на монаршее милосердіе), Данзаса же, «который введенъ былъ въ сіе дѣло внезапно и который имѣлъ надеждой и первымъ желаніемъ помирить противниковъ» и во вниманіе къ его служебнымъ заслугамъ, «не лишая кровью его заслуженныхъ почестей, продержать въ крѣпости 4 мѣсяца и потомъ обратить попрежнему на службу» [3]). Корпусный командиръ, генералъ Кноррингъ, относительно Данзаса въ мотивировкѣ и выводѣ всецѣло присоединился къ мнѣнію графа Апраксина; къ Дантесу же отнесся немного строже, прибавивъ къ разжалованію въ рядовые впредь до отличной выслуги еще «преданіе церковному покаянію, выдержавъ притомъ въ крѣпости шесть мѣсяцевъ въ казематѣ», мотивируя смягченіе законнаго наказанія тѣмъ, что Дантесъ былъ «движимъ чувствованіями сына въ защищенію чести оскорбленнаго отца». Изложеніе имъ дѣла вполнѣ без-

[1]) Тамъ же, стр. 6—7.
[2]) Тамъ же, стр. 7—8.
[3]) Тамъ же, стр. 8—9.

пристрастно по тону и оттого благопріятно Пушкину, а, кромѣ того, имъ дважды отмѣчена невыясненность дѣла[1]). Командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ Бистромъ, относительно Данзаса присоединился къ графу Апраксину и генералу Кнорринту, полагая, въ виду служебныхъ заслугъ, достаточнымъ, вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ судомъ, выдержать на гауптвахтѣ въ крѣпости четыре мѣсяца и затѣмъ обратить попрежнему на службу, относительно же Дантеса нѣсколько видоизмѣнилъ наказаніе, умолчавъ о церковномъ покаяніи, но найдя справедливымъ, лишивъ чиновъ и правъ состоянія, опредѣлить его рядовымъ впредь до отличной выслуги въ войска отдѣльнаго кавказскаго корпуса и выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ, «такъ какъ относительно его нѣтъ въ виду никакихъ заслуживающихъ снисхожденія обстоятельствъ, ибо письмо камеръ-юнкера Пушкина къ посланнику барону Гекерену съ выраженіями, весьма оскорбительными для чести обоихъ Гекереновъ, при строгомъ воспрещеніи дуэли, не могло давать права на таковое противозаконное самоуправіе; впрочемъ, всякое разсужденіе о семъ письмѣ безъ объясненія Пушкина было бы односторонне—и въ особенности, если взять въ соображеніе, что заключающаяся въ томъ письмѣ чрезвычайная дерзость не могла быть написана безъ чрезвычайной же причины, которая токмо слабо объясняется показаніемъ подполковника Данзаса и сознаніемъ самого поручика Гекерена, что выраженія его въ запискахъ къ женѣ Пушкина могли возродить въ семъ послѣднемъ щекотливость, какъ мужа»[2]). Относительно Пушкина генералы Гринвальдъ и графъ Апраксинъ совершенно умолчали, генералъ Кнорингъ высказался, что онъ подлежалъ бы равному съ Дантесомъ наказанію, если бы остался живъ, баронъ Мейендорфъ полагалъ «относительно подсудимаго Пушкина, подлежавшаго наказанію въ равной степени съ поручикомъ Гекереномъ, сужденіе за смертію его оставить», а генералъ Бистромъ—«о поступкѣ камергера Пушкина за смертію его оставить безъ дальнѣйшаго заключенія».

Съ этими мнѣніями, заключенными 27 и 28 февраля и 3, 6 и 11 марта, генералъ Бистромъ въ тотъ же день препроводилъ дѣло въ аудиторіатскій департаментъ, увѣдомляя, что при «ревизіи этого дѣла въ штабѣ гвардейскаго корпуса замѣчены упущенія: 1) не спрошена по обстоятельствамъ, въ дѣлѣ значащимся, жена умершаго камергера Пушкина; 2) не истребованы къ дѣлу записки къ ней поручика барона Гекерена, которыя, между прочимъ, были начальною причиною раздраженія Пушкина; 3) не взято надлежащаго засвидѣтельствованія о причинѣ смерти камергера Пушкина, и 4) что не истребованъ былъ въ судъ особый переводчикъ для

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.
[2]) Тамъ же, стр. 12—13.

перевода писемъ и записокъ съ французскаго языка, а сдѣланы тѣ переводы самими членами суда, со многими ошибками, почему хотя бы и слѣдовало возвратить означенное дѣло для изъясненныхъ пополненій, но какъ главныя преступленія подсудимыхъ достаточно объясняются, то, дабы не замедлить въ дальнѣйшемъ его представленіи, генералъ Бистромъ рѣшился препроводить оное въ такомъ видѣ, въ какомъ есть» [1]).

По предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ департаментѣ, оно 16-го марта было слушано генералъ-аудиторіатомъ въ составѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Шаховского, генерала-отъ-артиллеріи Игнатьева, генералъ-лейтенантовъ Крыжановскаго, Полуехтова, Княжнина, Козена, Бѣлоградскаго, Берхмана и генералъ-аудитора Ноинскаго. Послѣ пространнаго изложенія дѣла и привлеченія къ нему, кромѣ ст. 139 и 140 воинскаго сухопутнаго устава, еще ст. 168, т. IX и ст. 173, 174, 332, 334 и 349 — 357, т. XV Св. Зак. изд. 1832 года [2]), генералъ-аудиторіатъ постановилъ подробно мотивированную сентенцію, въ которой, между прочимъ, первымъ поводомъ къ дуэли призналъ «легкомысленное поведеніе барона Егора Гекерена, который оскорблялъ жену Пушкина своими преслѣдованіями, клонившимися къ нарушенію семейственнаго спокойствія и святости правъ супружескихъ» [3]). Въ мотивировкѣ приговора отмѣчено, что, хотя Дантесъ по этой части и не сдѣлалъ точнаго признанія, однако «таковое отрицательство не заслуживаетъ уваженія», ибо доказано, что онъ посылалъ Пушкиной неумѣстныя записки, что онъ еще въ ноябрѣ былъ вызванъ Пушкинымъ, и что выраженія Пушкина въ письмѣ къ Гекерену необъяснимы безъ важныхъ причинъ, отчасти поясняемыхъ самымъ содержаніемъ письма и объясненіями Пушкина въ присутствіи секундантовъ [4]). Приговоръ опредѣлялъ: Дантеса, на основаніи воинскаго 139 артикула и ст. 352 т. XV Св. Зак. изд. 1832 года, «лишивъ чиновъ и пріобрѣтеннаго имъ россійскаго дворянскаго достоинства, написать въ рядовые съ опредѣленіемъ на службу по назначенію инспекторскаго департамента», а Данзаса, хотя онъ на основаніи ст. 354 т. XV Св. Зак. изд. 1832 года и подлежалъ бы лишенію чиновъ, «вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца и послѣ того обратить попрежнему на службу», «преступный же поступокъ самого камеръ-юнкера Пушкина, подлежавшаго равному съ подсудимымъ Гекереномъ наказанію за написаніе дерзкаго письма къ министру нидерландскаго двора и за согласіе принять предложенный ему противозаконный вызовъ на дуэль, по случаю его смерти пре-

[1]) Тамъ же. стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, стр. 141.
[4]) Тамъ же, стр. 143—144.

дать забвенію»[1]). На подлинномъ опредѣленіи императоръ Николай Павловичъ 18-го марта собственноручно положилъ конфирмацію: «Быть по сему, но рядового Гекерена, какъ не-русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ за границу, отобравъ офицерскіе патенты»[2]).

Въ тотъ же день высочайшая конфирмація была приведена въ исполненіе и подсудимые, по объявленіи имъ конфирмаціи, отправлены: Дантесъ—къ дежурному генералу главнаго штаба для дальнѣйшаго распоряженія о высылкѣ его за границу, а Данзасъ къ коменданту С.-Петербургской крѣпости[3]). Приговоръ Дантесу былъ объявленъ въ высочайшемъ приказѣ 20 марта 1837 года. На этомъ кончается военно-судное дѣло, опубликованное П. М. Кауфманомъ. Однако существуютъ и другія архивныя свѣдѣнія, которыми всего умѣстнѣе заключить настоящій очеркъ,— о высылкѣ Дантеса[4]). 19-го марта въ 9 ч. утра къ нему явился жандармскаго дивизіона. унтеръ-офицеръ Яковъ Новиковъ, долженствовавшій сопровождать его до границы. Въ 11 ч. ему было дозволено свиданіе съ отцомъ и женой. Объ этомъ свиданіи есть слѣдующее донесеніе (безъ титула): «По приказанію вашего превосходительства дозволено было рядовому Гекерену свиданіе съ женой его въ квартирѣ посланника барона Гекерена; при семъ свиданіи находились: жена рядового Гекерена, отецъ его—посланникъ и нѣкто графиня Строганова. При свиданіи я, вмѣстѣ съ адъютантомъ вашего превосходительства, гвардіи ротмистромъ Арцыбушевымъ, былъ безотлучно. Свиданіе продолжалось всего одинъ часъ. Разговоровъ, заслуживающихъ особаго вниманія, не было. Вообще въ разжалованномъ Гекеренѣ не замѣтно никакого неудовольствія; напротивъ, онъ изъявлялъ благодарность къ государю императору за милости къ нему и за дозволеніе, данное его женѣ, бывать у него ежедневно во время его содержанія подъ арестомъ. Между прочимъ, говорилъ онъ, что по пріѣздѣ его въ Баденъ онъ тотчасъ явится къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу. Во все время свиданія рядовой Гекеренъ, жена его и посланникъ Гекеренъ были совершенно покойны; при прощаніи ихъ не замѣчено никакихъ особыхъ чувствъ. Рядовой Гекеренъ отправленъ мною въ путь съ наряженнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ въ $1^3/_4$ по полудни». 23-го марта Дантесъ былъ уже въ Таурогенѣ. Унтеръ-офицеръ Новиковъ по возвращеніи донесъ, «что Гекеренъ во все время пути велъ себя смирно и весьма мало съ нимъ говорилъ, а при отъѣздѣ за границу далъ ему 25 рублей». Данзасъ просидѣлъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости съ 19-го марта по 19-ое мая 1837 г.

---

[1]) Тамъ же, стр. 144—145.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, стр. 156.
[4]) В. В. Никольскій. «Идеалы Пушкина». 4-е изд. Спб. 1899. Стр. 135 слл.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Правдоподобіе разсказа Матюшкина повышается почти до степени достовѣрности еще вотъ какими соображеніями. Матюшкинъ сказалъ, что въ ноябрѣ 1837-го года былъ у Яковлева обѣдъ по случаю дня его рожденія. Это невѣрно: М. Л. Яковлевъ родился 19 сентября 1798 года (кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», Спб. 1895, II, 460. За эту ссылку приношу мою благодарность В. И. Саитову) и, стало быть, праздновалъ не рожденіе; по всей вѣроятности, обѣдъ былъ данъ въ день его именинъ, а именины праздновались 8-го ноября, въ день Архангела Михаила. Извѣстно, какъ чтится у насъ этотъ день ангела. Такимъ образомъ, хотя Яковлевъ родился подъ празднованіе вмч. Михаила, князя Черниговскаго (20 сентября), почему, вѣроятно, и получилъ имя, но перенесъ свои именины на 8 ноября. Если же это такъ, то вполнѣ естественно, что у Пушкина могъ зайти разговоръ о пасквилѣ, всего три дня какъ разосланномъ и полученномъ, т.-е. именно въ то время какъ поэтъ «пустился на розыски».

Лен. Гос. Университет
Научн. библиотека
им. М. Горького

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

СИСТЕМА И ТЕКСТЪ XII ТАВЛИЦЪ. Изслѣдованіе по исторіи римскаго права Б. В. Никольскаго. Спб. 1897. 8°. Стр. 480. Цѣна 4 руб. 50 коп.

XII ТАВЛИЦЪ. Сводный текстъ отрывковъ XII таблицъ со свидѣтельствами древнихъ и указателями. Изданіе Б. В. Никольскаго. Спб. 1897. Крупн. 8°. Стр. 155. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЭТЪ И ЧИТАТЕЛЬ ВЪ ЛИРИКѢ ПУШКИНА. Критическій очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1899. 8°. Стр. 82. Цѣна 75 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Б. В. Никольскаго. Спб. 1899. Миніат. 8°. Стр. 324. Цѣна 2 руб.

ИДЕАЛЫ ПУШКИНА. Актовая рѣчь В. В Никольскаго съ приложеніемъ статей того же автора «Жобаръ и Пушкинъ» и «Дантесъ-Гекеренъ». Изданіе четвертое, исправленное и дополненное замѣткою того же автора «Къ библіографіи Евгенія Онѣгина». Спб. 1899. 8°. Стр. 152. Цѣна 85 коп.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ А. А. ФЕТА. Подъ редакцію Б. В. Никольскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Томъ I. Стр. CXII+496. Томъ II. Стр. XVIII +654. Томъ III. Стр. VIII+486. Спб. 1901. 8°. Цѣна за три тома 5 рублей.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

АКАДЕМИЧЕСКІЙ ПУШКИНЪ. Критическій разборъ, дополненія и указатели къ первому тому академическаго изданія сочиненій Пушкина, составленные Б. В. Никольскимъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ДАРЕНІЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ. Изслѣдованіе по римскому праву Б. В. Никольскаго.

Цѣна 85 коп.

[6p]